

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2023 Том 18 № 3 (39)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanryrechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
[Ст. Гайда], Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Серио, Ph.D., проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Stanisław Gajda (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- Крючкова Н. В.**
Астана, Казахстан,
Крючкова О. Ю.
Саратов, Россия
- Жанрово-дискурсивная обусловленность содержания
концепта (на материале концепта *молодость*)..... 212

Исследования отдельных жанров

- Стексова Т. И.**
Новосибирск, Россия
- Речевые жанры негативной реакции..... 219
- Данилина Н. И.**
Саратов, Россия
- Casus generis..... 229
- Громыко С. А.**
Вологда, Россия
- Нерегламентированная реплика как жанр
парламентской речи (на материале русского
парламентского дискурса начала XX века)..... 237
- Мякшева О. В.,**
Суркова М. В.
Саратов, Россия
- Образ России в учебниках русского языка 245

Жанры в художественном творчестве

- Алтынбаева Г. М.**
Саратов, Россия
- Особенности жанра писательских мемуаров
А. И. Солженицына..... 252
- Рогожина Е. И.,**
Байкулова А. Н.
Саратов, Россия
- Субжанр «обращение» в речи героев-интеллигентов
(на материале советской драматургии
1950–1980-х годов)..... 260
- Палашевская И. В.**
Волгоград, Россия,
Гогенко В. В.
Ростов-на-Дону, Россия
- Ценности власти в англосаксонском героическом эпосе
раннего Средневековья..... 267
- Воркачев С. Г.**
Краснодар, Россия
- Апог: вербализация романтической любви
в песенном жанре 275

Жанры СМИ

- Никонова Е. А.**
Москва, Россия
- Характеристики аналитической статьи как вида
публикаций англоязычного масс-медиа дискурса..... 283
- Зарайский А. А.,**
Семухина Е. А.
Саратов, Россия
- Культурное знание как концептуальное основание
речевого жанра религиозного наставления
(на материале медиадискурса) 294

Интернет-жанры

- Новикова Э. Ю.**
Волгоград, Россия
- COVID-19-дискурс как особый вид дискурса
в структуре университетского интернет-портала
(на материале русского и немецкого языков)..... 300

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Kryuchkova N. V.**
Astana, Kazakhstan,
Kryuchkova O. Yu.
Saratov, Russia
- Genre and discourse conditionality of concept meaning
(on the example of the concept 'youth')..... 212

Studies of Individual Genres

- Steksova T. I.**
Novosibirsk, Russia
- Speech genres of negative reaction 219
- Danilina N. I.**
Saratov, Russia
- Casus generis 229
- Gromyko S. A.**
Vologda, Russia
- Unrestricted remark as a genre of parliamentary speech
(based on Russian parliamentary discourse of the early
XX century) 237
- Myakshева O. V.,
Surkova M. V.**
Saratov, Russia
- The image of Russia in Russian language textbooks 245

Genres in Art

- Altynbaeva G. M.**
Saratov, Russia
- The genre features of A. I. Solzhenitsyn's memoirs 252
- Rogozhina E. I.,
Baikulova A. N.**
Saratov, Russia
- The subgenre "address" in the speech of the Soviet
intelligentsia (abased on the Soviet dramatic texts
of 1950–1980-s) 260
- Palashevskaya I. V.**
Volgograd, Russian
Gogenko V. V.
Rostov-on-Don, Russia
- Values of power in Anglo-Saxon heroic epos of the early
Middle Ages 267
- Vorkachev S. G.**
Krasnodar, Russia
- Amor: Verbalization of romantic love in the song genre 275

Genres of Mass Media

- Nikonova E. A.**
Moscow, Russia
- Analytical article as a mass media genre (based on English
mass media texts) 283
- Zaraiskiy A. A.,
Semukhina E. A.**
Saratov, Russia
- Cultural knowledge as the conceptual basis of the speech
genre of religious instruction (based on media discourse) 294

Internet Genres

- Novikova E. Yu.**
Volgograd, Russia
- COVID-19 discourse as a specific type of discourse
in the structure of the university Internet portal
(based on the Russian and German materials) 300

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 212–218

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 212–218

<https://zhanry-rechi.sgu.ru><https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-212-218>, EDN: TAYHJQ

Научная статья

УДК 81'37'42

**Жанрово-дискурсивная обусловленность содержания концепта
(на материале концепта *молодость*)****Н. В. Крючкова¹, О. Ю. Крючкова²✉**¹Казахский гуманитарный юридический университет им. М. С. Нарикбаева, Казахстан, 010000, г. Астана, Коргалжынское шоссе, д. 8²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83**Крючкова Надежда Владимировна**, доктор филологических наук, профессор Высшей гуманитарной школы, kryuchkovanv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2754-0061>**Крючкова Ольга Юрьевна**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Аннотация. На примере концепта *молодость* раскрывается вариативная сущность концептов. Показано, что концепты как структуры хранения знаний модифицируются под влиянием коммуникативного узуса, дискурсивных предпочтений, свойственных определенным сферам общения, жанровым формам. К анализу привлечены контексты, отобранные из Национального корпуса русского языка с учетом дифференциации текстов по типам (сферам функционирования) и жанровым разновидностям. Выборка из газетного подкорпуса (текстов центральных и региональных СМИ), основного подкорпуса (художественных и нехудожественных текстов с их жанровыми разновидностями) ограничена современным материалом – текстами, созданными в период 2015–2022 гг. Выявлено, что разные типы и жанры речи неоднородны с точки зрения актуализованного в них содержания концепта *молодость*, наблюдается выдвигание разных семантических компонентов и их наборов, своеобразная расстановка смысловых акцентов в пределах одних и тех же семантических признаков. Показана значимость количественных распределений при жанрово-дискурсивном анализе концептов. Именно на основе количественных данных выявляются наиболее актуальные (частотные) для данного типа дискурса или его жанровых разновидностей смысловые компоненты и их корреляции – при поверхностном сходстве элементов концептуального содержания, реализуемых в текстах одного временного среза. Утверждается положение о том, что концепт является единицей коммуникации, получающей свою определенность на уровне дискурсивной реализации; концепт представляет собой не жесткую структуру с устойчивым набором признаков, а вероятность взаимосвязей, получающих своеобразное воплощение в разных типах и жанрах речи.

Ключевые слова: жанр, дискурс, концепт, динамика, вариативность**Для цитирования:** Крючкова Н. В., Крючкова О. Ю. Жанрово-дискурсивная обусловленность содержания концепта (на материале концепта *молодость*) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 212–218. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-212-218>, EDN: TAYHJQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Genre and discourse conditionality of concept meaning
(on the example of the concept 'youth')****N. V. Kryuchkova¹, O. Yu. Kryuchkova²✉**¹Narikbaev KAZGUU University, 8 Korgalzhynskoe shosse, 010000 Astana, Kazakhstan²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia**Nadezda V. Kryuchkova**, kryuchkovanv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2754-0061>**Olga Yu. Kryuchkova**, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Abstract. The article deals with variational nature of concepts on the example of the concept ‘youth’. The authors show that concepts as knowledge storage structures are modified under the influence of communicative usage and discourse preferences peculiar to different spheres of communication and genre forms. The analysis is based on the contexts selected from the National Corpus of the Russian Language with the differentiation of texts by types (functional spheres) and genre varieties. The selections from the newspaper sub-corpus (the texts of the federal and regional media) and from the main sub-corpus are limited by the modern period – the texts of 2015–2022. It was proved that different types and genres of speech are heterogeneous from the point of view of the actual meaning of the concept ‘youth’ revealed in them.

The authors demonstrate actualization of different semantic components and their combinations, as well as specific placement of semantic emphasis within the boundaries of the same semantic components. The analysis has revealed the importance of a quantitative distribution according to genres and types of discourse. It is based on the quantitative data that we can elicit the semantic components and their correlations which are the most relevant (frequent) for an individual type of discourse and its genre variations – considering that the elements of conceptual content appearing in the texts of the same time sample are superficially similar. The authors argue that concepts are units of communication which are fully defined only on the level of their discourse realization and that concepts represent not a rigid structure with a fixed set of components but a probability of interconnections which are specifically manifested in different types and genres of speech.

Keywords: genre, discourse, concept, variation

For citation: Kryuchkova N. V., Kryuchkova O. Yu. Genre and discourse conditionality of concept meaning (on the example of the concept ‘youth’). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 212–218 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-212-218>, EDN: TAYHJQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Важной особенностью современной лингвистики является утверждение «подхода, ориентированного на узус» (usage-based approach, по Р. Лангакеру), в соответствии с которым в центре внимания оказывается дискурсивная практика, утверждается положение о том, что «не существует “языка вообще”, а существуют структуры, которые преобладают в определенных типах дискурса» [1: 11]. Исследователями высказывалась мысль о взаимонаправленных причинно-следственных отношениях концепта и дискурса/жанра, показано жанрово-дискурсивное варьирование отдельных концептов (напр. [2–5]), влияние дискурсивных особенностей, в том числе идеологизированных дискурсов, на характер содержания концептов и его модификацию (напр. [6–11]). Однако в целом исследования жанрово-дискурсивной обусловленности концептуального содержания немногочисленны.

Анализ функционирования концепта *молодость* в современной речевой коммуникации проведен на материале выборки (около 800 контекстов) из газетного и основного подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12] – текстов центральных и региональных СМИ, художественных и нехудожественных текстов с учетом их жанровой дифференциации. В составе художественных текстов выделены жанры детской литературы, нежанровой прозы, фантастики. Из нехудожественных текстов к анализу привлечены учебно-научные тексты (представленные жанрами монографии, обзора, рецензии, методических материалов, конспекта) и тексты публицисти-

ки (статья, интервью, очерк, информационная заметка, комментарий, репортаж, эссе, мемуарно-биографические тексты). Отбор перечисленных типов и жанров текстов определен наличием в НКРЯ соответствующего материала – неединичных контекстов, включающих лексемы *молодость*, *молодой*, *молодежь* и их производные. Хронологически выборка ограничена современным периодом – 2015–2022 гг.

В текстах исследованной выборки эксплицировано 18 семантических компонентов концепта *молодость*. Выявленные элементы концептуального содержания неравномерно и неоднородно представлены в письменных текстах разной жанрово-дискурсивной принадлежности – как в количественном, так и в содержательном отношении. Рассмотрим далее характер указанной неоднородности.

1. Выделяются высокочастотные и низкочастотные в целом компоненты концептуального содержания. К первой группе (в порядке убывания частоты репрезентаций) относятся компоненты с частотой от 227 до 19 употреблений во всей совокупности исследованных контекстов: ‘незрелость, неопытность’, ‘будущее’, ‘особый период жизни, характеризующийся своеобразным мировоззрением, ценностями, своей субкультурой’, ‘красота, привлекательность’, ‘IT-технологии’, ‘здоровье, сила, бодрость’, ‘талант’, ‘подверженность дурному влиянию’, ‘энергия, активность’, ‘веселье, задор’, ‘радикализм, опасное поведение’, ‘повышенная эмоциональность: романтизм, пылкость, горячность’. Ко второй группе (компоненты с частотой менее 10 употреблений) – ‘само-

уверенность', 'самовлюбленность', 'наглость', 'смелость, дерзость', 'легкомыслие', 'амбициозность'.

2. Высокочастотные компоненты, образующие содержание концепта *молодость*, неравномерно распределены по жанрово-дискурсивным типам текстов. Они выступают либо как «дискурсивно связанные» признаки концептуального содержания, регулярно проявляясь в одних типах текстов и отсутствуя в других, либо обнаруживают преимущественное тяготение к определенным жанрово-дискурсивным разновидностям текстов.

Дискурсивную связанность имеют концептуальные признаки 'будущее' – ассоциирование молодежи с будущим страны, 'подверженность молодежи дурному влиянию', которые репрезентированы исключительно в текстах газетных СМИ, частотной темой которых становится представление проектов и инициатив, направленных на раскрытие потенциала молодежи, привлечение молодого поколения к участию в решении важных задач в области экономики, науки, культуры, а также обсуждение попыток целенаправленного пагубного влияния на молодежь со стороны деструктивных сил, ср.: *Поколение Z – молодежь в возрасте от 18 до 25 лет – уже начинает играть заметную роль на рынке труда* (Ведомости, 2021); *Партия включает в свои списки ... и совсем молодых людей, деятельность которых является перспективной* (Парламентская газета, 2021); *Бастрыкин заявил о негативном влиянии западных игр и кино на молодежь* (Ведомости, 2021); *Мы сталкиваемся с насаждением нашему молодому поколению чуждых ценностей и идеалов* (Парламентская газета, 2021).

С названными концептуальными признаками, регулярно актуализируемыми в газетных СМИ, взаимодействуют и другие семантические компоненты, также тяготеющие прежде всего к текстам этого типа. На долю газетных СМИ приходится абсолютное большинство случаев актуализации признаков 'незрелость, неопытность', 'радикализм, опасное поведение' (70 и 60% соответственно от всех репрезентаций данного признака во всех рассмотренных жанрово-дискурсивных разновидностях текстов), коррелирующих с компонентом 'подверженность молодежи дурному влиянию'. Ассоциирование молодежи с будущим страны соотносится с актуальностью в газетных СМИ семантического компонента 'энергия, активность' (на долю СМИ приходится около 52% репрезентаций признака во всех рассмотренных типах текстов).

Корреляция «молодость – IT-технологии» (владение IT и зависимость от них) характерна для современной учебно-научной литературы

(разных ее жанров), в которой анализируются особенности образа жизни, интересов молодежи – 76% всех реализаций названной смысловой связи в текстах выборки, ср.: *Большинство молодых людей в возрасте 15–22 лет (85%) и 23–34 лет (74%) пользуются сетью ежедневно, в то время как среди 65–72-летних таких только 7%...* (Новикова И. В. Оценка информационного потенциала занятости населения в России // Информационное общество, 2017); *К категории «молодежь сетевая» относятся информанты, которые наиболее интенсивно используют электронные устройства для выхода в глобальную сеть... Интернет для них является жизненной средой, без которой они становятся практически беспомощными в реальном мире* (Зверькова С. А. Социальная поддержка молодежи в информационном обществе // Информационное общество, 2016); *молодой врач... заявил, что сразу же почувствовал себя человеком из-за ведения электронной карточки!* (Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Как работать с кнопками? Информатизация здравоохранения и проблема организационного сопротивления // Информационное общество, 2015).

Семантический компонент 'веселье, задор' в абсолютном большинстве случаев (90% всех употреблений) актуализирован в художественных текстах нежанровой прозы: ... *Тамара Леонидовна с Сергеем Андреевичем, молодые и веселые, за руки, как первоклашки на прогулке, держатся и смеются...*; *В те годы Боб крутился с молодым задором* (Мардань А. Тайна на троих // Дальний Восток, 2019); ...*прискакал Филипп – веселый молодой человек...* (Шикера С. Египетское метро // Волга, 2016); *Молодой человек задорно встряхнул многочисленными косичками...* (Бару М. Б. Принцип неопределенности // Волга, 2015).

'Красота и привлекательность' как компонент содержания концепта *молодость* также находит наиболее активное выражение в текстах нежанровой прозы (около 65% от всех употреблений): *Были тихие, несколько чопорные приветствия, мушиная вежливость церковниц и очень много молодых красивых лиц* (Черных Н. Б. Слабые, сильные // Волга, 2015); *Все-таки неправильно это, когда молодая девушка так некрасива* (Русских А. Направо пойдешь... налево пойдешь // Ковчег, 2015). Относительно активен названный концептуальный компонент в жанрах публицистики (19%), детской литературы (9%).

Признак 'здоровье, сила, бодрость' также занимает заметное место прежде всего в текстах нежанровой прозы, на долю которой приходится около 49% всех его репрезентаций

в текстах выборки; некоторую актуальность признака 'здоровье, сила, бодрость' показывают публицистика (24%), центральные СМИ (13%), детская литература (7%).

В текстах нежанровой прозы обнаруживается относительно более высокую частотность (42% от всех реализаций) компонент 'повышенная эмоциональность: романтизм, пылкость, горячность' (выражения *молодой романтик; молодой горячий; любили друг друга с пылом и жаром, словно в молодые годы*). Относительная активность отмечается у данного компонента содержания концепта *молодость* также в публицистических жанрах (26%) и в жанре фантастики (16%).

Признак 'талант', представленный как элемент содержания концепта *молодость* в текстах разной жанрово-дискурсивной принадлежности (устойчивыми являются сочетания *молодой и талантливый, талантливый молодой*), более всего связан с жанрами публицистики (здесь фиксируется 54% всех его реализаций в исследуемой выборке). В других типах текстов корреляция «молодость – талант» актуализируется значительно реже.

Преимущественно к жанрам публицистики тяготеет также концептуальный признак 'молодость – особый период жизни, характеризующийся своеобразным мировоззрением, ценностями, своей субкультурой' – 41% от всех случаев реализации в текстах выборки (ср. относительную частоту актуализации данного признака в других типах текстов: газетные СМИ – 31%, учебно-научная литература – 16%, нежанровая проза – 8%, фантастика – 2,3%).

Таким образом, в разных жанрово-дискурсивных типах текстов наблюдается неодинаковая востребованность элементов содержания концепта *молодость*, что определяется особенностями стратегий, установок, сфер функционирования, целевой аудитории разных типов коммуникации.

3. Разные жанрово-дискурсивные разновидности современной коммуникации характеризуются своеобразными наборами основных (ядерных) концептуальных признаков (таблица). В газетных текстах (несмотря на некоторые различия между центральными и региональными СМИ, например, заметно более активная реализация компонента 'подверженность дурному влиянию' в центральных газетах) отмечается одинаковое количественное ранжирование ядерных концептуальных признаков. В нехудожественных текстах основное влияние на распределение компонентов концептуального содержания оказывают типы текстов (учебно-научная литература, публицистика), тогда как их жанровые разновидности не имеют определяющего значения. В художественной литературе, напротив, наблюдаются пожанровые

различия в наборах ядерных концептуальных признаков, однако выделяется общий компонент концептуального содержания ('красота, привлекательность'), объединяющий все жанровые разновидности художественной речи и одновременно отличающий этот тип речи от других.

Набор регулярно актуализируемых компонентов концептуального содержания (и концептов как таковых) в конкретных жанрово-дискурсивных разновидностях текстов может, по-видимому, рассматриваться как один их дискурсивных и жанрообразующих признаков.

4. В разных типах и жанрах речи наблюдается неоднородная содержательная репрезентация одних и тех же семантических признаков, своеобразная расстановка смысловых акцентов. Так, в газетных текстах и в жанрах учебно-научной литературы семантический компонент 'незрелость, неопытность' эксплицирован в связи с обсуждением социально-экономических проблем, связанных с этим свойством молодости, мер по поддержке и защите молодежи, обоснованием необходимости воспитания, обучения молодого поколения, ср.: *молодые заемщики чаще зрелых доводят ситуацию до просрочки* (Ведомости, 2021); *...обсудят, как повысить финансовую грамотность молодёжи и чем грозит недостаток знаний в этой сфере* (Парламентская газета, 2021); *необходимо ограничить демонстрацию сцен насилия и жестокости на федеральных телеканалах и защитить молодёжь от опасной информации* (Парламентская газета, 2021).

В текстах других жанровых разновидностей (публицистических жанрах и жанрах художественной литературы) семантика незрелости, неопытности реализуется с иными смысловыми акцентами. Незрелость, неопытность описывается, прежде всего, как неотъемлемая черта молодого возраста – соотносится с представлениями о естественных для этого возраста глупости, наивности, незнании жизни, ошибках (*ошибки молодости*), ср., в публицистике: *...какие аналогии могли возникнуть в голове семнадцатилетнего молодого человека...? Здесь, скорее, известная юношеская придурковатость* (Брейтман А. *Опыты быстрой жизни* // Дальний Восток, 2019); *Им нужна наша молодость, здоровье. Наша глупость, в конечном счете; всё держится у них на молодых дураках...* (Сафронова А. *Собака, бегущая прямо-боком-наперед* // Волга, 2016); в детской литературе: *Посмотрел на испуганное лицо ассистента. Да, молодой ещё, неопытный. Старается делать всё по инструкции* (Ясинская М. *Уйти красиво*, 2015); *Лишь юнга Земляникин по молодости и неопытности стоял с вытянутой шеей*

Ядерные признаки содержания концепта *молодость* в текстах разных жанрово-дискурсивных разновидностей
Table. Nuclear features of the concept *youth* content in texts of different genre and discourse varieties

Типы текстов	Количественное распределение ядерных концептуальных признаков, %		
Газетные тексты			
СМИ	Незрелость, неопытность, 42	Будущее, 25	Подверженность дурному влиянию, 10
Нехудожественные тексты			
Учебно-научная литература	IT-технологии, 47	Незрелость, неопытность, 31	Особый период жизни, характеризующийся своеобразным мировоззрением, ценностями, своей субкультурой, 19
Публицистика	Особый период жизни, характеризующийся своеобразным мировоззрением, ценностями, своей субкультурой, 25	Незрелость, неопытность, 18	Талант, 15
Художественные тексты			
Детская литература	Незрелость, неопытность, 23 Красота, привлекательность, 23	Талант, 14 Здоровье, сила, бодрость, 14	–
Нежанровая проза	Красота, привлекательность, 29	Здоровье, сила, бодрость, 18	Веселье, задор, 15
Фантастика	Красота, привлекательность, 25 Повышенная эмоциональность: романтизм, пылкость, горячность, 25	Особый период жизни, характеризующийся своеобразным мировоззрением, ценностями, своей субкультурой, 17	–

Примечание. Цифрами обозначено процентное отношение репрезентаций данного признака к совокупности репрезентаций всех смысловых компонентов концепта в конкретном типе/жанре текста.

Note. The numbers indicate the percentage of representations of this feature to the totality of representations of all the semantic components of the concept in a particular type/genre of text.

и открытым ртом... (Лебедев В. В. Приключения капитана Селёдкина, 2015); в нежанровой прозе: Я уже не так **молода** и **наивна**, как вам хотелось бы... (Бурлаченко С. Сорвиголова // Дальний Восток, 2019); Я так ждала этого шанса, этого самоустранения ошибки **молодости**... (Басюк О. Осколки жизни // «Ковчег», 2015); в жанре фантастики: **Молодой** был, **глупый** в двадцать-то шесть годочков (Бушков А. А. Дверь в чужую осень, 2015).

Своеобразно в текстах разных типов смысловое наполнение концептуального признака 'молодость – особый период жизни, характеризующийся своеобразным мировоззрением, ценностями, своей субкультурой'. В текстах СМИ и учебно-научной литературы на первый план выходят социальные ценности, предпочтения молодежи, вопросы влияния на молодежь с целью интеграции ее интересов в интересы общества, ср.: **Молодые респонденты** (активные пользователи интернета) зача-

стую отвечали, что стараются как можно меньше взаимодействовать («сталкиваться») с государством (Петрова Е. В. Портал государственных услуг в системе практик и оценок респондентов // Информационное общество, 2017); сегодня в активную экономическую жизнь включаются новые **молодые поколения**, у которых **ценностный ряд** может отличаться от того, который был у предыдущего.... Эти люди не пойдут работать в те компании, которые экологически «грязные» (Ведомости, 2021); **Молодёжь** не идёт работать на низкие зарплаты (Парламентская газета, 2021); **стандартная программа Олимпийских игр** мало привлекает **молодёжь**. Включение киберспорта в программу Олимпиады... поднимет интерес к соревнованиям у **молодых людей**... (Парламентская газета, 2021); когда анализируется использование спорта в системе образовательных учрежде-

ний, необходимо учитывать... общие тенденции в системе ценностей современной **молодежи**. Например... возрождение комплекса ГТО... требует учета реалий сегодняшнего дня (Костиков В. Ю. Спорт как феномен культуры в информационном обществе // Информационное общество, 2017).

В публицистике и жанрах художественной литературы тот же концептуальный признак репрезентирован акцентированием межпоколенческих культурных различий, особенностей мироощущения молодежи, специфики молодежной культуры в таких областях, как музыка, кино, литература, обсуждением предпочтений молодежи в сфере досуга, моды, ср: *Чем молодежная среда сложна для тех, кто пытается на ней хайповать: в ней основной интонацией является неприятие всего, что олицетворяет старшее поколение* (Никитин А. За все подряд я отвечать не могу // Афиша Daily, 2017); *И близка ли идея «водка – селедка – пельмени» молодому поколению, ориентированному в большей степени на суши и рюкзак с кувалдой?* (Калянина Л., Раппопорт А. «Если вы видите красивые, интересные, свежие лица – это моя публика» // Эксперт, 2015); *Любая молодая культура, где участвует молодежь, всегда имеет оттистик порочности, что бы это ни было: рок-н-ролл, тяжелый металл, хард-рок* (Марич Д. За что пресуют вечеринки? Мнения рейверов, организаторов и сотрудника МВД Москвы, 2019); *Качество товаров легкой промышленности в целом устраивает половину соотечественников, но вот среди молодежи этот показатель вдвое ниже* (Зелинская Е. К., Игдалов Б. П. Хранитель сокровищ // Православие и мир, 2015).

Признак 'здоровье, сила, бодрость' характеризуется с разных позиций в художественных текстах, с одной стороны, и в публицистических и газетных текстах – с другой. В жанрах художественной литературы (нежанровой прозе, детской литературе, фантастике) здоровье, сила, бодрость описываются как естественные, положительно оцениваемые качества молодости, которые приобретают эстетическое и символическое значение. Ср: *Молодой пока, поэтому ничего не болит и ничего не боишься* (Макарова В. Мишенька // Волга, 2015); *Наверное, молод – в голосе много силы, много надежды* (Яхина Г. Зулейха открывает глаза, 2015); *Рефлекс новизны, перемены, молодой бодрости управлял им* (Клетинич Б. Е.

Моё частное бессмертие // Волга, 2016); *Сила, молодость, красота! И любовь!.. Э-эх, где те незабвенные девятнадцать лет?!..* (Вещунов В. Пережат // Дальний Восток, 2019).

В публицистике и текстах газетных СМИ здоровье и сила молодости приобретают утилитарный, физиологический оттенок. Коллокация *молодые и здоровые* используется в этих типах текстов либо в связи с обсуждением медицинской темы (*Для некоторых молодых и здоровых людей без хронических заболеваний, скорее всего, после окончания исследований защитный срок будет ещё больше...* (Парламентская газета, 2021); *Такое состояние наблюдалось с 4 до 9 утра у всех участников эксперимента – молодых здоровых мужчин до 30 лет* (Кудрявцева Е., Юсупова Д. Наука. Медицина // Огонек, 2015)), либо в контекстах, описывающих отрицательные и даже трагические явления (*Их [заключенных] надо делом занять, здоровые молодые мужики сидят сутками в камерах, пусть лучше работают, пусть деньги семьям посылают...; Мы теряем [в ДТП] столько молодых и здоровых людей, детей теряем, нужны конкретные и жесткие действия* (Парламентская газета, 2021)).

В публицистических и газетных текстах ослаблена безусловная связь представлений о молодости и здоровье. Это проявляется, хотя и не частым, появлением темы об увеличении заболеваемости среди молодых: *...болезни эти с каждым годом «молодеют»* (Дриз Ю., Есипов Р. Будет видно! // Поиск, 2020); *В России склерозом больны не менее 150 тысяч именно молодых людей, и это становится важной медико-социальной проблемой* (Бойко А., Кудрявцева Е. «Болезнь красивых и талантливых» // Огонек, 2015).

Исследование жанрово-дискурсивной вариативности концепта *молодость* подтверждает на новом материале ранее высказанную в [5] мысль о том, что концепт является единичей коммуникации, получающей определенность на уровне дискурсивной реализации. При анализе дискурсивного функционирования языковых репрезентантов концепта особую важность имеет количественная оценка языкового материала, посредством которой выявляется, какие именно смысловые со- и противопоставления в контекстах с участием наблюдаемых языковых единиц являются наиболее актуальными, частотными для данного типа дискурса или его жанровых разновидностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпус-

ной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2(16). С. 7–20.

2. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сб. науч. ст.

Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 34–50.

3. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / под общ. ред. проф. С. Г. Воркачева. Волгоград : ВолГУ, 2007. 400 с.

4. Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Стереотипы русского анекдота // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 8. Пермь : Перм. ун-т, 2008. С. 272–280.

5. Крючкова Н. В. Концепт – Референция – Коммуникация. Саратов : ИП «Баженов», 2009. 391 с.

6. Воркачев С. Г. «Поединок роковой»: концепт любви в русской поэзии // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 333–338.

7. Крючкова Н. В. Дискурсивное варьирование концептов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 271–276.

8. Крючкова Н. В. Аспекты варьирования концептов // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 33, № 22 (160). С. 68–72.

9. Passerini L. La jeunesse comme métaphore du changement social // Histoire des jeunes en Occident. 2. L'Époque contemporaine. Paris : Seuil, 1996. P. 339–405.

10. Malvano L. Le mythe de la jeunesse à travers l'image: le fascisme italien // Histoire des jeunes en Occident. 2. L'Époque contemporaine. Paris : Seuil, 1996. P. 277–308.

11. Погораева Е. А. Концепт *jugend* и его языковая онтология в лексико-семантической системе современного немецкого языка: лингвокультурологические и социолингвистические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 22 с.

12. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.01.23).

REFERENCES

1. Plungjan V. A. Corpus as an instrument and an ideology: about some lessons of modern corpus linguistics. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2008, no. 2 (16), pp. 7–20 (in Russian).

2. Slyshkin G. G. Genre of Speech: perspectives of conceptological analysis. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 4.*

Zanry i koncept [Speech Genres: coll. sci. arts. Iss. 4. Genre and Concept]. Saratov, GosUNC “Kolledzh”, 2005, pp. 34–50 (in Russian).

3. *Lingvokul'turnyj koncept: tipologija i oblasti bytovanija. Pod obshh. red. prof. S. G. Vorkacheva* [Vorkachev S. G., ed. Linguistic and cultural concept: Typology and spheres of appearance]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2007. 400 p. (in Russian).

4. Shmelev A. D., Shmeleva E. Ja. Stereotypes of Russian anecdote. In: *Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste* [Stereotypy and creativity in a text]. Perm', Perm State University Publ., 2008, pp. 272–280 (in Russian).

5. Krjuchkova N. V. *Koncept – Referentsija – Kommunikatsija* [Concept – Reference – Communication]. Saratov, IP “Bazhenov”, 2009. 391 p. (in Russian).

6. Vorkachev S. G. “Fatal Duel”: a concept of love in Russian poetry. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 4. Zanry i koncept* [Speech Genres: coll. sci. arts. Iss. 4. Genre and Concept]. Saratov, GosUNC “Kolledzh”, 2005, pp. 333–338 (in Russian).

7. Krjuchkova N. V. Discursive variation of concepts. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2009, no. 4, pp. 271–276 (in Russian).

8. Krjuchkova N. V. Aspects of concepts variation. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Fine Art Studies*, 2009, iss. 33, no. 22 (160), pp. 68–71 (in Russian).

9. Passerini L. La jeunesse comme métaphore du changement social. *Histoire des jeunes en Occident. 2. L'Époque contemporaine*. Paris, Seuil, 1996, pp. 339–405 (in French).

10. Malvano L. Le mythe de la jeunesse à travers l'image: le fascisme italien. *Histoire des jeunes en Occident. 2. L'Époque contemporaine*. Paris, Seuil, 1996, pp. 277–308 (in French).

11. Pogoraeva E. A. The concept *jugend* and its linguistic ontology in lexical and semantic system of the modern German language: Linguistic, cultural and social aspects. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Irkutsk, 2002. 22 p. (in Russian).

12. *Natsional'nyj korpus russkogo jazyka* (The National Corpus of the Russian Language). Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed January 28, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 29.08.2022

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 11.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 219–228

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 219–228

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228>, EDN: JETSCK

Научная статья

УДК 81'38'42

Речевые жанры негативной реакции

Т. И. Стексова

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28

Татьяна Ивановна Стексова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Аннотация. Статья посвящена изучению группы речевых жанров, объединенных по параметру актуальности фактора прошлого, т. е. являющихся жанрами-реакциями. Актуальность исследования обусловлена необходимостью следующего шага в изучении жанров речи: от описания конкретных жанров к выявлению системных отношений между ними. Исследование представляет собой жанроведческий анализ высказываний русского языка, зафиксированных в Корпусе национального русского языка. Выделяются подгруппы жанров негативной реакции по отношению к типу реплики-стимула: реакции на императивные жанры, реакции на информативные жанры и группа жанров, каузатором которых могут быть как реплики-стимулы, так и факты реальной действительности. В ходе работы выяснено, что группы жанров, объединенных по характеристике реплики-стимула, распадаются на другие группы, если жанры негативной реакции группировать по их иллокутивной цели. Таким образом, можно утверждать, что в жанровой системе русской речи можно увидеть отношения, аналогичные парадигматическим и синтагматическим отношениям в системе языка. Каждый жанр по разным жанрообразующим признакам связан с разными группами других жанров. Предложенный в статье подход позволяет увидеть те особенности речевого жанра, которые не очевидны при его изолированной характеристике.

Ключевые слова: русский язык, жанры речи, ситуация несогласия, жанры негативной реакции, реплика-стимул, реплика-реакция

Для цитирования: Стексова Т. И. Речевые жанры негативной реакции // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 219–228. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228>, EDN: JETSCK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech genres of negative reaction

T. I. Steksova

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Tatyana I. Steksova, steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Abstract. The article presents a study of a group of speech genres, where the factor of the past is relevant, i.e. which are reaction genres. The relevance of the research is determined by the need for the next step in the study of speech genres: from the description of specific genres to the identification and description of systemic relationships between them. The study is a genre analysis of the statements of the Russian language, recorded in the Corpus of the National Russian Language. The article identifies subgroups of genres of negative reaction in relation to the type of initial remark: reactions to imperative genres, reactions to informative genres and a group of genres, which can be caused by both initial remarks and facts of reality. In the course of the research, it was found out that groups of genres united according to the characteristics of the initial remark break up into other groups in case negative reaction genres are grouped according to their illocutionary purpose. Thus,

it can be argued that in the genre system of Russian discourse one can see relations similar to paradigmatic and syntagmatic relations in the language system. Each genre, according to different genre-forming features, is associated with different groups of other genres. The approach proposed in the article allows to see those features of the speech genre that are not obvious in its isolated characterization.

Keywords: Russian language, speech genres, situation of disagreement, genres of negative reaction, initial remark, reactional remark

For citation: Steksova T. I. Speech genres of negative reaction. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 219–228 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228>, EDN: JETSK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Работа посвящена описанию группы речевых жанров, объединенных семантикой негативной реакции. При этом конфликтность ситуации оказывается той осью, на которой «вращаются» анализируемые жанры. Актуальность исследования определяется тем, что теория речевых жанров признаётся одним из перспективных направлений изучения речевой реальности. Большое количество речевых жанров уже «запортировано» исследователями, на очереди стоит проблема уже не простого описания отдельных жанров, а осмысления взаимосвязи, взаимообусловленности жанров. В данной статье дается не столько семантико-прагматическое описание конкретных жанров, сколько диалогический способ их существования, а также характер диалогического взаимодействия. Теоретическая значимость работы заключается в выделении существенных проблем теории речевых жанров и предложении интересного материала для их переосмысления. Научную ценность, как представляется, имеет полученная аналитическим путём типология диалогических единств, репрезентирующая спектр коммуникативно-прагматических модификаций ведущей модели речевого взаимодействия.

Цель статьи

Цель статьи – в осмыслении группы речевых жанров, связанных между собой отношениями, напоминающими парадигматические и синтагматические отношения языковых единиц. Наша задача – выделить и охарактеризовать жанры, обслуживающие ситуацию речевого несогласия, рассмотреть их в диалоговом единстве с репликой-стимулом. Нас интересует, как реплики-реакции, т. е. жанры негативной реакции, взаимодействуют с репликами-стимулами, на какие стимулы возможна негативная реакция.

Обзор литературы

Систематическое исследование жанров речи продолжает оставаться актуальным

несмотря на то, что большое количество речевых жанров уже осмыслено исследователями и описано не только в статьях, но и в монографиях. По-прежнему важным и не до конца реализованным представляется осмысление жанров в соотнесении друг с другом, хотя подобные исследования единично уже предпринимались [1, 2]. Модель речевого жанра, разработанная Т. В. Шмелевой [3], в качестве первого жанрообразующего признака называет иллюкутивную цель, интенцию говорящего, что, в принципе, согласуется и с таксономией иллюкутивных типов высказываний Дж. Р. Сёрля [4]. И традиционно анализ любого жанра начинается с этого основного жанрообразующего признака, хотя аспекты исследования могут быть разными. Описываемый жанр относят к группе либо императивных, либо информативных, оценочных или этикетных жанров. Объединение же жанров по какому-либо другому жанрообразующему признаку дает совершенно иные их группировки. Так, если взять за основу фактор прошлого, то можно выделить группу реактивных жанров, для которых этот признак является основополагающим. Среди них можно выделить жанры с учетом характеристики реакции, а именно жанры негативной реакции.

Жанры негативной реакции представляют собой один из способов выразить несогласие с собеседником, неприятие сказанного, то есть являются одним из способов выражения категории несогласия, которая традиционно в лингвистике соотносится с категорией согласия. Многоаспектность этой коммуникативной категории, играющей особую роль в межличностном взаимодействии, определяет значительное число направлений в исследовании этого лингвистического явления (чтобы не выходить за рамки темы работы, не затрагиваем междисциплинарный характер этого понятия). Как и большинство лингвистических понятий в современной русистике понятие «несогласие» трактуется в широком и узком смысле.

Так, О. В. Озаровский рассматривает несогласие как категорию коммуникативного синтаксиса [5]. Согласно П. А. Леканту, это

одно из модальных значений, являющееся компонентом функционально-семантического поля отрицания и воплощающееся в таких частных значениях, как негативная оценка, возражение, отклонение предполагаемого [6]. И. В. Галактионова переносит высказывания с семантикой несогласия в плоскость речевых актов и выделяет два типа: 1) несогласие с мнением и 2) несогласие в ответ на побуждение, тем самым квалифицируя их как репрезентативные и комиссивные речевые акты [7]. Стронники теории речевых актов, характеризую несогласие как респонсивный речевой акт, включили в число стимулирующих речевых актов экспрессивные и комиссивные высказывания [8]. В этой связи представляет интерес исследование Я. В. Боргер, посвященное анализу речевых актов негативной реакции, в число которых автор включает несогласие наряду с запрещением и отказом [9].

Встречаются и другие трактовки: несогласие интерпретируется как одна из рече-поведенческих тактик [10], как интенциональный концепт, включающий субконцепты – собственно несогласие, возражение, отказ [11].

С точки зрения других ученых, категория согласия / несогласия в русском языке представляет собой функционально-семантическое поле, которое характеризуется многообразием языковых репрезентаций, ядерных и периферийных [12]. Несогласие рассматривалось и как речевая ситуация, которая наряду с собственно несогласием отражается в разных речевых жанрах [13].

Исследованию ядерных и периферийных способов выражения несогласия посвящены работы [7, 14–16] и др. Универсальность речевой реакции несогласия позволяет исследователям не ограничиваться в выборе языкового материала: подвергается анализу не только повседневная речевая практика, отраженная в текстах художественной прозы, но и научный, политический и деловой дискурсы [12, 17–19].

При столь обширном и разноаспектном внимании к несогласию значительно меньшее внимание было уделено характеристике речевых жанров, обслуживающих эту ситуацию. Пока только намечен круг жанров негативной реакции. Так, в качестве основных жанров негативной реакции рассматривают чаще всего отказ и возражение [2], в репертуар жанров негативной реакции по праву можно включить коммуникативный саботаж как реализацию конфликтной стратегии коммуникативного поведения, который интерпретируется как речевой жанр в работах [20, 21]. Согласно В. Ю. Андреевой (Скобликовой), коммуникативный саботаж понимается как «реактивный

жанр, выражающий скрытое противодействие говорящего, представляющий собой имплицитный отказ ответить на вопрос собеседника, выраженный в форме отказа от ответа, уклонения от ответа или смене темы обсуждения» [20: 31]. Т. С. Боц, исследуя коммуникативный саботаж на материале президентского дискурса, включает его в число агональных речевых жанров, интенциональное наполнение которых заключается в противодействии собеседнику, что объясняется необходимостью уклонения от неудобных тем и вуалирования информации [21].

Исследуя обвинение и упрек в медицинском дискурсе, авторы интерпретируют их как жанры негативной речевой реакции, причем в качестве основного средства выражения негативной оценки действий выделяют риторический вопрос [22]. К жанрам негативной реакции относят и запрет [23]. В целом же группа жанров негативной реакции требует своего дальнейшего пополнения и анализа.

Методы исследования

Исследование осуществляется на основе традиционных методов получения научного знания, в частности метода научного описания, в рамках которого выделяются соответствующие приёмы (наблюдения, сопоставления и т. д.).

В основе работы лежит жанроведческий анализ, который позволяет выявлять жанрообразующие характеристики в соответствии с моделью речевого жанра Т. В. Шмелевой [3].

Результаты и дискуссия

Итак, ситуация несогласия может быть проанализирована с точки зрения обслуживающих ее речевых жанров, которые можно объединить в группу жанров негативной реакции. Целая группа жанров, к которым можно отнести такие, как *отказ*, *возражение*, *опровержение* и многие другие, имеет общие черты и дифференциальные характеристики. Интегральным признаком является их реактивный характер: они представляют собой реплику-реакцию. Для того чтобы выявить их различия, необходимо учитывать интенцию реплики-стимула, а также характеристики ее автора и адресата.

Охарактеризуем речевую ситуацию, в которой функционируют интересующие нас жанры. Негативная реакция проявляется прежде всего в ситуации несогласия. Речевое несогласие – это явление коммуникации, следовательно, в ней должно быть не менее двух коммуникантов, один из которых дает реплику-стимул, а другой – выражает свое негативное отношение к ней через реплику-реакцию.

О. В. Озаровский несогласие понимает как констатацию нетождества точек зрения (обычно двух) субъектов речи, относительно какого-либо явления действительности [5]. Такое определение представляется нам верным, но не полным. Толковые словари выделяют два значения у слова «несогласие»: а) отсутствие единомыслия, противность мнений, разность убеждений и б) отсутствие согласия на что-нибудь, отказ от действия по глаголу «не соглашаться»¹. На основании этого можно выделить несколько групп негативных реакций: реакция на информативные и оценочные жанры, реакция на императивные жанры и особую группу реактивных жанров, каузатором которых являются либо события, факты реальной действительности, либо реплики-стимулы разных жанров. Рассмотрим каждую из этих групп.

Негативная реакция на информативные и оценочные жанры

К группе реакций на информативные жанры можно отнести опровержение, возражение, собственно несогласие и др. Информативные жанры сообщают какую-либо информацию, какие-либо факты, выражают чье-либо мнение.

Информация либо принимается адресатами как достоверная, либо вызывает сомнение в ее достоверности, либо уверенность в ее недостоверности приводит к ее **опровержению**: *Многие считают, что "у Чеханкова в жизни всё без усилий". Это неправда. На дне успехов – труд и пот.* (Федор Чеханков: Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002.09.13); – *Ну что дядю кто-то вызывал и что-то ему там предлагал, все это неправда.* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3, 1978); **Это не так, и спорить здесь неразумно.** (Форум: 17 мгновений весны).

Глагол *опровергаю* в форме 1-го л.ед.ч. довольно часто встречается в нарративе, в рассказе о своем речевом поведении: *А я по ходу сомневаюсь, добавляю, опровергаю, «обогащаю», развиваю* (А. С. Черняев. Дневник. 1982), но все-таки употребляется и в качестве перформатива: *Ты все думал, что Юра – это Трифонов, но я это категорически опровергаю* (Борис Мессерер. Промельк Беллы. Булат Окуджава // «Октябрь», 2013). Функционирование имени жанра связано с официально-деловой речью, в частности, с медийным или юридическим дискурсами.

Каузатором **возражения** является чье-либо мнение. *Возразить* – значит высказать мотивированное отрицание какой-либо мысли, какого-либо утверждения, предложения, оценить его как недостоверное: *Это – не ёлка, это – можжевельник, – тихо возражаю я, – или ты говоришь о книжке?* (Семен Каминский. Ты сказала... // «Ковчег», 2013); *Алексей Алексеевич, я тщетно прошу вызвать из Казани Вайспапир, она незаменимый специалист по ядерной фотографии. Я категорически возражаю против увольнения Лошаковой. Она замечательный работник, она замечательный человек* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2. 1960); – *Ребенку все руки поломали! – Я ему ничего не сломал, – возражаю. – А вот он по моим книгам бежит* (Фёдор Ошевнев. Записки букиниста (2016) // «Ковчег», 2015).

Трудно согласиться с утверждением, что в деловом общении возражение может быть инициальной репликой [2], ведь возражать нужно на что-либо, пусть даже в какой-то ситуации вербально не выраженное, но все-таки подразумеваемое.

Несогласие, в отличие от возражения, не обязательно предполагает мотивировку негативной реакции: *Влияние арабских стран растёт, я не согласен с мнением, что они замкнуты.* (Запись LiveJournal с комментариями. 2004); *В последнее время немало говорят о пробуксовке банковской реформы... Абсолютно с этим не согласен* (Александр Чудодеев. Расписание на завтра // «Итоги», 2003.02.04); *Абсолютно не согласен с тем, что нашу партию можно назвать маргинальной.* (Андрей Зайцев, Михаил Дичев. «Либеральная Россия» откажется от Березовского // «Известия», 2002.10.04); **Я не согласен с ее позицией, но здесь можно разумно спорить** (Дискуссия // «Русский репортер», 2014).

Категорическое несогласие нередко маркируется перформативом **отвергаю**: *В этом смысле ваш первый тезис я отвергаю полностью – от начала и до конца* (А. Чубайс и А. Навальный в передаче К. Собчак «Прямой разговор» на т/к «Дождь». 2015).

Стоит отметить, что реплика-стимул при несогласии может быть не только информативным, но и оценочным жанром, ведь с оценкой тоже можно не соглашаться: *Он не умен. – Что ты, он вовсе не дурак!; Человеческая агрессивность вовсе не такое уж плохое качество.* (Лекарство от преступности // «Криминальная хроника», 2003.06.24).

¹См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Русский язык, 1956; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Советская энциклопедия, 1972.

Негативная реакция на императивные жанры

Негативной реакцией на императивные жанры является **отказ**. Под *отказом* понимаем действие по глаголу *отказать-отказывать*; отрицательный ответ на просьбу, на требование. Аналогично сформулировано значение в словаре С. И. Ожегова. Важно отметить, что *отказ* может быть реакцией не на любой императивный речевой жанр. Так, к примеру, жанр приказа в стандартной коммуникации не предполагает возможности отказа, так как автором приказа может быть только лицо, имеющее соответствующие полномочия, отношения между говорящим и адресатом асимметричные. Ср.: «Приказ – распоряжение командира (начальника), обращенное к подчиненным и требующее обязательного выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-либо порядок, положение. Обсуждение (критика) приказа недопустимо, а неисполнение приказа командира (начальника), отданного в установленном порядке, является преступлением против военной службы». (Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.12.2021) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_). Неисполнение приказа считается неподчинением, которое возможно только в случаях несоответствия приказа законодательным нормам: *Между грузовиками пролезла толпа, в кабины и кузова совали газеты и уговаривали милиционеров не выполнять преступные приказы*. [Николай Цырлин. Второй путч. Впечатление (2003) // Интернет-альманах «Лепедь», 12.10.2003]; *Как же ты можешь его не исполнить, – говорю я, – когда ты давал присягу? «–» Я не присягал исполнять преступные приказы* (Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев. 1995–1996).

Если адресат считает, что у говорящего нет полномочий приказывать, то в качестве реакции может быть отказ с обязательной мотивировкой причины отказа, причем чаще всего в ее качестве будет реплика, свидетельствующая о сомнениях в правомерности стимулирующей реплики в жанре приказа: – **Вон, свинья!** – Сам свинья! – тем же тоном ответил пьяный. – **Кто ты такой, чтобы мне приказывать?** Рванув застежку куртки и показав ромбики, офицер осветил себя карманным фонариком и тихо, с угрозой сказал: – Я – хауптштурмфюрер (капитан Эс-эс) фон-Кейтель! **Уберите сейчас же грузовик!** (А. И. Делианич. Вольфсберг-373); *Но вы ничего не сможете доказать, и я вам не марионетка, чтобы мне приказывать...* (Киллера можно не брать (12.04.2000) // Аргументы и факты, 2000.04).

Представляется, что отказ может быть не только в ответ на просьбу и требование, как это отмечено в словарях, но и на предложение, приглашение: – *Пойдем с нами. – Нет, меня ротный обедать позвал* (Кондратьев). – *Коля, может, все-таки по рюмочке? – С какой такой стати? Мне завтра на работу надо, а потом еще на курсы... Нет, спасибо, я отказываюсь, а ты – как знаешь...* (Юрий Кашкин. Валуха-горюха // «Ковчег», 2013).

Кроме негативной реакции на императивный речевой жанр, отказ может быть вызван другими обстоятельствами, с которыми не согласен говорящий, как в следующем примере: *Он проверял звучание... – Чтобы проверить звучание, нужно иметь кой-какой аппарат, при помощи которого можно проверить, например, уши! Но если кому-нибудь в детстве... – Я отказываюсь продолжать разговор в таком тоне, – сказал Андрей Андреевич и закрыл папку. – Какой тон?! Какой тон? – изумился Романус.* (М. А. Булгаков. Записки покойника. Театральный роман. 1936–1937). Реплика-стимул не является императивной, но она была интерпретирована как оскорбление, и говорящий негативно реагирует на нее. Его отказ – это отказ от коммуникации.

Отказ может быть вербально выраженным и имплицитным, категоричным, как в предыдущих примерах, и смягченным. Снижение категоричности достигается использованием модальных глаголов с отрицанием (*не могу*), а также введением мотивировки, объясняющей причину отказа, которая делает отказ более вежливым, менее обидным и более обоснованным:

Причина отказа может быть выражена и косвенно с помощью вопроса:

Никита Ваганов, присаживаясь на подоконник, ответил:

– *А ты не ори!*

– *Ору и буду орать! Зачем ты это сделал без Егора?* (Липатов).

Мотивировка отказа становится обязательной в случае имплицитного отказа:

– *Дай трояк, – сбавил Костя.*

– *Получка, Костя, вчера была, – сказал Фиша* (Каледин).

Имплицитный отказ часто выражается оценкой автора реплики-стимула:

– *Нужен указ о разрешении абортов. – Вы с ума сошли! Вы что, не понимаете, что есть интересы государства, интересы нации* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого); *Нужно срочно вернуться и забрать мой чемоданчик. – Вы с ума сошли!* (Чингиз Абдуллаев. Мистерия эпохи заката).

Итак, жанр отказа по своей коммуникативной цели относится к информативным жанрам,

сообщает, что говорящий отказывается совершать действие, к которому его побуждают.

Любопытно, что жанр отказа может восприниматься и оцениваться адресатом как жанр, маркирующийся глаголом **перечить**. Но такая номинация этого жанра возможна только с позиции адресата или 3-го лица: *В какой-то момент полковник **перечит отцу** – и генерал, возмущившись, прикрикивает на него и бьет кулаком по столу* (Александр Иличевский. Ай-Петри (2005) // «Октябрь», 2006); *А какие бабы на брата засматриваются! Да он матери не **перечит**. Таня подвинулась сухой силе этой старухи, – ее не сбить с твердых, скрипучих мыслей, которые она считает благонесущими, ввевшихся как морщины в кожу* (С. Ф. Буданцев. Саранча. 1927); *То **перечит мужу** беспричинно, то грозит извести его* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки. 1856–1857).

С позиции говорящего жанр может быть отказом, возражением и др. Именно поэтому нет и не может быть перформатива **перечу**. Это социально окрашенный жанр, так как он выражает несогласие нижестоящего с вышестоящим. Реплика – стимул может быть не только императивной (*Ешь кашу! – Не будь! – Почему ты всегда **перечишь?***), но и информативной (*В зоопарк пойдем завтра – А я хочу сегодня! – Не **перечь** бабушке!*), и оценочной: *– Отвратительный климат! – Отличный климат, – **перечит** Настя. – Ты вот учишься, а кто работать будет?* (Александр Вяльцев. Путешествия в одну сторону (1985–2000) // «Звезда», 2001).

Негативная реакция на вербальные и невербальные события

Следует выделить особую группу жанров, которые являются негативной **реакцией как на вербальные, так и невербальные события**, причем вербальный стимул может быть опосредованным, отсроченным во времени или высказанным не в прямом диалоге. К таким жанрам можно отнести упрек, порицание, протест, апелляцию², жалобу¹, возмущение.

Так, жанры **упрека** [24] и **порицания** [25] возникают в ситуации речевого неодобрения вербального или невербального поведения адресатов. Упрек вызван осознанным нарушением адресатом «соглашения», существующего между говорящим и адресатом: *Мы же договаривались, что ты не будешь опаздывать!* Важно при этом, что в пресуппозиции есть это вербальное соглашение, уговор, который может быть нарушен спустя какое-то время. Другими словами, реплика-стимул удалена от реплики-реакции, но она может быть «вплетена» в ткань упрека. Релевные отношения автора и адресата могут быть как симметрич-

ные, так и асимметричные, так как соглашение может быть нарушено любым из коммуникантов. Употребление перформатива возможно: *Я упрекаю вас в том, что вы ожили, после того как Олег вас навестил.* (А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015), но только в том случае, когда, по мнению говорящего, адресат может неверно понять его коммуникативные намерения. Чаще перформатив используется в случаях, когда говорящий отвергает возможную интерпретацию адресатом своего речевого высказывания как жанр упрека: *Но **не подумайте**, ради бога, что я упрекаю Вас в черствости, себялюбии, злостном эгоцентризме: нет, разумеется, Вы не нарочно концентрируетесь на себе, это происходит само, помимо Вашей воли, незаметно для Вас, это зажимает Вас, скручивает в узел упрямое, недоверчивое подсознание...* (Владимир Леви. Искусство быть собой); *Ну, сама же понимаешь, что она здесь ни при чем и что все, что происходит с нами, происходит не из-за нее. – Я упрекаю тебя не в ней. И была бы не она, а какая-нибудь другая, я бы так же не упрекала тебя в другой* (С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева).

Порицание в отличие от упрека характеризуется более высоким статусом говорящего. Каузатор порицания носит некоммуникативный характер: это нарушение норм поведения, принятых в социуме. Перформатив **порицаю** не используется в этом жанре. В национальном корпусе зафиксировано всего семь примеров **я порицаю**, причем все они употреблены в нарративе и шесть из них относятся к литературе XVIII – XIX вв.: *Я порицаю его за издание книги «La Russie et les Russes»* (Н. И. Греч. Записки о моей жизни. 1849–1856).

Каузатором жанра **жалоба**¹ [26] может быть как вербальное, так и невербальное поведение третьего лица: *А Петька обзывается! А Сережка снег ест!* Этот жанр характерен детской речи, но достаточно типичен для бытового дискурса в целом: *А я живу с сыном, который пьет, и невестка пьет* (Беседа лингвиста с информантом. 1997); *Пьет, пьет, да уже стал меня бить ...* (РР); *По дому ничего делать не хочет, матери не помогает* (Аркадий Мацанов. Бабник // «Ковчег», 2012).

Стоит отметить, что перформатив чаще всего используется с отрицанием **не жалуясь**: *Просто с каждым днем цены растут / а зарплата та же остается / понимаете. Концу с концами не успеваешь свести. А я дочку одна поднимаю. Ну / естественно / **я не жалуясь** / я просто констатирую факт то / что есть. Работа считай вообще без выходных по десять часов / получать хотела бы естественно больше. Ну / пять тысяч на двоих с ребенком / я считаю / что это мало* (Бесе-

да с социологом на общественно-политические темы (Санкт-Петербург, 2003). Несмотря на отрицание, высказывание по своей сути все-таки остается жалобой.

Перенос жалобы в официально-деловую сферу приводит к появлению речевого жанра апелляции₂ [27], которая представляет собой несогласие с принятым решением какой-либо инстанции. Каузатором апелляции является информативное речевое действие, воплощенное в письменной форме. Апелляция невозможна в диалоговой ситуации, между репликой-стимулом и репликой-реакцией есть временной разрыв, возможен и пространственный.

К этой же группе жанров относится **протест**, под которым понимается решительное выступление против чего-либо. Каузатором протеста могут быть события: *Тушинский поднялся над трапом, тень его закачалась, ломаясь, над теплоходным белым хозяйством. – Я протестую против отъездов! – воскликнул он* (В. Аксенов. Таинственная страсть); *Кстати, почему ты приписал в своей пьесе мой поступок себе? Я протестую! Это ведь я расказала тебе... как меня несли к любимому в коробке от радиолы* (Э. Радзинский. «Я стою у ресторана...» (Монолог женщины). 1990–2000). Реакция в виде протеста может быть вызвана и репликой-стимулом: *– Я думаю, можно засчитать бег Сыроежкина. – А я протестую! – резко ответил судья в тренировочном костюме* (Е. Велтистов. Электроник – мальчик из чемодана).

Неодобрение может быть реакцией не только на вербальный стимул (на информацию, на речевое поведение, например, на употребление нецензурной лексики), но и на невербальный стимул (поступки, события, например, платье слишком короткое, девушка курит и т. д.). Ср.: *Но я не одобряю своих коллег, когда они за глаза называют босса Федюшей* (Игорь Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица. 2012); *Они – пятно на мою рабочую биографию! Я их жизни такой – не одобряю!* (В. Г. Галактионова. Спящие от печали. 2010).

Крайней степенью неодобрения является **возмущение**. Номинация этого жанра учитывает эмоциональное состояние говорящего при неодобрении чужого речевого поведения, поступков, мнения: *Услышав историю, Жора подумал, потом сказал: – Граждане. Я не нахожу слов. Я возмущен. Что у вас тут делается в Москве? Кто так работает? Что они, с ума сошли, что ли?* (Самуил Алешин. Встречи на грешной земле. 2001); *Джекки, немедленно прекрати. Я возмущен!* (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Тихие омуты. 1998); *– Я возмущен этим... этим... негодяем, – вернувшись к своим горестям Оскар*

Казимирович (К. С. Бадигин. Секрет государственной важности. 1974); *– Я возмущен тем, что меня открыто и нагло считают дураком, – сказал Николай, – подсовывая картину или стихотворение с обдуманном покушением на мой карман, время и воображение* (А. С. Грин. Серый автомобиль. 1925); *– Я возмущен вашими словами, – сказал я, – и даже не позволю себе понимать их во всем их значении.* (О. Д. Форш. Одеты камнем. 1924–1925).

Показательно, что все жанры негативной реакции этой группы являются полиинтенциональными: оценочно-императивными. Так, апелляция содержит в себе несогласие с принятым решением и побуждение к изменению этого решения. Целью порицания и упрека является негативная реакция на стимул и побуждение к изменению, другими словами – это императивно-оценочные жанры. Протест также включает негативную оценку и побуждение к недопущению какого-либо события. И только жанр жалобы несколько отличается. Жалоба включает информативный компонент – информацию о событии, и оценочный – событие оценивается говорящим негативно. Но при этом примечательно, что любая жалоба, пусть и в малой степени, рассчитана на некое «принятие мер» адресатом жалобы, следовательно, этот жанр характеризуется и периферийным императивным компонентом.

Негативная реакция на этикетные жанры

Этикетные реплики-стимулы предполагают ответные этикетные реакции. Проявлением негативной реакции может быть отказ от коммуникации, отсутствие вербального ответа, как в следующих примерах:

Со словами «Здравствуй, милый» она хочет поцеловать мужа в висок, но тот брезгливо и даже гадливо отстраняет её и проходит к телефону (А. И. Пантелеев. Анечка);

– А я прошу прощения... – начал Семен почти уверенным голосом и тут же, жестко получив в сплетение, свалился задыхаясь. (В. Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013);

Он сделал шаг вперед и, не чувствуя губ, прошептал: “Прости меня...” Она застонала и быстро вошла в лифт, не глядя на него. (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве).

В случае же вербальной ответной реакции следует признать, что эта негативная реакция не на этикетный жанр, а какие-либо факты реальной действительности:

– Аллоу! У аппарата писатель Волконский. <...>

– Алик? Здравствуй, – собравшись с духом, сказала я.

– *Добрый день, милейшая барышня, – прогудел Альберт. – Чем могу служить? Вы представитель СМИ? <...>*

– *Этта кто? – изменил тон Колосков.*

– *Виола Тараканова.*

– *Какого хрена тебе надо? – потерял напускную вежливость Альберт. – За фигом трезвонишь? (Д. Донцова. Стриптиз жар-птицы).*

Как видно из этого примера, говорящий владеет нормами коммуникации и нарушает их, реагируя на личность звонившего, а не на его приветственную реплику-стимул. Формально ответные реплики представляют собой вопросы, на самом деле – это косвенное выражение **отказа** от коммуникации (*я не хочу с тобой разговаривать*) и оценки поступка говорящего (**возмущение**).

Негативную оценочную реакцию может вызвать внешнее обстоятельство, сопровождающее этикетную реплику-стимул:

Земфира. А у меня был бронхит. Хрипит. "Алло / здравствуйте! "А он / "Ну ты вообще / как мужичок разговариваешь". (Беседа с рок-музыкантами в ресторане «Японский городской». 2003). Негативная оценочная реакция обусловлена не этикетным жанром приветствия, не личностью говорящего, а звучанием голоса. Негативной оценке может подвергаться этикетное высказывание и в том случае, если с точки зрения адресата говорящий выбрал неподходящее вербальное выражение:

– *Здравствуй, бабка!*

– *Какая я тебе бабка! Тоже мне внучек нашелся! (РР).*

Заключение

Итак, интегральным признаком исследуемых нами жанров негативной реакции является жанрообразующая характеристика по фактору прошлого (реактивные жанры). Но реакция на реплику-стимул может быть различной. Поэтому все реактивные жанры можно дифференцировать по оценочному компоненту на жанры с позитивной и негативной реакцией. Внутри группы жанров с негативной реакцией также можно выделить группировки по разным основаниям: по типу каузатора (по интенции реплики-стимула); по интенции самого реактивного жанра, по актуальности / неактуальности образа автора и т. д. По соотношению комму-

никативных целей реплики-стимула и реплики-реакции можно выделить несколько типов взаимодействия:

негативной реакцией на информативные жанры могут быть информативные жанры (*опровержение*), оценочные жанры (*несогласие, критическое замечание, возражение, неодобрение, возмущение*);

негативной реакцией на оценочные жанры могут быть оценочные жанры (*несогласие, критическое замечание, неодобрение*);

негативной реакцией на императивные жанры может быть информативный жанр *отказа*;

негативной реакцией на вербальные и невербальные события становятся оценочно-императивные жанры: *протест, апелляция, жалоба, обвинение*;

негативной реакцией на этикетные жанры может быть либо отказ от вербальной коммуникации, либо вербальный *отказ*, выраженный косвенным высказыванием, либо оценочный жанр (*неодобрение, возмущение*), причем объектом негативной оценки является не сам этикетный жанр, а личность говорящего или сопутствующие этикетному высказыванию внешне вербальные либо невербальные компоненты коммуникации.

Предпринятое нами исследование, как представляется, убедительно показывает взаимосвязь и обусловленность жанров в речевой системе. Каждый речевой жанр – это лишь одна ячейка в «рыболовной сети» жанровой системы. Так, *обвинение* – это негативная реакция на реплику-стимул или факт реальной действительности, но в то же время – это стимул для жанра *оправдания*. Одной стороной (одним дифференциальным признаком) каждый жанр входит в одну группу жанров, другой своей стороной (другим дифференциальным признаком) он же входит уже в другую группу жанров. Так, *отказ* и *опровержение* являются информативными жанрами, но при этом *отказ* – это негативная реакция на императивный, а *опровержение* – негативная реакция на информативный жанр. Деление речевых жанров на группы только по признаку интенциональности представляется хотя и верным, но далеко не единственным возможным и окончательным. Предложенный подход позволяет увидеть те особенности речевого жанра, которые не очевидны при его изолированной характеристике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 261 с.
2. Кнорц О. В. «Возражение» в кругу близких речевых жанров: интегральные, дифференциальные

признаки и особенности функционирования // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (5). С. 71–76.

3. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

4. Серль Дж. Р. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Прогресс, 1986. С. 151–194.
5. Озаровский О. В. Согласие-несогласие как категория коммуникативного синтаксиса (в грамматике русского языка для иностранцев) // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис: сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Красных. М. : Русский язык, 1980. С. 109–120.
6. Лекант П. А. Несогласие как одно из модальных значений высказывания // Семантика грамматических форм и речевых конструкций: сб. науч. тр. М. : МОПИ, 1991. С. 41–44.
7. Галактионова И. В. Средства выражения согласия / несогласия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 242 с.
8. Архипова Е. В. Особенности функционирования речевого акта согласия / несогласия в различных типах эпизодов общения // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 198–207.
9. Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.
10. Крайнова А. С. Лингвопрагматический аспект речевого общения (рече-поведенческие тактики *согласие* и *несогласие*). СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2012. 159 с.
11. Оразалинова К. А. Интенциональные концепты «согласие-несогласие» в татарском, русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2012. 23 с.
12. Геляева А. И., Макитова Т. Т. Особенности репрезентации категории согласия / несогласия в дискурсе научной монографии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 40–50. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-40-50>
13. Стеклова Т. И., Боброва В. М. Ситуация речевого несогласия (семантико-структурный аспект) // Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1991. С. 56–64.
14. Красных В. И. Выражение согласия-несогласия с высказыванием собеседника // Русский язык за рубежом. 1970. № 1. С. 28–31.
15. Поройкова Н. И. Функционирование средств выражения согласия – несогласия в диалоге // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц: сб. науч. тр. Л. : РГПУ им. Герцена, 1976. С. 102–115.
16. Свиридова Т. М. Категория согласия-несогласия в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2006. 35 с.
17. Маслова Л. Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 192 с.
18. Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 17 с.
19. Морозова М. К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 21 с.
20. Андреева В. Ю. Речевой жанр коммуникативного саботажа // Вестник ТГУ. Сер. Филология. 2009. № 2. С. 30–32.
21. Боц Т. С. Нарушение принципа кооперации как проявление жанра «коммуникативный саботаж» // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 57–65. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>
22. Пономаренко Е. А., Чуреева О. А. Речевые жанры обвинения и упрёка в речевом поведении врача // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 21–27. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-21-27>
23. Сидоренко А. В. Запрет в системе речевых и фольклорных жанров // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 100–109. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109>
24. Стеклова Т. И. Упрек // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта ; Наука, 2003. С. 728–729.
25. Стеклова Т. И. Порицание // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта ; Наука, 2003. С. 494–495.
26. Шмелева Т. В. Жалоба // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта ; Наука, 2003. С. 182.
27. Шмелева Т. В. Апелляция // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта ; Наука, 2003. С. 71–72.

REFERENCES

- Lavrent'eva E. V. *Speech genres of accusation and justification in dialogic unity*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2006. 261 p. (in Russian).
- Knorts O. V. "Objection" in the circle of related speech genres: integral, differential features and features of functioning. *Bulletin of the Siberian State University of Communications: Humanitarian Studies*, 2019, no. 1 (5), pp. 71–76 (in Russian).
- Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanyri rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts]. 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
- Searle J. R. Classification of speech acts. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 17. Moscow, Progress, 1986, pp. 151–194 (in Russian).
- Ozarovskiy O. V. Consent-disagreement as a category of communicative syntax (in the grammar of the Russian language for foreigners). In: *Problemy uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo. Sintaksis: sb. nauch. tr. Otv. red. V. I. Krasnykh* [Krasnykh V. I., ed. Problems of the textbook of the Russian language as a foreign language. Syntax: Sat. scientific tr.]. Moscow, Russkii yazyk, 1980, pp. 109–120 (in Russian).
- Lekant P. A. Disagreement as one of the modal meanings of the statement. In: *Semantika grammaticheskikh form i rechevykh konstruktii: sb. nauch. tr.* [Semantics of grammatical forms and speech constructions: coll. of arts. sci. tr.]. Moscow, MOPI, 1991, pp. 41–44 (in Russian).
- Galaktionova I. V. *Means of expressing consent / disagreement in Russian*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1995. 242 p. (in Russian).
- Arkhipova E. V. Features of functioning of the speech act of consent / disagreement in different types of communication episodes. *Questions of Psycholinguistics*, 2012, no. 16, pp. 198–207 (in Russian).
- Borger Ya. V. *Complex analysis of speech acts of negative reaction (on the material of modern dramatic*

works). Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tyumen, 2004. 21 p. (in Russian).

10. Krainova A. S. *Lingvopragmaticheskii? aspekt rechevogo obshcheniya (reche-povedencheskiye taktiki soglasiye i nesoglasiye)* [Linguistic and pragmatic aspect of speech communication (speech-behavioral tactics of agreement and disagreement)]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2012. 159 p. (in Russian).

11. Orzalinova K. A. *Intentional concepts "agreement-disagreement" in the Tatar, Russian and English languages*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tobolsk, 2012. 23 p. (in Russian).

12. Gelyaeva A. I., Makitova T. T. Features of the representation of the category of agreement / disagreement in the discourse of a scientific monograph. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no. 1, pp. 40–50 (in Russian). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-40-50>

13. Steksova T. I., Bobrova V. M. The situation of speech disagreement (semantic-structural aspect). *Funktional'nyy analiz znachimykh yazykovykh yedinitv v paradigmatiche i sintagmatike: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Functional analysis of significant language units in paradigmatics and syntagmatics: internuniv. coll. of sci. arts]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Institute, 1991, pp. 56–64 (in Russian).

14. Krasnykh V. I. Expression of agreement-disagreement with the statement of the interlocutor. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 1970, no. 1, pp. 28–31 (in Russian).

15. Poroikova N. I. Functioning of the means of expressing consent-disagreement in the dialogue] *Funktional'nyi analiz grammaticheskikh kategorii i yedinitv: sb. nauch. tr.* [Functional analysis of grammatical categories and units: coll. of sci. arts]. Leningrad, RGPU im. Gertsena Publ., 1976, pp. 102–115 (in Russian).

16. Sviridova T. M. *The category of agreement-disagreement in Russian*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Yelets, 2006. 35 p. (in Russian).

17. Maslova L. N. *Expression of agreement / disagreement in oral scientific communication (gender aspect)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2007. 192 p. (in Russian).

18. Churikov M. P. *Consent, disagreement and evasion in the aspect of verbal communication (based on the texts of German political interviews)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Pyatigorsk, 2005. 17 p. (in Russian).

19. Morozova M. K. *Intentional meanings of agreement and disagreement in Russian and German discourses of meetings and negotiations*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tambov, 2004. 21 p. (in Russian).

20. Andreeva V. Yu. Speech genre of communicative sabotage. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 2, pp. 30–32. (in Russian).

21. Bots T. S. Violation of the principle of cooperation as a manifestation of the genre of "communicative sabotage". *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 57–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

22. Ponomarenko E. A., Chureeva O. A. Speech genres of accusation and reproach in the speech behavior of a doctor. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 21–27 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-21-27>

23. Sidorenko A. V. Prohibition in the system of speech and folklore genres. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 100–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109>

24. Steksova T. I. Reproach. In: *Kul'tura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary-reference book]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, pp. 728–729 (in Russian).

25. Steksova T. I. Reprimand. In: *Kul'tura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary-reference book]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, pp. 494–495 (in Russian).

26. Shmeleva T. V. Complaint. In: *Kul'tura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary-reference book]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, pp. 182 (in Russian).

27. Shmeleva T. V. Appeal. In: *Kul'tura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary-reference book]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, pp. 71–72 (in Russian).

Поступила в редакцию 12.08.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 12.08.2022; approved after reviewing 05.10.2022; accepted for publication 20.10.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 229–236

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 229–236

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-229-236>, EDN: KRCLPF

Научная статья

УДК 811.124'42:82-96

Casus generis

Н. И. Данилина

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского,
Россия, 410012, Саратов, ул. Б. Казачья, д. 112

Данилина Наталия Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского и латинского языков, danilina.ni@staff.sgmu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена неразработанностью проблемы жанровой дифференциации новолатинской научной литературы и необходимостью выявления диахронической перспективы современного языка науки. Материалом служит фрагмент медицинского текста XVI в., цель – анализ его жанрового своеобразия. Специфика материала определяется тем, что он представляет собой диалог – жанр, заимствованный из философской литературной традиции. Необычность для жанра диалога – тематическая, для медицинской литературы – жанровая: среди медицинских сочинений диалоговые отсутствуют. По основной авторской интенции анализируемый диалог принадлежит к информативным жанрам, по роли адресата – к диалогам дидактическим и унисонным. Ведущий персонаж выражает авторскую позицию, реплики собеседников выполняют метатекстовые функции. В языковом плане текст, включая речь главного персонажа, демонстрирует наличие многочисленных лексико-грамматических средств диалогизации. Имитация профессионального диалога происходит на всех уровнях, начиная с сюжетно-композиционного. Логико-тематическое развитие беседы происходит параллельно и согласованно с последовательностью действий, реально выполняемых в ситуациях, подобных заявленной. Характерные для неофициального профессионального общения черты привносятся в текст изложением отвергаемых мнений, репликами солидаризации, отступлениями-упоминаниями о случаях из практики (оценочность и фатика), имитацией просьб и побуждений (императивность). Наличие стилистических приемов также сближает данный научный текст с произведениями художественной литературы. Делается вывод, что автор искусно имитирует профессиональный диалог, не пренебрегая при этом своей истинной (информативной) целью и учитывая письменную форму, в которой он реально предстанет адресату, а читатель наблюдает уникальное сочинение, научное по содержанию и художественное по форме воплощения.

Ключевые слова: жанр диалога, литературный диалог, профессиональный диалог, диалогизация, язык науки, медицинский текст, Амато Лузитано, литература эпохи Возрождения

Для цитирования: Данилина Н. И. Casus generis // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 229–236. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-229-236>, EDN: KRCLPF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Casus generis

N. I. Danilina

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112 Bolshaya Kazachya St.,
Saratov 410012, Russia

Natalia I. Danilina, danilina.ni@staff.sgmu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

Abstract. The relevance of the subject of the research is determined by the fact that the problem of the genre differentiation of scientific literature in Latin is poorly explored. The research is based on the fragment of a medical text of the XVI century. The purpose of the research is the analysis of its genre originality. This fragment presents a dialogue – a genre borrowed from the philosophical literary tradition, there are no dialogues among medical essays, that is why the form of this text seems quite unusual.

According to the main author's intention, the analyzed dialogue is an informative genre, according to the role of the addressee; it is a didactic and unison dialogue. The main character expresses the author's position; the remarks of the interlocutors perform meta-textual functions. The speech of all the characters in the text contains numerous lexical and grammatical means of dialogization. Imitation of professional dialogue occurs at all levels, starting with the plot and composition. The presentation of rejected opinions, remarks of solidarity, imitation of requests and motives bring into the text the features of informal professional communication: evaluation, phatic and imperative elements. The presence of digressions describing some medical cases from practice and stylistic devices bring this scientific text closer to works of fiction. It is concluded that the author of the fragment skillfully imitates a professional dialogue, he does not neglect his true (informative) purpose and considers the written form in which it will actually be presented to the addressee. Moreover, the reader observes a unique composition, scientific in content and artistic in the form of embodiment.

Keywords: genre of dialogue, literary dialogue, professional dialogue, dialogization, language of science, medical text, amato Lusitano, Renaissance literature

For citation: Danilina N. I. Casus generis. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 229–236 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-229-236>, EDN: KRCLPF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В процессе работы над темой мы «при-меряли» к будущей статье разные названия: «Об одном случае из...», «На перекрестке жанров», «Текст в тексте», – и, наконец, остановились на латинском варианте. Во-первых, таким образом мы сообщаем читателю, что **объектом** изучения будет латинский текст, **предметом** – его жанр. Читатель, конечно, может усомниться в **актуальности** темы, но уточним, что речь пойдет не об античной литературе, а о сочинении 1559 г. по медицине. Насколько нам известно, проблема жанровой специфики научной литературы на латинском языке (а до XVIII в. она только на этом языке и существовала, включая древнегреческую и арабскую, известную Европе по латинским переводам) не только не решалась, но и не ставилась, хотя современный язык науки признается актуальным объектом изучения. Итак, анализируемый автор – знаменитый португальский врач Амато Лузитано (о нем см. [1, 2]), известный своим многотомным трудом «Центурии», каждый том которого содержит разбор ста случаев из собственной практики. Во-вторых, слово *casus* (казус), как нам представляется, наиболее точно отражает специфику рассматриваемого текста. Латинское *casus* означает 'случай, происшествие', употребляется в устойчивых медицинских выражениях *casus ordinarius*, *casus extraordinarius*, т. е. контекстно синонимично слову *curatio* 'лечение', которым озаглавливает свои случаи Лузитано. В то же время в русском языке слово *казус*, вошедшее в употребление из юридического языка, означает случай сложный, запутанный, необычный. Именно таким является объект нашего исследования – сотый случай шестой

«Центурии», который сам автор противопоставил остальным, вынеся его жанр в заголовок всей книги: «*Две центурии, Пятая и Шестая, в которых в последнем случае содержится учёнейшая беседа...*». **Цель статьи**, таким образом, проанализировать конкретный научный текст эпохи Возрождения в аспекте его жанрового своеобразия.

Характеристика материала

Вначале скажем несколько слов о рассматриваемом труде в целом и о типичной структуре его глав. Трактат на русский язык не переведен, поэтому свои выводы мы строим непосредственно на латинском тексте¹, а цитаты даем в собственном переводе. Каждая книга состоит из ста небольших по объему (до 7 страниц) описаний клинических случаев. Главы, в соответствии с традицией художественной литературы той эпохи, имеют названия, состоящие из формальной (нумеративной) части и содержательной, определяющей тему: *Случай первый, в котором говорится о кровотечении из верхней части шероховатой артерии*. Поскольку разбираются реальные случаи, автор в начале главы называет имя больного, часто возраст и город, где имел место данный случай, затем подробно описывает наблюдавшуюся клиническую картину. После этого ставится специальный знак (аббревиатура слова *Recipe* 'Возьми'), за которым следует текст, подобный современному рецепту, содержащий перечень и вес ингредиентов примененного врачом лекарственного средства. Завершается каждая глава схолией (*scholia*), выделенной курсивом, напоминающей современные примечания, где могут толковаться

¹*Amatui Lusitani. Curationum medicinalium Centuriae duae, Quinta videlicet ac Sexta. Venetiis : Ex Officina Valgrisiiana, 1560. 399 p.*

некоторые термины и понятия, содержатся ссылки на мнения современников и т. п.

Исследуемый нами случай имеет заглавие с весьма пространной содержательной частью: *Случай сотый, в котором говорится о ранах головы, обнажающих череп, и безопаснее ли лечить их сушащими лекарствами или пластырями, влажными, как мази, и подобными, как сказано, яичному желтку*. Он отличается от прочих и объемом (50 страниц), и композицией (не содержит схолии, вся информация представлена непосредственно в тексте), но, главное, жанровой природой, так как написан в форме диалога (точнее, полилога). Действующих лиц четверо: Градий, Ванукций, Целетан, Амаг. Градий – представитель местной знати, моряк или судовладелец; он сообщает о наличии смертельно травмированного пациента, капитана корабля, и приводит к нему врачей; в ученой беседе не участвует. Ванукций и Целетан являются муниципальными хирургами. Амаг – автор; его Градий просит руководить хирургами при лечении. Заметим, что такая «диспозиция» вполне отвечает реалиям того времени, когда хирурги не считались врачами, занимая более низкую ступень в медицинской иерархии. Содержательная сторона беседы имеет характер профессионального диалога: последовательно обсуждается, каким образом следует извлекать из раны обломки костей, какие существуют для этого инструменты; какие лекарства рекомендуются для скорейшего заживления ран, в форме рецептов описывается их состав. Ведущая роль в беседе принадлежит Амагу. Ни место действия, ни имя пациента не указаны, что позволяет рассматривать беседу лишь как удобную форму для изложения автором собственного мнения по актуальной профессиональной проблеме. Впрочем, нельзя исключить и реальной основы случая, так как Градий упоминает, что его брат занимает пост в муниципалитете Венеции, а Ванукций, ссылаясь на одного из известных ученых, называет его своим земляком.

Таким образом, своеобразие изучаемого материала определяется несколькими обстоятельствами: «иножанровостью» фрагмента по отношению к остальному тексту, вторичностью жанра результирующего текста и особенностями имитируемого жанра, – что предполагает обращение к разным аспектам темы: к медицинской литературе как тематическому фону, к диалогу как литературному жанру, к особенностям реального профессионального диалога.

Диалог как литературный жанр

Диалог как литературный жанр восходит к античности. Своего расцвета он достигает в творчестве Платона (греческий) и Цицерона (латинский). Однако жанровая специфика

диалога внимания литературоведов обычно не привлекает, так как античные диалоги являются произведениями не художественной литературы, а философской (в широком смысле, включая философию языка, социальную и религиозную философию, философские проблемы риторики и т. п.). Диалог удовлетворяет определению жанра, которое дает М. М. Бахтин: «определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [3: 163]. Занимая промежуточное положение между традиционными литературными родами (эпосом и драмой), он в то же время вписывается в современную литературоведческую трактовку жанра как звена в триаде «метод» – «жанр» – «стиль» и категории, «интегрирующей и координирующей по отношению к “аспектуальным” категориям» [4: 18] – тематике и проблематике (философия и смежные проблемы), доминирующему пафосу (поиск истины), конфликту (ментальный), художественной условности (имитация реального события), развитию действия (ментальное: рассуждение, убеждение).

Диалог может быть вписан и в модель речевого жанра, предлагаемую Т. В. Шмелевой [5]. При таком подходе он может трактоваться как информативный жанр; коммуникативная интенция автора – убедить читателя в истинности определенного тезиса. Следует обратить внимание, что и в этом ключе литературный диалог почти не исследовался. С точки зрения реальной речевой ситуации, разумеется, имеет место монолог. Выбор диалоговой формы подчеркивает разграничение автора и адресата, точнее образа автора (информация, которую автор желает сообщить) и образа адресата (постулируемая автором возможная реакция). Даже если в качестве участников диалога заявлены реальные лица, в тексте они выступают олицетворением определенной интеллектуальной позиции, т. е. могут быть обобщенно идентифицированы с некоторым кругом адресатов-читателей. Автор диалога (и один из персонажей) мыслится носителем истинного знания.

Образ адресата дифференцирует разновидности диалога: в одних (у позднего Платона, в диалогах Цицерона об ораторском искусстве) адресат – статусно равный, обладающий правом на собственную точку зрения, необходимым интеллектуальным багажом и способный к восприятию истины; в других убеждаемые персонажи (а вместе с ними и адресат-читатель) занимают ученическую позицию (ранние диалоги Платона, некоторые философские диалоги Цицерона). Аналогичные тенденции наблюдаются и в средневековых диалогах [6: 110]. В соотношении с реальным диалогом (имитируемым жанром) выделенные типы литературных

диалогов могут с определенным допущением рассматриваться как несогласие и унисон [7].

Если представить материал в категориях литературоведения, то можно сказать, что в первом случае имеет место конфликт мнений, принимаемых за истинные, и действие развивается как диспут (цепь аргументов), во втором – конфликт безусловной истинности и безусловной ложности (или знания и незнания), действие развивается как рассуждение, построенное по правилам логики и риторики. Заметим, что именно ментальный статус конфликта позволяет авторам не всегда указывать место действия и даже не всегда давать имена персонажам, заменяя их условными обозначениями типа «печаль» и «разум», «вопрошающий» и «ответствующий» [6: 110].

Такого же взгляда на дифференциацию диалогов придерживаются и современные философы: «В диалогах, формально выглядящих как запись спора, возможны два базовых варианта: 1) автор отображает различные точки зрения, стремясь максимально полно отобразить весь спектр возможных мнений; 2) автор обосновывает одну конкретную позицию, выбирая диалог как более убедительный способ представить свою точку зрения»; «в тех диалогах, где автор представляет многообразие позиций, читателю отводится роль соучастника, который наравне с персонажами текста может высказать новую и/или оценить любую из предложенных позиций... Если же авторской целью является убеждение в правильности одной и только одной позиции, то читателю достается роль пассивного реципиента, задача которого – понимать, (не)соглашаться и мысленно отвечать на риторические вопросы» [8: 27–28]. Процитированное мнение представляется справедливым в отношении античных философских диалогов. Но если философский диалог эпохи Возрождения принимает, как правило, первую форму [9: 151–208], то исследования диалогов средневековых выявляют и типы диалога с «невежественным» читателем: дидактические диалоги и диалоги-жития [6: 108–109]. В них целью автора является не убеждение адресата в истинности приводимой информации, а облегчение ее запоминания (одной из форм такого диалога выступает, по нашему мнению, катехизис) или усвоение адресатом лексики и употребительных разговорных конструкций (прием, и сейчас применяемый при изучении иностранных языков). Вероятно, эти типы диалога продолжают выделяемую Шапиро вторую разновидность.

По общему признанию, любой жанр обладает определенной палитрой языковых средств воплощения. Для литературного диалога это,

в первую очередь, мена ролей говорящего и слушающего. Привлечение иных средств диалогичности (выделяемых исследователями современных жанров, например [10]), по-видимому, определяется авторской индивидуальностью (например, у Платона их больше, чем у Цицерона), поэтому должно рассматриваться применительно к конкретным текстам.

«Беседа» Лузитано как литературный диалог

Необычность анализируемого текста для жанра диалога – тематическая, для медицинской литературы – жанровая. Литературные диалоги носят преимущественно философский характер (среди дидактических встречаются и другие), а среди медицинских (и шире – естественнонаучных) сочинений диалоговые отсутствуют, хотя трактат, как известно, являлся отнюдь не единственной формой изложения научного знания (достаточно вспомнить дидактические поэмы, например «О природе вещей» Лукреция или «Салернский кодекс здоровья»). Единственный латинский медицинский труд, написанный в вопросно-ответной форме, который нам удалось обнаружить, – двухтомный учебник А. Робертсона 1820 г.²

По роли адресата «Беседу» можно отнести к диалогам дидактическим и унисонным, о чем автор устами Градия объявляет в первых же строках: *Для лечения... я пригласил этих хирургов, которыми ты соблаговоли руководить при лечении...* Монологи Амата пространны и подробно раскрывают отдельные темы беседы, а реплики хирургов обычно коротки и выполняют преимущественно метатекстовые функции, которые мы и перечислим далее.

МАРКИРОВКА ТЕМАТИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ. Инициация темы (обычно прямые просьбы рассказать о чем-то и вопросы): *Амат, прошу, скажи... придерживаешься ли ты мнения, что свод черепа имеет три части: верхнюю, нижнюю и третью, внутреннюю, названную Галеном диплоэ? (далее излагается строение кости и его связь с тяжестью ран разных областей головы); Каким инструментом, скажи, Амат, мы будем пользоваться для этого рассечения кости? (далее идет описание хирургических инструментов: варианты названий, модификаций и назначения каждого). Тематические переходы могут маркироваться также побудительными высказываниями: *После того как все это сказано и правильно напомнено, желательно теперь приступить к осмотру больного (далее изложение правил осмотра ран); Когда все кости полностью**

²Robertson A. Colloquia anatomica, physiologica atque chemica; Colloquia de morbis, practica et theoretica. Edinburgum, Londinum, 1820.

и аккуратно вынуты... давайте приступим к введению лекарств (переход от макротемы осмотра и обработки раны к макротеме дальнейшего лечения). Завершение темы: *Несомненно, знать всё это заранее – значит много делать... для лечения (тема о строении кости); Одним ли, другим ли способом мы воспользуемся... начинать следует с более широких, <переходя> к узким, как учил нас действовать Гален (тема об инструментах). Более дробное тематическое членение: Да, Гален явно учит именно этому, так что в таком способе нет ничего, чего бы нам не доставало, разве что, Амат, ты пояснил бы названия инструментов, которыми Гален учит действовать (переход к фрагменту о видах буравов); Сегодня у хирургов в употреблении мало таких буравов или вовсе нет, поэтому мы умолчим о них... и я хочу знать, что Гален думал о вскрытии при помощи хеницид (переход к описанию круговых ножей). Тематическое членение текста осуществляется исключительно репликами хирургов. ВВЕДЕНИЕ ЦИТАТ И ССЫЛОК. Ссылки на авторитеты (обычно в форме просьбы изложить мнение): *Прошу, не сочти за труд сказать, какого мнения держался Гиппократ в этом сочинении, поскольку он был светилом медицины. Сомнения современных авторов: В этом, излагая текст, мой земляк Гвидо (имеется в виду итальянский врач Гвидо Гвиди)... колеблется и сомневается... Таким способом Лузитано иногда подает и ссылки на собственные работы: Я читал у тебя и прежде, что это может случаться.* ИЗЛОЖЕНИЕ ОТВЕРГАЕМЫХ МНЕНИЙ И РАСПРОСТРАНЕННЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ: *Сегодня есть еще некоторые, кто стремится лечить раны головы, а не только остальных частей тела только холодной водой, над которой пошепчут некоторые слова...; Я нередко видел, как некоторые дельные хирурги обливали твердую оболочку подогретой кровью голубя из крыла, всегда со счастливым и наилучшим исходом. При этом данные мнения остаются безымянными (некоторые) и не приписываются самим участникам диалога: Есть такие, кто и сегодня, наверно, лечит подобные раны водой жизни... им я никогда не доверял.* Названная функция в тексте реализуется исключительно речью хирургов. СОЛИДАРИЗАЦИЯ (подчеркивание унисонного характера диалога): *Вот это, что ты сказал, помогает мне склониться не иначе как к твоему мнению; Это нам нравится (в ответ на очередное изложение Аматам Галена); Этого, как и сам я думаю, даже Гален не мог бы отрицать; Я согласен, что всегда следует читать лучших и авторитетных авторов.**

Некоторые из названных метатекстовых функций выполняются в диалоге репликами

всех персонажей. Таково введение предшествующего знания (чужой речи, прямой или косвенной), если автор считает его авторитетным: многочисленные цитаты и пересказы Галена и Гиппократа Амата приводит по собственной инициативе. Функция солидаризации в речи Амата: *Поскольку я вижу, что мы единодушны и вы согласны воспринять мое мнение...; пользуйся чечевицеобразным ножом, как ты знаешь.* Данную функцию могут выполнять в тексте и грамматические средства (глаголы в инклюзивном значении, императивы), они свойственны преимущественно речи Амата, см. далее.

Издредка хирургам все-таки доверяется изложение авторского мнения. Это происходит обычно в тех случаях, когда речь заходит не о теоретическом обосновании хирургии, а о практических приемах оперирования. Например, небольшой монолог Вануция: *Потому что, поскольку швы по своей природе непрочны, их легко проткнуть при работе модиолом и повредить головной мозг, а также потому, что через швы проходят вены и мембраны, которых опасно касаться ножом, иначе может отпасть прилегающая к ним оболочка... и еще поскольку швы предусмотрены природой для того, чтобы через них, как через отверстия и вьюшки камина, уходили бы испарения... так что этими соображениями доказывается, что следует не резать поверх швов, а, когда будет необходим разрез, делать его в ближайшей в швам кости.* Впрочем, упомянув тех, кто лечит раны заговоренной водой (см. цитату выше), даже Вануций разражается пространном (почти на странице) критическим монологом со ссылками на Гвиди, Цельса и Гиппократа.

Что касается языкового оформления жанра, т. е. приемов создания диалогичности, то первым следует назвать уже отмеченные имитации речевых диалоговых жанров вопроса, просьбы, побуждения, вводимые в речь хирургов. Из лексическо-грамматических средств (представленных также в речи Амата) назовем местоимения и глаголы 1-го лица в инклюзивном значении, 2-го лица, коммуникативы, существительные в вокативе, глаголы в формах повелительного наклонения и конъюнктива в значении побуждения. Например: *Nihil minus (коммуникатив), define (императив) mirari, Vanucci (вокатив), immo (коммуникатив) Galenus... nos (местоимение 1-го л. мн. ч.) docet quando terebra, et quando cycliscis uti debeamus (глагол 1-го л. мн. ч.) 'Тем не менее, перестань удивляться, Вануций, напротив, Гален учит нас, когда... мы должны пользоваться сверлом, а когда круговыми ножами'; Accedite igitur (императив) 'Подойдите же'; Ad colloquium nostrum revertamur (глагол 1-го л. мн. ч. в конъюнктиве)*

ве) *‘Давайте вернемся к нашей беседе’; Id verum esse (коммуникатив) scitote (императив)... ‘Знайте, что на самом деле...’*. Насыщенность анализируемого текста приемами диалогизации определяется именно его жанром, а не индивидуальным стилем Лузитано, так как, например, в 25-м случае (главе) мы обнаруживаем всего один глагол в повелительном наклонении и два – в форме 1-го лица с инклюзивным значением.

Говоря о «Беседе» как литературном произведении, отметим, что собственно ученая беседа «разбавляется» упоминаемыми ad hoc случаями из своей и чужой практики. Например, замечание Амата: *В Ферраре с женой Антония Луция, врача знаменитейшего герцога Феррарского, вы от меня слышали, получилось так, что она скончалась из-за этой ошибки (из-за ошибки хирургов)*. Целетан рассказывает случай, когда не извлек обломок кости, но он сросся правильно, Ванукий вспоминает, как выжил мальчик, упавший с высоты и т. п. Характер лирического отступления носит и оценочный монолог Ванукия о необходимости для врача лично упражняться в практической хирургии. Приведем его завершение: *В хирургии упражняли свои руки... и сами боги, Махаон и Подалирий, а теперь современным врачам более чем достаточно пощупать пульс, и даже если у них нет ничего, кроме медицинского халата, они смело выставляют напоказ или, точнее, упражняют и лелеют свое невежество, или, пожалуй, немедленно зачисляются в цех, как Абинзоари...* Изредка встречаются стилистические приемы, выполняющие эстетическую функцию. Игра слов: *Ut ab ovo... incipiamus et in rotum, sed non malum definiamus...* *‘Чтобы нам начать от яйца... и закончить плодом, а не злом’* (отсылка к поговорке *ab ovo ad malum* с заменой слова *malum* ‘плод, яблоко’, имеющего омонимом ‘зло’, на однозначное *rotum*). Сравнение: *как через отверстия и выюшки камина*. Ирония: *Градий. Вообще-то случается несчастье, если есть дело до хирургов и врачей. А мат. Это лучше, чем если до монахов и клириков.*

Обобщим наши наблюдения. По основной авторской интенции анализируемый диалог принадлежит к информативным жанрам, но реплики изложения отвергаемого и солидаризации привносят в него оценочную интенцию, имитации просьб и побуждений – императивную, а наличие отступлений-рассказов и стилистических приемов – фатическую, что в совокупности сближает данный текст с многомерными произведениями художественной литературы.

Профессиональный диалог

Несмотря на многочисленные исследования профессионального, в том числе медицинского,

дискурса, неформальный устный профессиональный диалог становится объектом изучения крайне редко. В целом устное профессиональное общение имеет две разновидности: официальную (статусно-ролевую) и неофициальную, к которой относится групповое и межличностное [11: 50]. Применительно к медицинскому дискурсу первая разновидность представлена общением медперсонала, находящегося в отношениях субординации, и общением врача и пациента, которое, вследствие своей наибольшей социальной значимости, наиболее изучено, см., в частности, диссертации [12–15]. Работы, специально посвященные неофициальному профессиональному общению медиков, нам неизвестны; на таком материале, но в ином ключе, выполнена только диссертация [16]. Что касается неофициального общения коллег, то «набор ситуаций... практически не ограничен», «объединяющим началом здесь является... реализация разнообразных профессиональных задач в условиях микрогруппы» [11: 51]. Основными чертами неформального профессионального диалога называются «дружеская или ироническая тональность», «сочетание информативности с оценочностью, а также... с императивностью», наличие лексических профессионализмов и профессиональных жаргонизмов [11: 52]. Стрессогенность, свойственная профессии врача, порождает «необходимость эмоциональной разгрузки в интрапрофессиональном общении» [16: 14], которая проявляется, в частности, продуцированием и воспроизведением различных единиц и жанров комического (анекдоты, байки, специфические жаргонизмы, языковая игра разных уровней и т. п.). Таким образом, современные исследователи рассматривают неформальный устный профессиональный диалог как комплексный речевой жанр, обладающий чертами интенционально разных жанров.

«Беседа» Лузитано как профессиональный диалог

Воспроизводимая Лузитано ситуация полностью отвечает условиям реального профессионального диалога, так как сопровождает выполнение профессиональной задачи. Поскольку непосредственно оперируют хирурги, у врача есть возможность занять ведущую позицию в беседе. Более того, развитие сюжета носит не только ментальный, но и прагматический характер (развивается не только мысль, но и реальное действие: сначала осматривают, потом режут, потом накладывают пластырь и т. д.; и обо всем этом все между делом общается), о чем можно судить по вводимым время от времени бытовым подробностям. Логико-тематическое развитие беседы происходит параллельно и согласованно с последова-

тельностью действий, реально выполняемых в подобных ситуациях. Появляясь в комнате, Амаг просит закрыть окна и двери, чтобы шум с улицы не тревожил больного и не было сквозняков, Вануций приглашает всех подойти поближе, чтобы как следует осмотреть раны, а Целетан сообщает, что приготовил инструмент и корпию. Параллельно идет беседа о влиянии климата на скорость заживания ран, которая сменяется темой о строении кости, так как оказывается, что у пациента повреждены три разные кости черепа. Вануций приступает к работе с раной и просит принести чернил (для диагностики глубины повреждений). В это время беседуют о том, чем следует извлекать обломки, затем о том, в каком месте, каким способом и с помощью какого инструмента производить операцию. После того как рана должным образом обработана, необходимо введение лекарств, и диалог вступает в следующую фазу – обсуждение существующих средств с фармакологическим обоснованием действия каждого, цитирование рецептов и выбор. Завершается диалог микротемой о снятии повязок и характере последующего лечения.

На неформальный характер моделируемого диалога указывают многочисленные метатекстовые средства солидаризации, прямые заявления хирургов о том, что они друзья, отступления-упоминания случаев из практики (без подробного разбора, какой ожидался бы в письменных жанрах), наличие оценочных суждений (см. приведенные выше цитаты из реплик Вануция). Присутствуют в диалоге также жанровые и грамматические элементы императивности, свойственные неофициальной речи. Хотя мы не имеем сведений о стилистическом членении специальной медицинской лексики XVI в., представляется логичным, что в латиноязычном тексте профессионализмы и жаргонизмы вряд ли будут представлены, поскольку разговорным языком того времени был уже итальянский, тогда как латинский ассоциировался с письменной формой речи. Из черт

письменной речи отметим также использование цифр и аббревиатур в оформлении цитат и ссылок, греческих терминов в греческом написании. Кроме того, Амаг часто уделяет внимание именно терминологической стороне дела: апеллирует к внутренней форме греческих терминов, дает их латинские соответствия, трактует семантические различия синонимов и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод, что Лузитано достаточно искусно имитирует профессиональный диалог, не пренебрегая при этом своей истинной (информативной) целью и учитывая письменную форму, в которой он реально предстанет адресату.

Заключение

Работа с конкретным медицинским текстом XVI в. позволила обнаружить, что естественнонаучное знание в этот период допускало представление не только в виде традиционных жанров научной литературы (трактат, диссертация), но и в виде жанра диалога, заимствованного из философской литературной традиции. Проанализированный текст представляет собой имитацию профессионального диалога с его включенностью в ситуацию выполнения профессиональной задачи и полиинтенциональной жанровой природой; он обнаруживает черты, отмечаемые исследователями современного профессионального дискурса. Из разновидностей литературного диалога автором выбрана дидактическая, характеризующаяся единством позиции; центральный персонаж излагает авторское мнение, реплики других выполняют метатекстовые функции и вносят в информативный жанр элементы императивности, оценочности, фатики. В языковом плане текст также демонстрирует наличие многочисленных лексико-грамматических средств диалогизации. В результате мы наблюдаем уникальное сочинение, научное по содержанию и художественное по форме воплощения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Friedenwald H.* Amatus Lusitanus // Bulletin of the Institute of the History of Medicine the Hopkins University. 1937. Vol. 5, № 7. P. 603–653.
2. *Сугрובה Ю. Ю., Кутя С. А., Данилина Н. И., Принцева Н. Ю., Мороз Г. А., Сугрбов В. М.* Медицинская этика Амагуса Лузитанского // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29 (1). С. 180–184. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-180-184>
3. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М. : Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.
4. *Васильев А. З.* Из истории категории «жанр» // Проблемы исторической поэтики. 1990. № 1. С. 11–21.
5. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
6. *Ненарокова М. Р.* Рецепция античного жанра диалога в литературе эпохи Каролингов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29, № 1. С. 106–130.
7. *Дускаева Л. Р.* Диалог // Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник. М. : Флинта, 2018. С. 26–31.
8. *Шапиро О. А.* Диалоги: жанр vs формат текстовой культуры // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Политология. Культура. 2016. Т. 2(68), № 4. С. 21–30.
9. *Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М. : РГГУ, 1995. 448 с.

10. Дускаева Л. Р. Диалогичность // Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник. М. : Флинта, 2018. С. 32–38.

11. Голованова Е. И. Устный профессиональный диалог как комплексный речевой жанр // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-49-55>

12. Барсукова М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 141 с.

13. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 339 с.

14. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 408 с.

15. Майборода С. В. Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021. 254 с.

16. Казакова Д. В. Категория комического в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 312 с.

REFERENCES

1. Friedenwald H. Amatus Lusitanus. *Bulletin of the Institute of the History of Medicine the Hopkins University*, 1937, vol. 5, no. 7, pp. 603–653.

2. Sugrobova Iu. Iu., Kutia S. A., Danilina N. I., Printseva N. Iu., Moroz G. A., Sugrobov V. M. The medical ethics of Amatus Lusitanus. *The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2021, no. 29 (1), pp. 180–184 (in Russian). <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-180-184>

3. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, Russkie slovari, 1996, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).

4. Vasil'ev A. Z. From the history of the genre category. *Problems of Historical Poetics*, 1990, no. 1, pp. 11–21 (in Russian).

5. Shmeleva T. V. A model of the speech genre. *Zhany rechii: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci.

arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

6. Nenarokova M. R. Reception of the ancient genre of dialogue in the literature of the Carolingian era. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 2011, vol. 29, no. 1, pp. 106–130 (in Russian).

7. Duskaeva L. R. Dialogue. In: *Medialingvistika v terminakh i poniatiiakh: Slovar'-spravochnik* [Media Linguistics in Terms and Concepts: Dictionary-reference]. Moscow, Flinta, 2018, pp. 26–31 (in Russian).

8. Shapiro O. A. Dialogue: Genre vs format of textual culture. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology*, 2016, vol. 2 (68), no. 4, pp. 21–30 (in Russian).

9. Batkin L. M. *Ital'janskoe Vozrozhdenie: problemy i ljudi* [Italian Renaissance: Problems and People]. Moscow, RGGU Publ., 1995. 448 p. (in Russian).

10. Duskaeva L. R. Dialogicity. In: *Medialingvistika v terminakh i poniatiiakh: Slovar'-spravochnik* [Media Linguistics in Terms and Concepts: Dictionary-reference]. Moscow, Flinta, 2018, pp. 32–38 (in Russian).

11. Golovanova E. I. Oral professional dialogue as a complex speech genre. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-49-55>

12. Barsukova M. I. *Medical discourse: Strategies and tactics of a doctor's speech behavior*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 2007. 141 p. (in Russian).

13. Bejlinson L. S. *Professional discourse: Signs, functions, norms (based on the communicative practice of speech logopedists)*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2009. 339 p. (in Russian).

14. Zhura V. V. *Discursive competence of a doctor*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2008. 408 p. (in Russian).

15. Majboroda S. V. *Speech strategies of a doctor in the conditions of a collegial and authoritarian model of communication between a doctor and a patient: similarities and contradictions*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2021. 254 p. (in Russian).

16. Kazakova D. V. *The category of the comic in medical discourse*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2013. 312 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 237–244

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 237–244

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-237-244>, EDN: HITTKD

Научная статья

УДК 811.161.1:808.51

Нерегламентированная реплика как жанр парламентской речи (на материале русского парламентского дискурса начала XX века)

С. А. Громыко

Вологодский государственный университет, Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15

Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, ling2007@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4256-9815>

Аннотация. Статья посвящена реплике как особому жанру русской парламентской речи. Анализируются различные подходы к парламентским жанрам. Парламентский дискурс рассматривается как институциональный, имеющий динамичную жанровую структуру. Устанавливаются институциональные ограничения, накладываемые на высказывания в форме реплики, делается вывод о роли регламента в формировании системы жанров дискурса, разграничиваются нерегламентированная и регламентированная реплики. На материале думских дискуссий начала XX века рассматриваются нерегламентированные реплики с места, доказываются их жанровый статус, производится классификация парламентских реплик в коммуникативном аспекте. В статье представлены результаты анализа более 200 высказываний членов Государственной Думы с места, зафиксированных официальными стенограммами. Выделяются реплика-вопрос, реплика-ответ и императивная реплика. Делается вывод о провокативном характере парламентского жанра реплики. Разграничиваются функциональные особенности двух типов реплик: регламентированная реплика конвенциональна и диалогична, нерегламентированная реплика агрессивна и провокативна. В качестве основных признаков нерегламентированной реплики выделяются ненормативность с точки зрения регламента, сверхкраткость (одна фраза), реактивность, экспрессивность, оценочность, провокативность.

Ключевые слова: реплика, жанр, парламентская речь, парламентский дискурс, институциональный дискурс, провокативность, парламентский регламент, конвенциональность

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

Для цитирования: Громыко С. А. Нерегламентированная реплика как жанр парламентской речи (на материале русского парламентского дискурса начала XX века) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-237-244>, EDN: HITTKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Unrestricted remark as a genre of parliamentary speech (based on Russian parliamentary discourse of the early XX century)

S. A. Gromyko

Vologda State University, 15 Lenina St., Vologda 160000, Russia

Sergey A. Gromyko, ling2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4256-9815>

Abstract. The article deals with the remark as a special genre of Russian parliamentary speech. The author analyses various approaches to parliamentary genres. Parliamentary discourse is viewed as institutional, having a dynamic genre structure.

The research studies the institutional restrictions imposed on statements in the form of a remark. There is a conclusion about the role of procedural regulation in the formation of a system of discourse genres and the possibility to distinguish unregulated and regulated remarks. The State Duma discussions of the early twentieth century are a basis of the research which focuses on unrestricted remarks from the hall and their

genre status. Parliamentary remarks are classified according to the communicative aspect. The article presents the results of the analysis of more than 200 statements by members of the State Duma from the hall, recorded in official transcripts. Three types of remarks are singled out: an interrogative remark, a replying remark and an imperative remark. The conclusion is made about the provocative nature of the remark as a parliamentary genre. The functional features of two types of remarks are distinguished: a regulated remark is conventional and dialogic; an unregulated remark is aggressive and provocative. The main features of an unregulated remark are non-normativeness in terms of procedural regulations, super-briefness (one phrase), reactivity, expressiveness, evaluativeness and provocativeness.

Keywords: remark, genre, parliamentary speech, parliamentary discourse, institutional discourse, provocative-ness, parliamentary regulations, conventionality

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-012-00111 “Russian nationalism in the linguistic aspect: pragmatics, dynamics, expertise”.

For citation: Gromyko S. A. Unrestricted remark as a genre of parliamentary speech (based on Russian parliamentary discourse of the early XX century). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 237–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-237-244>, EDN: HITTKD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики речи является параметризация речевого общения, которая предполагает выявление значимых параметров ситуации общения и их связей и взаимоотношенностей имплицитивного типа [1: 13]. Параметризация речи в институциональных дискурсах, которые основываются на «жестких» жанрах и имеют предсказуемую структуру текстов и прогнозируемую модель, является, на первый взгляд, более простой задачей, чем в дискурсах персональных. Однако на деле полевая структура дискурса, длительность и многоуровневость взаимоотношений между актантами, национальная и культурная специфика развития института и другие особенности существенно затрудняют даже не сам процесс анализа, а создание на основе его результатов модели дискурса. По сути, любая полученная модель является лишь частной, отражающей состояние коммуникации в данной культуре на данном этапе развития института. И этап этот может представлять собой очень короткий отрезок существования института, обусловленный экстралингвистическими факторами.

Нельзя не согласиться с мнением В. В. Дементьева, что создание локальных объясняющих моделей речи не самый продуктивный путь для развития теории речевых жанров [1: 12]. В то же время исследование институциональной речи на сегодняшний день, по-видимому, идет именно этим путем. Действительно, когда исследователь изучает, например, парламентские жанры, неизменно возникает большое количество вопросов: парламента какой именно страны? в какой исторический период? какого созыва и при каком раскла-

де политических сил? в период действия какого регламента? и т. п. Сложно изучать парламентскую речь вообще, тем более пытаться строить универсальные модели. В этом плане показательна русская парламентская речь со своей дискретной историей, постоянными изменениями в механизмах созыва и работы, калейдоскопической сменой политического и социального ландшафта (особенно в дореволюционный период существования).

Парламентский дискурс относится к институциональному виду общения. Институциональный дискурс понимается как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и выделяется на основании двух системообразующих признаков: целей и участников общения [2: 7]. В то же время признак институциональности парламентского дискурса проявляется по-разному и с разной степенью в различных жанрах. В. И. Карасик утверждает, что в реальности мы крайне редко встречаемся с абсолютно безличным общением, поэтому персональность так или иначе присутствует и в институциональной коммуникации, а Е. И. Шейгал, придерживаясь широкого подхода к политическому дискурсу, градуирует по оси институциональности большое количество жанров [3: 232–234]. В парламентском дискурсе, очевидно, такая градация также возможна: от жанра доклада председателя комиссии или министра на правительственном часе (максимальное проявление регламентированности, формальности и строгости) к жанру выступления в прениях и до обсуждения законопроектов в кулуарах (неформальность, снижение функции институциональных ролей). Жанр реплики в этом плане интересен своей подвижностью и обусловленностью прагматическими характеристиками высказывания.

Система жанров парламентской речи в настоящее время изучена недостаточно глубоко. Различия в наименовании жанров, их прагматическом статусе, взаимоотношении с другими жанровыми образованиями связаны с разными подходами как к самой парламентской коммуникации, так и к понятию жанра речи [3, 4–6]. При этом материалом для исследования становится чаще всего современный европейский парламентский дискурс [7].

Традиционный подход к парламентской речи изложен в коллективной монографии «Культура парламентской речи», которая представляет собой первый опыт научного осмысления возрождавшегося в начале 90-х гг. XX в. отечественного парламентаризма. Доминирующие в работе ортологический и стилистический аспекты не позволили авторам сконцентрировать свое внимание на дискурсивно-прагматических особенностях коммуникации в парламенте. Однако исследователи отмечают многообразие, неоднородность парламентских жанров и специфику их языковых особенностей [4: 20]. В работе выделяются следующие основные жанры: доклад, официальный депутатский запрос, реплика, вопрос, информация, дискуссионное выступление, «причем четкого жанрового разграничения провести не представляется возможным» [4: 34]. Ценным представляется замечание, что жанровое своеобразие связано не столько с языковыми канонами, сколько со спецификой политической жизни [4: 34].

Авторами монографии парламентская реплика определяется как «краткое возражение, замечание, высказывание с места по содержанию речи оратора» [4: 44]. Реплика может содержать присоединение к высказанному мнению, выражать предложение или несогласие с выступлением оратора. Особой разновидностью реплики является реплика-вопрос, содержащая оценочность и вводящая в дискуссию новую проблему. Приведенные в работе примеры показывают, что Е. М. Лазуткина, автор соответствующего раздела коллективной монографии, рассматривает в качестве жанра реплики исключительно регламентированные высказывания депутатов с места, то есть такие вопросы и замечания, которые были разрешены председательствующим не с трибуны [4: 44–45]. Таким образом, реплика, по Е. М. Лазуткиной, обладает следующими признаками: краткость, регламентированность, оценочность, дискуссионность, реактивность (возникает не сама по себе, а как реакция на дискуссионное выступление).

К. Илие, анализируя с позиций институциональности выступления в европейских

парламентах, выделяет следующие жанры парламентской коммуникации: министерские отчеты, речи, интерpellации (короткие дебаты), дебаты, устные/письменные вопросы, «время запросов» [6: 9]. Из приведенной классификации видно, что ее основанием являются не столько языковые и дискурсивные особенности высказываний, сколько их отношение к регламенту. Реплика при этом не рассматривается как отдельный жанр, а входит в состав интерpellации как составляющая дебатов по частным вопросам.

В некоторых работах предлагается принципиально иная таксономия: сам парламентский дискурс рассматривается как жанр политического дискурса, а привычные жанровые образования – парламентское выступление, заявление министра, парламентские дебаты, интерpellации, устные и письменные вопросы – именуется его поджанрами [5: 133–134]. Такой подход также основан на регламентном статусе речевых произведений и не рассматривает реплику в качестве самостоятельной жанровой единицы.

Данная статья представляет собой результат исследования 215 высказываний с места депутатов дореволюционной Государственной Думы, зафиксированных официальными стенографическими отчетами. Целью работы являлась параметризация жанра нерегламентированной парламентской реплики. Материалом для исследования послужили официальные стенографические отчеты о работе Государственной Думы 1911–1914 гг. Такой период был выбран не случайно: согласно нашим данным, интенсивность реплицирования с места в российском парламенте в предвоенные и военные годы резко повысилась по сравнению с работой Первой и Второй Государственной Думы. С учетом специфики дискурса было принято решение отбирать и анализировать реплики членов Думы близких политических платформ – умеренных и крайне правых монархистов. Высказывания анализировались следующим образом:

- 1) устанавливалась политическая принадлежность автора высказывания с места (реплики) и оратора, анализировались сложившиеся между ними публичные взаимоотношения в парламенте;
- 2) анализировалась реакция на реплику со стороны оратора, председательствующего и других членов Думы;
- 3) определялся характер смысловой взаимосвязи реплики с речью оратора;
- 4) устанавливались экспрессивные и оценочные особенности семантики реплики;
- 5) анализировались формальные особенности реплики;

б) анализировались языковые особенности реплики.

**Нерегламентированная реплика:
институциональные и дискурсивные
особенности**

С точки зрения дискурсивных характеристик реплика может быть как институциональной, то есть предусмотренной регламентом, так и оформляться в жанр независимо от него, если она не разрешена документально. Так, например, если схожие по форме и содержанию краткие высказывания не предусмотрены регламентом и не разрешены спикером (председательствующим), однако в одних и тех же условиях регулярно и в большом количестве продуцируются агентами дискурса и являются коммуникативно значимыми, можно говорить о развитии «неформального», нерегламентированного жанра реплики. В данном случае уместно вспомнить высказывание М. М. Бахтина о жанре как о типичных формах высказывания в типичных ситуациях [8: 181]. Как соотносятся регламентированные и нерегламентированные реплики? Рассмотрим подобные образования в русском парламентском дискурсе начала XX в.

Определим место реплики как жанра парламентской речи в регламенте Государственной Думы. В основных документах, направленных на организацию работы русского парламента начала XX в. и составленных еще до начала функционирования Думы (например «Учреждение Государственной Думы»), нет упоминания о конкретных жанрах парламентских высказываний. Актом, регламентирующим в том числе речевое поведение депутатов, должен был стать Наказ Думы. А. Ф. Саврасов в своей диссертации подробно и глубоко проанализировал историю создания и функционирования Наказа Государственной Думы и сделал вывод, что «всё время своего существования Дума проработала с регламентом, который так и не стал законом в формальном смысле» [7: 21]. Регламент постоянно дорабатывался, видоизменялся, корректировался, но так и не был опубликован официально, так как не был утвержден Сенатом. Это привело к интересному явлению: представители общественности, исследователи работы Думы в условиях отсутствия доступа к документам комиссии по Наказу создавали работы, в которых пытались моделировать регламент русского парламента на основании опубликованных стенограмм заседаний, регламентов французского и английского парламента, а также своих представлений об эффективности работы представительного органа власти.

Так, в 1907 г. была издана книга приват-доцента Санкт-Петербургского университета А. Пиленко «Русские парламентские прецеденты» с подзаголовком «Материалы для Наказа». В ней исследователь обращает особое внимание на организацию прений. В качестве основного правила думских прений Пиленко предлагает ввести в Наказ следующую фразу: «Никто не имеет права говорить, доколе ему не предоставлено слово председателем» [9: 83]. С ней же связана и другая норма: «Говорить следует с кафедры» [9: 83]. Автор книги, основываясь на текстах стенограмм заседаний Думы, отмечает, что это правило не раз повторялось председательствующими, но зачастую нарушалось депутатами. Важным, по мнению А. Пиленко, должен быть четко прописанный в Наказе запрет на непосредственные вопросы со стороны оратора министрам и депутатам [9: 83]. Предложенные А. Пиленко формулировки отражают принятое представление о коммуникации в парламенте как об институциональном, формальном и в основе своей ритуальном общении, направленном на выработку политического решения. В то же время стенограммы даже поздних созывов, когда основные положения Наказа были уже выработаны, отражают регулярное нарушение этих норм.

Шингарев: Мы знаем положение массы магометанского населения, которое страдает от неправопорядка и религиозного (Пуришкевич: Переходите скорее к жидам)... Сию минуту, депутат Пуришкевич, если вы будете вести себя тихо... И мы знаем наконец вопрос самый крупный из всех этой категории вопросов – вопрос еврейского неправопорядка (Возгласы справа: О-о-о).

Председательствующий: Член Государственной Думы Пуришкевич, пожалуйста, без вопросов с места.

Шингарев: Вы будете иметь возможность потом мне возражать, а не кричать с места. (Пуришкевич: Да я и не хочу)

Председательствующий: Член Государственной Думы Шингарев, пожалуйста, продолжайте Вашу речь [10: 431].

В этом примере реплики Пуришкевича с места, прерывающие выступление с трибуны Шингарева, признаются нарушающими регламент, в результате чего председательствующий выносит устное замечание Пуришкевичу. В то же время массив таких реплик в Думе Третьего созыва просто огромен: один только Пуришкевич, по нашим подсчетам, в 1913 г. за месяц участия в заседаниях Думы прерывал ораторов с места около 30 раз. Далеко не каждое такое нарушение вызвало реакцию со стороны председательствующего, а в ряде случаев эта реакция была достаточно

вялой и представляла собой просьбу не прерывать оратора. Важным представляется сам факт фиксации этих высказываний в стенограммах заседаний Государственной Думы, которые имели статус документа, подписывались председателем Думы и публиковались достаточно оперативно. Можно говорить о некоем парадоксе отношения к этому жанру актантов дискурса: с одной стороны, депутаты воспринимали его как маргинальный, запрещенный, не соответствующий нормам речевого поведения, с другой – охотно его использовали и давали ему институциональное одобрение и закрепление в официальных стенограммах.

Такие нерегламентированные реплики стали систематическими в прениях уже Второй Государственной Думы. В парламентах последующих созывов формальные и неформальные лидеры всех фракций высказывались с места подобным образом. Лидерами по использованию данного формата высказываний были также Е. Н. Марков, П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, А. Ф. Керенский, Е. П. Гегечкори, М. С. Аджемов. Коммуникативная значимость подобных реплик выражается в их непосредственном влиянии на развитие дискуссии: оратор с трибуны зачастую реагировал на высказывания с места, корректировал план своей речи, вступал в словесную перепалку.

Щепкин: Эта фраза, которая в дореформенное время в «Русских Ведомостях» печаталась невозбранно, и за это их не останавливали, с разрешения цензуры. (Шингарев: Прочитайте. Пуришкевич: князь Долгоруков ничего умного не скажет). Вопрос об уме субъективный. Я, например, могу признать многих здесь сидящих неумными, но я не заявляю этого (Голос справа: Что такое? Шум) [10: 157].

С точки зрения оценочности в абсолютном большинстве случаев нерегламентированная реплика носит негативный характер и прямо или опосредованно выражает негативную оценку оратора за трибуной либо предмета речи. Именно поэтому она была направлена чаще всего не просто на политического оппонента, а на лидера фракции оппонентов. Целью реплики в этом случае можно назвать понижение политического статуса оратора и снижение значимости его выступления. Однако в некоторых случаях высказывание с места обладало позитивной оценочностью и имело своей целью выражение поддержки и одобрения словам оратора. Естественно, что это происходило лишь тогда, когда за трибуной находился однопартиец автора реплики.

Барон Черкасов: Тут говорят о земских начальниках, но это объясняется, конечно, полной неосведомленностью. Земские начальники ровно ничего от этих сборов не получали. Я, господа, должен, конечно, говорить не о земских начальниках, потому что это вздор, а говорить о другом, что в самом деле есть. (Марков с места: Bravo!) [11: 2269].

Оценке могли подвергаться различные аспекты монологического выступления депутата. Например, типичным приемом Н. Е. Маркова являлась оценка степени убедительности высказывания или ораторских способностей докладчика.

Ефремов:...а в настоящее время, господа, и правду забыли, остался один устрашающий произвол (Марков с места: слабо)... В этой декларации говорится, что закон приемлем лишь при радикальном изменении его по целым девяти пунктам, а я скажу, что он приемлем только без этого радикального изменения, а при таком радикальном изменении он неприемлем (Марков с места: очень слабо, плоховато) [11: 2128–2129].

Прямой оценке могли подвергаться любые факты, лица, события, упоминавшиеся оратором с трибуны.

Гегечкори: Но этим решение вопроса господин Щегловитов не удовлетворился. Он учиняет формальное следствие над бывшим товарищем председателя и в конце концов при содействии патриотов местных, при содействии одной газеты, издающейся товарищем Пуришкевича и Маркова – «Русский Север» (Марков с места: Хорошая газета) – создается целая клевета инсинуаций и прочая против этого бывшего председателя... [11: 3210].

Типология нерегламентированных реплик

С коммуникативной точки зрения реплики с места в дореволюционной Думе были крайне разнообразными. Они представляли собой живую непосредственную реакцию депутатов на монолог оратора за трибуной, поэтому каждое такое высказывание представляло собой, по сути, попытку вывести оратора на диалог и тем самым изменить его коммуникативные установки. Целесообразно выделить следующие формальные разновидности типы реплик:

- 1) реплика-вопрос. Вопрос с места, прерывающий выступление, мог носить уточняющий характер, в случае если оратор оговорился или представил сведения, требующие комментария, но чаще всего задавались вопросы, указывавшие на некомпетентность оратора, стремление

манипулировать фактами, неумение логические выстроить высказывание и т. п.

Гегечкори: У меня имеется дело о бывшем товарище председателя Вологодского окружного суда Л. Н. Бровковиче. Этот господин сделался бывшим председателем Вологодского окружного суда за следующее преступление. **(Крупенский с места: сделался председателем за преступление?)** Вот послушайте сейчас [11: 3209].

Клочков: Это вице-губернатор Григорьев, которого сейчас назначили Сахалинским губернатором. Приехал, захватил с собой крестьян-старшин, этих старшин пустили впереди карательного отряда, впереди солдат, и солдаты берут ружья на руку, на прицеле и с песней идут... Какие же это враги? **(Марков с места: Нельзя ли по сме-те?)** Это к смете и есть [11: 3624];

2) реплика-ответ. Чаще всего это ответ на риторический вопрос либо на вопрос к коллективному адресату. В любом случае этот ответ не ожидался оратором, выступавшим с трибуны, и потому существенно снижал пафос выступления.

Гегечкори: И вот мы внесли вам этот запрос, настаиваем на его спешности и требуем, чтобы вы дали ответ московским избирателям; мы требуем, чтобы вы в конце концов выразили свое отношение: находите ли вы закономерным то преследование, которое учиняет московская администрация против социал-демократических избирателей? **(Марков с места: да, находим)** Господин Марков дает реплику, что он находит, – это и требовалось доказать [11: 1216];

3) реплика-императив. Апеллирование к конкретному оратору на трибуне, равно как и обращение к отдельным депутатам на местах зачастую вызывали замечание председательствующего. Однако никакие санкции за это не применялись, поэтому словесные перепалки, содержащие повеления, призывы, пожелания, просьбы, встречаются достаточно часто.

Родичев:...но вы себе представьте добросовестного полемиста с социализмом, который обязан полемизировать с социалистами, потому что в помощь его полемике прислали городских и частного пристава, подкрепленных академистами и товарищами Сашки Половнева для борьбы с социализмом. Да какой же уважающий себя человек будет бороться с социализмом наряду с такими союзниками? Ведь это совершенно невозможная вещь. **(Марков с места: товарищ Сазонова, не увлекайтесь)** Я не знаю, господа, вероятно, здесь есть другие товарищи Сазонова, вы ошибаетесь, между вами есть товарищи прокурора, товарищи сыщи-

ка, я не знаю, есть ли товарищи Сазонова. Вероятно, есть такие, которые говорили Сазонову «товарищ» [11: 1480].

С точки зрения характера смысловой взаимосвязи реплики и текста развернутого выступления выделяются автономные и комплетивные реплики. Автономные реплики выражают непосредственную эмоциональную реакцию говорящего на высказывание оратора и не вносят в выступление новую информацию. Такие реплики, как правило, замкнуты на своем авторе, на его отношении к говорящему и предмету речи и не содержат смысловой ретроспекции или проспекции комментируемого текста. Следствием этого является низкая реактивность оратора на реплику: стенограммы заседаний Думы отражают продолжение выступления без отвлечения говорящего на высказывание с места.

Керенский: Вы знаете, господа, перед нами ведь пример недавний. Вы знаете, господа, когда в этом году летом был знаменитый процесс балтийских матросов **(Пуришкевич: Ага)**, вы знаете, что князь Мещерский, этот ваш человек, он напечатал в своей газете о том, что все это дело балтийских матросов было создано в департаменте полиции [10: 248].

Родичев: И я взошел сюда на кафедру, чтобы повторить этот возглас по адресу министерства юстиции **(Марков с места: Повторите)**, ибо, господа, смертная казнь по так называемой судебной ошибке есть убийство [11: 3225].

Комплетивная реплика – это разновидность нерегламентированной реплики, дополняющая, с точки зрения говорящего, важной информацией речь оратора. Попутно с введением новой информации происходит понижение пафоса монологического выступления, отвлечение оратора от главной мысли, вовлечение его в словесную перепалку. Смысловое дополнение может быть связано с указанием на источник, уточнением обстоятельств событий, отраженных в выступлении, называнием имен и должностей, а в ряде случаев и с указанием на недостоверность сообщаемого материала.

Миллюков: В составе редакции, членом которой я имею честь состоять, есть старые и опытные люди, которые во время самодержавной России при старой цензуре умели справляться с требованиями цензуры и знали приблизительно, за что можно ждать цензурной кары. А в России конституционной **(Пуришкевич: Такой нет, нема; шум, звонок председателя)** мы просто теряемся [10: 74].

Шингарев: Позвольте вам напомнить суть этого дела. В Глинском уезде в Почепе

убита зверски еврейская семья (**Пуришкевич: Вы это у Кони читали**). Нет, я читал речи защитников и описание процесса [10: 434].

Все перечисленные типы реплик носят откровенно провокативный характер, так как в их основе лежит демонстративность речевого поведения [12: 37]. Признак демонстративности реализуется в речевом действии открытого прерывания участника дискурса, произносящего институционально разрешенный публичный монолог с трибуны. В то же время реплику необходимо отделять от возгласов с места, смеха и иных паравербальных явлений, которые также направлены на провоцирование оратора, однако не оформлены в смысловом и структурном отношении.

Дискурсивная специфика нерегламентированной реплики обуславливает ее яркие языковые характеристики. Обращает на себя внимание доминирование дейктических элементов, связанных с реактивностью реплики и ее включенностью в речь другого спикера. Дейксис семантически богат и выражен в первую очередь личными и указательными местоимениями, а также местоименными наречиями. Можно выделить следующие виды дейксиса в репликах с точки зрения объекта идентификации:

- а) персональный – Керенский: Господа, когда мы открывали съезд и когда я был выбран председателем, что я считаю величайшей честью за всю свою жизнь, я, господа, обращаясь к съезду, сказал, что мы примем все меры, мы будем идти на всё, чтобы довести съезд до конца. (**Пуришкевич: Вы какой приказчик?**) [10: 415];
- б) тематический – Милюков: Розмитальский – разорившийся ростовщик с репутацией «опытного сыщика» (**Пуришкевич: Это оскорбление свидетелей**) [10: 78];
- в) временной – Демченко: Министерство финансов эту систему исчисления чистого дохода и продления казенного налога преподнесет и для деревни, и для землевладельцев... (**Марков: Мы тогда посмотрим**) Мне кажется, смотреть не нужно, нужно делать и не откладывать чего-нибудь на после [10: 1171];
- г) пространственный – Соколов Второй: Для меня, господа, этот момент ужасен. Это страшное духовное падение для меня ужасно. Читать, что дело дошло до оскорбления действием в университете... Но, господа, позвольте вас спросить, кто виноват во всем этом? Я вам сейчас дам ответ (**Марков с места: Его там зашибли; смех справа**) [11: 3428].

На уровне синтаксиса в реплике доминируют неполные предложения, что является результатом контекстуальной обусловленности высказывания с места. По типу это чаще всего диалогически неполные предложения: реплика разрушает монолог оратора, переводя его в несанкционированный диалог. **Аджемов: Собирается приказчиный съезд, который созывается в Москве после того как идут долго переговоры с Министерством внутренних дел. (Пуришкевич: а спешность?) Это и есть спешность, ибо надо обосновать необходимость теперь же принять этот запрос и поэтому депутату Пуришкевичу следует до конца выслушать** [10: 151].

Обращает на себя внимание и распространенность односоставных предложений, в первую очередь безличных со сказуемым, выраженным категорией состояния и словом «нет». **Аджемов: ...Мы подчеркиваем, что и после восьми лет существования русской конституции (Пуришкевич: Нет ея, вздор)** [10: 146]. **Антонов: Господа. Мы будем голосовать за ту формулу, которая предложена членом Государственной Думы Свенцицким и которая гласит... (Замысловский: Стыдно!)** [10: 784]. **Ростовцев: Что касается замечания господина Маркова, что здесь мною и моими товарищами поставлен какой-то капкан для зверей, я не знаю, к какой породе зверей причисляет себя Марков, но во всяком случае ловить его не желаю (Замысловский: Легче, легче)** [10: 1637]. Таким образом лаконично характеризуется состояние предмета речи и коммуникантов, отношение к оратору со стороны репликанта, ораторские способности выступающего.

Выводы

В процессе анализа парламентских жанров нельзя опираться исключительно на регламент или иные нормативные акты, так как институциональные ограничения проявляются не только в виде документов, регламентирующих деятельность института, но и в типичных коммуникативных ситуациях, не предусмотренных регламентом или даже нарушающих его. В институциональных дискурсах возможно речевое поведение, нормативно не регулируемое писаными нормами или даже противоречащее им, но ставшее коммуникативным стандартом. Речевые жанры, соответственно, могут быть заявленными регламентом либо появившимися в результате специфики развития дискурса и функционирующими по своим законам.

На примере речевого жанра реплики видно, что в парламентском дискурсе краткое высказывание с места может быть как инсти-

туционально предусмотренным и официально разрешенным, так и не предусмотренным регламентом либо нарушающим его, но принятым агентами в качестве типичного речевого действия в типичных условиях (агрессивное выступление лидера фракции-антагониста). При этом коммуникативная функция этих высказываний принципиально различна: регламентированная реплика конвенциональна, диалогична и направлена на развитие дискуссии, нерегламентированная – провокативна и агрессивна даже в тех редких случаях, когда выражает согласие с оратором.

Таким образом, нерегламентированная реплика – особый жанр высказывания в русской парламентской коммуникации. Для него характерны такие особенности, как ненорма-

тивность с точки зрения регламента, сверхкраткость (одна фраза), реактивность, экспрессивность, оценочность, провокативность. Основными целями такого реплицирования являются разрушение пафоса выступления оратора, изменение эмоционального состояния самого члена парламента, втягивание его в бытовые формы спора, осмеяние, то есть всё то, что влечет понижение политического статуса оппонента.

Важным критерием наличия в парламентском дискурсе нерегламентированной реплики является ее последовательное отражение в официальных стенограммах заседаний, что является подтверждением признания ее коммуникативной значимости для агентов данного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С.5–20.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 420 с.
4. Культура парламентской речи. М. : Наука, 1994. 361 с.
5. Матвеева Г. Г., Зюбина И. А., Лесняк М. В. Особенности жанровой системы парламентского дискурса // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 133–140.
6. European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices / ed. Cornelia Ilie. John Benjamins Publishing, 2010. 386 p.
7. Саврасов А. Ф. Наказ Государственной Думы (1906–1917 гг.): история создания и применения: автореф. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010. 23 с.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
9. Пиленко А. Русские парламентские прецеденты. Ч. 1. СПб., 1907. 127 с.
10. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1913–1914 год. Сессия 2. Ч.1. Заседания 1–28. Санкт-Петербург, 1914. 2094 стлб.
11. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1911 год. Сессия 4. Ч.1. Заседания 39–73. Санкт-Петербург, 1911. 3722 стлб.
12. Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб. : Роза мира, 2008. 268 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

2. Karasik V. I. On the types of discourse. In: *Linguistic personality: institutional and personal discours: coll. sci. arts*. Volgograd, Peremena, 2000, pp. 5–20 (in Russian).

3. Sheygal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnosis, 420 p. (in Russian).

4. *Kul'tura parlamentskoy rechi* [The Culture of Parliamentary Speech]. Moscow, Nauka, 1994. 361 p. (in Russian).

5. Matveyeva G. G., Zyubina I. A., Lesnyak M. V. Peculiarities of the genre system of the parliamentary discourse. *Political Linguistics*, 2016, no. 4 (58), pp. 133–140 (in Russian).

6. Ilie C., ed. *European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices*. John Benjamins Publishing, 2010. 386 p.

7. Savrasov A. F. *Decree of the State Duma (1906–1917): The history of creation and application*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Hist.). Voronezh, 2010. 23 p. (in Russian).

8. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Collected works, vol. 5. Works 1940–1960*. Moscow, Russkie slovari, 1996. pp. 159–206 (in Russian).

9. Pilenko A. *Russkiye parlamentskiye pretsedenty. Ch. 1*. [Russian parliamentary precedents. Part 1]. Saint Petersburg, 1907. 127 p. (in Russian).

10. *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. 1913–1914 god. Sessiya 2. Ch. 1. Zasedaniya 1–28* [The State Duma. Verbatim reports. 1913–1914 Session 2. Part 1. Sessions 1–28]. Saint Petersburg, 1914. 2094 columns (in Russian).

11. *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. 1911 god. Sessiya 4. Ch. 1. Zasedaniya 39–73* [The State Duma. Verbatim reports. 1911 Session 4. Part 1. Sessions 39–73]. Saint Petersburg, 1911. 3722 columns (in Russian).

12. Stepanov V. N. *Provotsirovaniye v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii* [Provocation in social and mass communication]. Saint Petersburg, Roza mira, 2008. 268 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 17.02.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 16.05.2022
The article was submitted 17.02.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 16.05.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 245–251

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 245–251

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-245-251>, EDN: DMMRFD

Научная статья

УДК 811.161.1'243'373

Образ России в учебниках русского языка

О. В. Мякшева[✉], М. В. Суркова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мякшева Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, myaksheva.ov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2553-8555>

Суркова Мария Васильевна, аспирант кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, marysinv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосоотношения языка и жанра речи как разных типов организации коммуникации, однако имеющих общую коммуникативную природу. Гипотеза исследования: язык предлагает варианты словесного воплощения образа России, а жанр (учебник) отбирает из вариантов тот, который соответствует так понимаемому авторами учебника (адресантами) типу общения с обучающимися (адресатами). Материалом исследования послужила предметная лексика (систематизированная для более содержательного анализа в лексико-семантические группы), которая извлекалась из текстового дидактического материала анализируемых учебников русского языка. Количественно-качественный анализ существительных из текстов показал, что в учебнике русского языка для общеобразовательных школ России отобранные в его дидактический материал тексты отражают образ страны, созданный авторами произведений из «золотого» фонда отечественной литературы, в этих текстах «высвечиваются» константы русской культуры, которые выполняют роль нравственного камертона в духовном воспитании человека. Учебник русского как иностранного демонстрирует вульгарно-прагматический взгляд на образ России, формирует представление о ней как обществе потребления, более того, этот взгляд отражает интенции пренебрежительного отношения к стране, которую авторы репрезентируют в создаваемых текстах.

Ключевые слова: учебники русского языка, образ России, константы русской культуры, общество потребления

Для цитирования: Мякшева О. В., Суркова М. В. Образ России в учебниках русского языка // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 245–251. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-245-251>, EDN: DMMRFD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of Russia in Russian language textbooks

O. V. Myaksheva[✉], M. V. Surkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Myaksheva, myaksheva.ov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2553-8555>

Maria V. Surkova, marysinv@gmail.com

Abstract. The article presents a study of the relationship between the language and the genre of speech as different types of communication organization which, however, have a common communicative nature. The research hypothesis is that the language offers options for the verbal embodiment of the image of Russia, but the genre (textbook) selects from the options the one that corresponds to the type of communication between the authors of the textbook (addressers) and the students (addressees). The research is based on the subject vocabulary, which has been extracted from didactic text materials of the analyzed Russian language textbooks and has been organized into lexico-semantic groups for more meaningful analysis. A quantitative

and qualitative analysis of the nouns from the texts has shown that in the Russian language textbook for public Russian schools texts selected for its didactic material reflect the image of the country, created by the authors of works from the «golden» fund of Russian literature. These works highlight the Russian cultural constants which play the role of moral tuning fork in the spiritual upbringing of a person. The textbook of Russian as a foreign language demonstrates a vulgar and pragmatic view on the image of Russia. Russia is represented as a consumerist society. Moreover, such a view reflects the intentions of disparagement of the country which is represented by the authors in those texts.

Keywords: Russian language textbooks, the image of Russia, Russian cultural constants, consumerist society

For citation: Myaksheva O. V., M. Surkova V. The image of Russia in Russian language textbooks. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 245–251 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-245-251>, EDN: DMMRFD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Изучение образа России в учебниках русского языка стало возможным на рубеже XX и XXI вв., когда в школьные учебники русского языка вошла лингвистика в варианте текстцентрической парадигмы. Она позволила обнаружить, что текст – это «смыслопорождающее устройство» [1: 155] и, как особая речемыслительная форма, он «позволяет, в отличие от неразвернутых форм, представить некоторую картину мира (фрагмента мира) в виде развернутой системы представлений, суждений, идей, окрашенной субъективным отношением автора к этим представлениям и идеям» [2: 267]. Текстцентрическая парадигма, в свою очередь, обозначив «поворот от изучения только языка к изучению речи, преодоление сосюрковского положения об «отсутствии системы на оси времени» (т. е. речи), а тем самым – признание наличия особой речевой системности» [3: 8], стала существенным фактором для рассмотрения жанров, в которых репрезентируются тексты, в когнитивной перспективе, как «форм ментальной репрезентации» [4: 88]. И. А. Тарасова подвергает когнитивной интерпретации бахтинскую категорию «память жанра» как систему когнитивных моделей, способов концептуализации действительности каждым жанром [4: 91].

Каковы же точки соприкосновения, взаимосоотношения языка и жанров речи? Язык как система знаков и исторически сложившаяся форма культуры народа рассматривается с разных точек зрения, наиболее изученными сегодня являются, безусловно, его единицы и отношения между ними в синхроническом аспекте. Формирующаяся с 80-х гг. прошлого века антропоцентрическая, онтологическая по своей сущности, лингвистическая парадигма расширила интерес лингвистики ко всей коммуникативной ситуации и, далее, дискурсу, что позволило лингвистам, хотя бы в аргументационной части своих исследований, выйти за пределы анализа самого языкового конструкта и его модификаций в речи. Определение речевого жанра как «вербально-

знакового оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей» [5:164] позволяет это осуществить. Довольно четко, на наш взгляд, соотношение языка и жанра речи представлено в следующем размышлении: «РЖ и язык не тождественны, но имеют общую коммуникативную природу и сопоставимы как разные типы организации коммуникации. И РЖ, и язык представляют собой «инструменты», при помощи которых человек осуществляет свою ориентацию в окружающем мире и воздействует на мир, а точнее: такую важную часть взаимодействия с миром, как общение с другими людьми» [6: 50]. В более поздней работе автор развивает мысль о современном соотношении языка и жанра в сторону ведущей роли жанра: «Значимость жанроведения для лингвистики обуславливается тем, что речевые жанры имеют исключительную значимость для языка – объекта лингвистики: не совпадая с языком полностью, представляют собой феномен, без осмысления которого невозможно настоящее осмысление ни структуры, ни функционирования, ни истории языка» [7: 172].

В отношении нашей задачи исследования данные размышления мы преломляем так: общая коммуникативная природа языка и РЖ предопределяет их общую целеустановку, заключающуюся в таком взаимодействии, когда язык предлагает варианты словесного воплощения образа России, а жанр (учебник) отбирает из вариантов воплощения тот, который соответствует так понимаемому авторами учебника (адресантами) типа общения с обучающимися (адресатами). Сопоставление учебников для разных адресатов (россиян и иностранцев) позволит обнаружить это взаимодействие более отчетливо.

Материалом исследования в статье является наиболее маркированный в отношении создания образа России лексический уровень текстов, конкретнее – предметная лексика (систематизированная для более содержательного анализа в лексико-семантические

группы). Эта лексика извлекается из специфического жанра (безусловно, вторичного, возможно – далекого от традиционного перечня активно исследуемых сейчас жанров) – школьного учебника, точнее, его текстового дидактического материала. В качестве источника материала исследования были взяты: учебник русского языка для 9 класса (С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов и др.) [8] (далее – РЯ) и учебник русского языка как иностранного «Поехали!» (С. И. Чернышов, А. В. Чернышова) [9] (далее – РКИ). Исследование основано на применении семантико-стилистического, сопоставительного, контекстологического анализа, используются количественные подсчеты.

Тексты, привлекаемые в качестве дидактического материала авторами учебника русского языка для общеобразовательных учреждений России [8], принадлежат русским писателям и поэтам, а также русским лингвистам, историкам, публицистам, философам. Тексты, представленные в учебнике русского языка как иностранного [9], как мы предполагаем, составлены самими авторами учебника. Напомним в этой связи, что тексты, которые используют авторы учебников русского как иностранного, по мнению исследователей данной проблемы, должны формировать у иностранца первичное представление о стране, язык которой он изучает (см. об этом: [10–16]). О. А. Зайцева, Е. В. Паустьян уточняют: «Одной из главных задач, стоящих перед авторами учебника по русскому языку как иностранному, является формирование положительного образа России и русских» [17: 830]. На первый взгляд такое уточнение кажется парадоксальным (а можно и отрицательный?).

Задача данного исследования – определить, какие существительные, сформированные нами в лексико-семантические группы (далее – ЛСГ) актуализированы в учебниках РЯ и РКИ, как они реализуют себя в синтаксисе текстов, что позволит понять, какой образ России создают эти учебники и какие культурные ценности в них отражены.

Совершенно понятно, что данные типы учебников предназначены для разного адресата – старшеклассника (гражданина России) и иностранца (в основном студента), изучающего русский язык, однако общая коммуникативная цель [18: 63] этого жанра очевидна – сформировать образ России и россиянина. Мы в данном случае понимаем также, что учебники имеют и образовательную цель – дать возможность адресатам освоить языковые ресурсы русского языка для эффективного использования его в своей речевой практике.

За основу при распределении слов по ЛСГ был взят «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой [19–21]. Из учебника РЯ проанализировано 30 текстов, из которых выписано 719 существительных, из учебника РКИ соответственно – 39 текстов и 534 существительных. Рассмотрим ЛСГ этих существительных, приводя некоторые, преимущественно самые частотные, примеры.

В результате количественных подсчетов оказалось, что наиболее представленной в учебнике РЯ является ЛСГ «Язык, речь, диалект», причем абсолютно лидируют в ней лексемы *язык, слово, мысль, значительно* уступают ЛСГ «Время: годы, месяцы, дни недели, время суток», напр.: *год, день, апрель, суббота*; далее, по убыванию частотности, – ЛСГ «Социальная ценность, общественная оценка» (*честь, слава, воля, богатство, наследие, сокровище, благополучие, покой, величие, свобода, способность, благодарность, умение*); «Виды деятельности, действия» (*обучение, охота, ловля, чтение, понимание, общение, помощь, воздействие, влияние, движение, достижение*); «Виды печатной продукции, текстовые произведения»: *газета, журнал, статья, словарь, дневник, мемуары, письмо, рукопись*; «Разные чувства, эмоциональные состояния, их проявления»: *любовь, сочувствие, радость, печаль, тоска, волнение, спокойствие, боль, страдание, счастье, горе, предчувствие, испуг, дрожь, обида, благоговение*; «Вид деятельности, должность»: *ученый, президент, языковед, поэт, воспитательница, художник, писатель, пищик, исполнитель, князь, ловчий, подьячий, царь*; «Нейтральные номинации лица»: *человек*; «Лицо по характерному признаку»: *проезжающий, собеседник, теоретик, мастер, герой*; «Деревья, кустарники»: *дерево, деревце, дуб, липа, березка, яблоня, ракита, рябина*; «Земля, ее строение»: *гора, скала, яр, берег, пещера, остров, поле, долина, утес, обочина*; «Водоёмы и связанные с ними явления»: *река, море, омут, волна, заводь*; «Психика, интуиция, подсознание, состояние духа»: *душа* (абсолютно доминирует), *дух, судьба*.

В учебнике РКИ ЛСГ по степени убывания частотности распределились так: «Учреждения, общественные места»: *баня, магазин, университет, ресторан, зоопарк, офис, банк, казино, театр, универмаг, школа, клиника, цирк, гостиница, бар, кафе, библиотека*; «Лицо по виду деятельности и должности»: *доктор, профессор, преподаватель, президент, филолог, клоун, экономист, эколог, ученый, менеджер, каскадер, космонавт, актриса, студент, фотомодель, папарацки, шеф-повар, официант, массажист, парикма-*

хер, акробатка, психиатр, офицер, далее с значительно меньшей частотностью – «Время: годы, месяцы, дни недели, время суток»: месяц, год, век, день, час, минута, полгода, ночь, утро, вечер; «Нейтральные номинации лица»: человек; «Виды деятельности, действия»: работа (абсолютно доминирует), труд, хобби; «Одежда, аксессуары»: галстук, платье, очки, шапка, купальник, кроссовки, пижама, ботинки, тапки; «Еда»: фрукт, йогурт, мюсли, чипсы, банан, мед, яблоко, авокадо, морепродукты, рыбка,пельмени, курица гриль, помидоры; «Алкогольные напитки»: водка, пиво, коньяк, шампанское, вино; «Лицо по виду взаимоотношений»: друг, коллега, партнер (по бизнесу), клиент, подруга, дорогая, пациент; «Лицо по характерному признаку»: герой, новичок, тиран, трудоголик, игрок, специалист, алкоголик, идиот, вегетарианец; «Денежные единицы, финансовые инструменты»: деньги, зарплата, доллар, фишка, ставка; «Лицо по степени родства»: жена, дочь, сын, муж; «Виды печатной продукции, текстовые произведения»: книга, газета, журнал, письмо, статья; «Группа людей, организация, сообщество»: семья, племя, коллектив, группа, мафия, компания; «Напитки»: вода, кофе, чай, квас, минеральная вода, молоко, сок.

Анализ представленности ЛСГ в учебниках позволяет сказать, что ЛСГ с общим компонентом «время» и ЛСГ «печатная продукция» выполняют функцию «общего фонда» номинаций в рассматриваемых учебниках. Из нейтральных номинаций лиц и в РЯ, и в РКИ зафиксирована лексема человек. В остальном наблюдаем существенные отличия.

В текстах учебника РЯ лексемы язык, слово, вопрос, глагол, идиома, диалект, слово-родич, слово-корень и др. (они составляют 5-ю часть всех существительных в данном учебнике) не только оправдывают предметную маркированность (учебник русского языка), но и позволяют вводить в дидактический материал такие обобщения: **В нем** (в языке. – О. М., М. С.) **вся она – наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей, и богатство звуков, и стихийность, и нежность, и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота... Это язык зрелого, самобытного национального характера** [8: 31]. Активные в своих репрезентантах ЛСГ «Социальная ценность, общественная оценка», «Чувства, эмоциональные состояния и их проявления», «Психика, подсознание, интуиция, состояние духа» демонстрируют константы русской культуры [22], например: **И след простыл печали и тоски. Душа вспорхнула, волны догоняя** [8: 47]; **В начале XIX века**

духовное величие русской женщины проявилось в судьбе жён декабристов, которые поразили весь мир своей нравственной силой, стойкостью и самоотверженностью [8: 135]. Частотность в учебнике ЛСГ «Земля, ее строение, природные образования», «Водоемы и связанные с ними явления», «Деревья, кустарники» в полной мере отражают представление о природе как неотъемлемой части страны: природа во многом сформировала русский национальный характер: **Волга – властительница вод <...> Волга, Северная Двина, Днепр, Обь – все большие русские реки именно текли <...> В широком движении этих рек была настойчивость** [8: 25]; **Но березка, самое близкое к человеку дерево, осенью не сразу опадает всей березой, а отдельно, и каждое деревце уходит от нас по своему** [8: 11].

В учебнике РКИ в ЛСГ «Учреждения и общественные места» бросается в глаза разнородность, с точки зрения социальной значимости, лексем: с одной стороны – баня, ресторан, казино, бар, с другой – университет, театр, библиотека. Слово баня, в частности, позволяет авторам транслировать такое суждение: **Октябрьская революция была катастрофой для петербургских бань (и, конечно, не только для них!)** [9: 66]. Частотность ЛСГ «Еда», «Одежда и аксессуары», «Алкогольные напитки», «Денежные единицы, финансовые инструменты», «Напитки» демонстрируют атрибуты потребительского общества, которое в России, хочется верить, не сформировалось.

Остановимся коротко на сравнительной характеристике ЛСГ «Лицо по характерному признаку», поскольку эти оценочные характеристики лица показательны в аспекте формируемого образа России. В учебнике РЯ они либо нейтральны: проезжающий, собеседник, теоретик, либо положительно окрашены: мастер, герой, в учебнике РКИ – чаще с отрицательной окраской: тиран, трудоголик, игрок, алкоголик, идиот. Уточним, для иллюстрации, контекст употребления слова герой в этих учебниках: **Персонажи, юные разведчики, отправляющиеся в тыл врага, чтобы спасти миллионы жизней, – это истинные герои** [8: 50]; **Кто говорил больше всех, тот выиграл, это – «Последний герой! Он становится вождем племени»** [9: 18].

Синтагматика в текстах учебников, как мы уже могли обнаружить в предыдущем примере, позволяет произвести существенные уточнения в создании в них образа России. Например, лексема человек в учебнике РЯ конкретизируется так: **Умение понять друга не дается от природы, совестливый человек развивает его в самом себе**

кропотливым трудом души. [8: 20]; *Безвольный, ленивый и изнеженный человек ничего не может достигнуть <...> И еще: не бойтесь трудностей и не пасуйте перед ними, в борьбе закаляется и крепнет характер и происходит рождение Человека* [8: 21]. В учебнике РКИ наблюдаем такие конкретизации: *Один раз мой друг, человек небогатый, сказал: «Сегодня пятница, идем после работы в казино!»* [9: 55]; *Ученые считают, что человеку нужно работать, как нужно есть и пить. В России говорят: Кто не работает, тот не ест»* [9: 21]; *О ком вы можете сказать, что это не человек?* [9: 39].

Лексемы *богатство, наследие* в учебнике РЯ используются в следующих контекстах: *Получается, что за тысячу лет наш лексикон увеличился в 25 раз, каждый год в среднем возникала почти тысяча новых слов или их значений<...> Это большое богатство, но отчасти мы его растеряли* [8: 15]; *Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своём, почти без всякого чуждого примеса, течёт как гордая, величественная река* [8: 4]; *Литературный язык, которым мы пользуемся, – это подлинно драгоценнейшее наследие, полученное нами от предшествующих поколений* [8: 5].

В учебнике РКИ ЛСГ «Лицо по виду деятельности, должности» и «Лицо по степени родства» помогают создавать «мини-биографии», в каждой из которых семья, работа и учеба – самые актуальные темы. Однако в текстах нередко отражено негативное отношение к работе, учебе и семье: *На работе я читаю интересные лекции, но глупые студентки на них не ходят. Иногда я принимаю наркотики, тогда мои студенты говорят, что мои лекции очень хорошие и они хотят послушать еще* [9: 44]; *Каждое утро я встаю и иду в университет пить пиво* [9: 43]; *У меня опасная жена и маленькая зарплата* [9:

44]. На фоне фотографии мужчины с синяком под глазом приводится следующий текст: *<...> У меня три пистолета, но я не люблю людей в банке. Я работаю в банках, магазинах, а отдыхаю в Сибири. Моя жена ненавидит мою подругу* [9: 44]. И хотя задание к этим текстам предполагает поиск ошибок (не уточняется какого типа), окончательно запутывают представление об образе человека, россиянина в частности, в семье и на работе вопросы: *Кто из них живет, как вы? Чья жизнь вам больше нравится?* [9: 43]. Создается впечатление, что авторы текстов иногда просто ёрничают, неуклюже заигрывая с адресатом. Например, вопрос: *Что вы можете сказать об этих людях?* задается к такому контексту: *У него 53 ребенка. Что он делает утром? А ночью?* [9: 36].

Заканчивая сопоставительный анализ предметной лексики текстов из учебников русского языка и воспользовавшись возможностью, в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики, включить в объяснительный контекст этого анализа фигуры субъектов коммуникативной ситуации (в данной статье – это адресанты), утверждаем, что в учебнике русского языка для общеобразовательных школ России отобранные в его дидактический материал тексты отражают образ страны, созданный авторами произведений из «золотого» фонда отечественной литературы, в этих текстах «высвечиваются» [22: 4] константы русской культуры, которые выполняют роль нравственного камертона в духовном совершенствовании человека. Учебник русского как иностранного демонстрирует вульгарно-прагматический взгляд на образ России, формирует представление о ней как обществе потребления, более того, этот взгляд отражает интенции пренебрежительного отношения к стране, которую авторы репрезентируют в создаваемых текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
2. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 284 с.
3. Дементьев В. В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>
4. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 88–95. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>
5. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.
6. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров в России: аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 39–61.
7. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи, 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
8. Русский язык. 9 класс: учебник для общеобразовательных организаций / под ред. С. Г. Бархударов. 4-е изд. М. : Просвещение, 2022. 255 с.
9. Чернышов С. И., Чернышова А. В. Поехали! – 2 Русский язык для взрослых. Базовый курс: в 2 т. Т. I. СПб. : Златоуст, 2011. 168 с.
10. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в становлении европейского образа России. М. : ГосИЯР им. А. С. Пушкина, 2008. 400 с.

11. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегии формирования. М. : Известия, 2003. 446 с.

12. Шмелькова В. В. Образ России в современном мире и русский язык как иностранный // Вестник Пензенского государственного университета. 2018. № 4 (24). С. 3–5.

13. Ардатова Е. В. Образ России в современных учебниках по русскому языку как иностранному // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки, 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-sovremennyh-uchebnikah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения: 01.02.2023).

14. Милехина Т. А. Русский мир в учебниках русского языка для иностранцев: новые подходы и требования // Труды и материалы VI Междунар. Конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2019 г.). М. : Изд-во МГУ, 2019. С. 437–438.

15. Мякишева О. В. Зависимость использования приемов воздействия от целей и ожидаемых результатов общения // Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения: монография / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. С. 133–143.

16. Мякишева О. В., Джураева З., Розымова М. Образ России в учебниках русского языка для иностранных учащихся // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие: материалы VI Международного педагогического форума (Сочи, 2–3 декабря 2019 года). СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 73–85.

17. Зайцева О. А., Паустьян Е. В. Этнические стереотипы о русских в китайских учебных изданиях по русскому языку как иностранному // Коммуникативные исследования. 2019. № 3. С. 829–842.

18. Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 62–67.

19. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М., 2002. 807 с.

20. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. Всё создаваемое руками и умом человека (населённые места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. М., 2002. 762 с.

21. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М. : Азбуковник, 2003. 720 с.

22. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.

REFERENCES

1. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB, 2000. 704 p. (in Russian).

2. Dymarskij M. Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst (na materiale russkoj prozy XIX–XX vv.)* [Problems of text formation and artistic text (based on Russian prose of the 19th and 20th centuries)]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1999. 284 p. (in Russian).

3. Demytyev V. V. About “genres of speech and language of speech” again: What has linguistics given to genre studies? *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

4. Tarasova I. A. Genre in cognitive perspective. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>

5. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, YaSK, 2016. 440 p. (in Russian).

6. Demytyev V. V. The investigation of speech genres in Russia: An aspect of social interaction formalization. In: *Antologiya rechevykh zhanrov* [The speech Genres Anthology]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 39–61 (in Russian).

7. Demytyev V. V. What have modern genre studies given to modern linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

8. *Russkii iazyk. 9 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh organizatsii. Pod red. S. G. Barkhudarova* [Barkhudarov S. G., ed. Russian language. Grade 9: textbook for educational organizations]. 4th ed. Moscow, Prosveshchenie, 2022. 255 p. (in Russian).

9. Chernyshov S. I., Chernyshova A. V. *Poekhali!-2 Russkii iazyk dlia vzroslykh. Bazovyi kurs* [Off we go! Russian language for adults. Basic Course]. Saint Petersburg, Zlatoust, 2011. 168 p. (in Russian).

10. Miloslavskaja S. K. *Russkii iazyk kak inostrannyi v stanovlenii evropeiskogo obraza Rossii* [Russian as a foreign language in the development of the European image of Russia]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2008. 400 p. (in Russian).

11. Galumov E. A. *Mezhdunarodnyi imidzh Rossii: strategii formirovaniia* [Russia's international image: Formation strategies]. Moscow, Izvestiia, 2003. 446 p. (in Russian).

12. Shmelkova V. V. The image of Russia in the modern world and Russian as a foreign language. *Penza State University Bulletin*, 2018, № 4 (24), pp. 3–5 (in Russian).

13. Ardatova E. V. The image of Russia in modern textbooks on Russian as a foreign language. *APRIORI. Series: Humanities*. 2015, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-sovremennyh-uchebnikah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (accessed February 01, 2023) (in Russian).

14. Milekhina T. A. The Russian World in Russian Language Textbooks for international students: New Approaches and Requirements. *Proceedings and Materials of the VI International Congress of Russian language researchers “Russian Language: Historical Destinies and Modernity”* (Moscow, March 20–23, 2019). Moscow, Moscow State University Publ., 2019, pp. 437–438 (in Russian).

15. Myaksheva O. V. The dependence of using the influence methods on the goals and expected results of communication. In: *Effektivnost' kommunikatsii: poniatie, rol'*

adresanta i adresata, osnovnye priemy ee dostizheniia. Pod red. O. B. Sirotininoi, M. A. Kormilitsynoi [Sirotinina O. B., Kormilitsyna M. A., eds. Efficiency of communication: the concept, the role of the addresser and the addressee, the main methods of achieving it]. Saratov, ITs "Nauka", 2019, pp. 133–143 (in Russian).

16. Miaksheva O. V., Dzhuraeva Z., Rozymova M. The image of Russia in Russian language textbooks for international students. *Russian language and culture. Relationships and interaction: materials of the VI International Forum (Sochi, December 2–3, 2019)*. Saint Petersburg, Russian State Pedagogical University Publ., 2020, pp. 73–85 (in Russian).

17. Zaitseva O. A., Paustyayn E. V. Ethnic stereotypes about Russians in Chinese educational publications on Russian as a foreign language. *Communicative Studies*, 2019, no. 3, pp. 829–842 (in Russian).

18. Shmeleva T. V. Genre studies? Henristic? Genology? In: *Anthology of speech genres: Everyday communication*. Moscow, Labyrinth, 2007, pp. 62–67 (in Russian).

19. *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Shve-

dova N. Y., ed. Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, systematized according to classes of words and meanings. Russian academy of sciences]. Institute of the Russian language. Moscow, 2002, vol. 1. 807 p. (in Russian).

20. *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Shvedova N. Y., ed. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized according to classes of words and meanings. Russian academy of sciences]. Institute of the Russian language. Moscow, 2002, vol. 2. 762 p. (in Russian).

21. *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Shvedova N. Y., ed. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized according to classes of words and meanings. Russian academy of sciences]. Institute of the Russian language. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, vol. 3. 720 p. (in Russian).

22. Stepanov Iu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Academic Project, 2001. 990 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 252–259

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 252–259

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-252-259>, EDN: DNEUTZ

Научная статья

УДК 821.161.109-3+929Солженицын

Особенности жанра писательских мемуаров А. И. Солженицына

Г. М. Алтынбаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алтынбаева Гульнара Монеровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русской и зарубежной литературы, altynbaevagm@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Аннотация. Обосновывается утверждение, что А. И. Солженицын расширяет возможности мемуарного жанра, синтезируя приёмы разных жанров и создавая новые способы отображения Истории. Актуальность темы исследования определяется повышенным интересом в последние десятилетия к мемуарам XX в., в частности к мемуарам Солженицына, который правду истории считает приоритетом, а полноту материала и полифоничность его подачи – необходимыми требованиями. Определение природы мемуарных жанров, которые встречаются в творчестве Солженицына, выявление в них традиционных форм и новаторских, а также обоснование полижанровости как признака «новой художественности» писателя – всё это входило в задачи исследования, цель которого – представить своеобразие жанра писательских мемуаров у Солженицына. Основной проблемой солженицынских мемуаров является одновременное присутствие в тексте не только признаков традиционных мемуаров, но и черт документальных, публицистических, художественных, разговорных жанров, их пересечение и синтез. Кроме того, всё творчество Солженицына может быть интерпретировано как метамемуарный текст, в основе которого биография писателя и история России XX в., связанные неразрывно. Отдельный аспект изучения солженицынского мемуарного текста составляет анализ образа автора и диалога с читателем. В статье анализируются жанровые уровни: композиционный, проблемно-тематический, стилистический. Основными приёмами, которыми исследованы мемуарные тексты Солженицына, стали приёмы сопоставительного, имманентного, интратекстуального анализа. Результаты предлагаемого исследования могут быть использованы при изучении творческого метода А. И. Солженицына и мемуаров как *non-fiction*. Основные выводы указывают на системность и последовательность позиции Солженицына, и в мемуарных жанрах не отступающего от слова правды, от стремления к Истине.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», «Воспоминания», писательские мемуары, синтез жанров, литература

Для цитирования: Алтынбаева Г. М. Особенности жанра писательских мемуаров А. И. Солженицына // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 252–259. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-252-259>, EDN: DNEUTZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The genre features of A. I. Solzhenitsyn's memoirs

G. M. Altynbaeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gulnara M. Altynbaeva, altynbaevagm@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Abstract. The article justifies that A. I. Solzhenitsyn expands the potential of the memoir genre by synthesizing techniques of different genres and creating new ways of displaying History. The growing interest in the memoirs

of the 20th century, in particular in Solzhenitsyn's memoirs, in recent decades makes the research topical. Solzhenitsyn considers the truth of history as a priority, and the completeness of the material and polyphony of its presentation as necessary requirements. The research aims at presenting the originality of Solzhenitsyn's memoirs. The objectives of the research include determining the nature of the memoir genres in Solzhenitsyn's works, identifying traditional and innovative forms in them, as well as substantiating polygenre as a sign of the writer's "new oeuvre". Simultaneous presence of not only the signs of traditional memoirs, but also documentary features, journalistic, fictional, speech genres, their overlapping and synthesis in the text is the main problem of Solzhenitsyn's memoirs. In addition, Solzhenitsyn's heritage can be interpreted as a meta-memoir text, based on inextricably linked writer's biography and Russian history of the 20th century. A separate aspect of Solzhenitsyn's memoir lies in the analysis of the author's image and the dialogue with the reader. All genre levels – compositional, problem-thematic, stylistic – are involved in the research. Solzhenitsyn's memoirs were studied by the methods of comparative, immanent, intratextual analysis. The results of the research can be used to study A. I. Solzhenitsyn's creative method and the memoirs as non-fiction. The major conclusions point to the consistency of Solzhenitsyn's position, who does not move away from the word of truth, from the desire for Truth even in memoir genres.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, "The Oak and the Calf", "Between Two Millstones", "Memoirs", writer's memoirs, synthesis of genres, literature and document

For citation: Altynbaeva G. M. The genre features of A. I. Solzhenitsyn's memoirs. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 252–259 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-252-259>, EDN: DNEUTZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В работе М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» мы обратили внимание на размышления о сложном взаимодействии первичных и вторичных речевых жанров «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения» [1: 161], о неизбежном влиянии вторичных (сложных) речевых жанров на первичные (простые): «Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [1: 161]. Анализ мемуарных книг А. И. Солженицына [2–7], которые в равной степени содержат черты и первичных, и вторичных жанров, показал [8–10], что эти наблюдения Бахтина применительно к мемуарным текстам XX – XXI вв. могут быть конкретизированы. С точки зрения жанровой природы мемуарные тексты Солженицына не вписываются в строгие рамки воспоминаний. Связано это не только с материалом (воспоминания о личной жизни, о жизни семьи, о жизни писателя-подпольщика в СССР и писателя-изгнанника на Западе и после возвращения на родину, о прошлом и настоящем России и мира), но и с самой личностью Солженицына (его жизнь и деятельность, художественный метод писателя, особое сближение его этической и эстетической позиций, его «мировое зрение»).

Основная часть

1. Синтез жанров

А. И. Солженицын назвал литературные мемуары «вторичной литературой» и поставил их «значительно ниже литературы первичной» [2: 5]. Свою задачу он видел в следующем: «Я всё это пишу для общей истины, а не о себе вовсе» [2: 55]. Писать «для общей истины» станет одним из метапоэтических принципов Солженицына.

Три свои мемуарные книги: «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» и «Иное время – иное бремя» – А. И. Солженицын назвал «очерками»: «очерками литературной жизни», «очерками изгнания» и «очерками возвратных лет». Но «очерки» эти обладают не только чертами мемуаров. Солженицын соединил в этих книгах приёмы и стиль художественных, документальных, публицистических, литературно-критических, разговорных жанров, жанра «в лаборатории писателя» и др. Синтез жанров – один из метапоэтических принципов Солженицына. Примечательно, что ни один текст Солженицына, строго говоря, не укладывается в рамки какого-то одного жанра, так как всегда «материал диктовал» писателю (в этом он признавался в интервью и в «Дневнике Р-17») выбор форм (документальных и художественных) и способов их подачи. Солженицын, через все тексты идя к своему главному труду – «Красному Колесу», неизменно следовал своему творческому принципу «комбинирования жанров» прежде

всего ради адекватного читательского восприятия.

В 2018 г. стало известно, что летом 1985 г. Солженицын написал «Воспоминания», которые сейчас по большей части уже доступны читателю [5–7]. Они охватывают биографию писателя за 1918–1957 гг. «Воспоминания» Солженицына, как и его мемуарные книги, не ограничены только последовательным изложением жизни и деятельности писателя. Это тоже полижанровая форма. Во-первых, они хронологически встраиваются в мемуарные книги, так как, по словам самого Солженицына, писались с целью «рассказать о своей жизни – в той части, где она не перекрывается с “Телёнком”» [5: 5], во-вторых, и этот труд создавался «для общей истины».

Примечательно, что в ходе воспоминаний Солженицын не раз задумывается и о самом жанре мемуаров. Показательно в этой связи его признание, сделанное на страницах «Телёнка» весной 1967 г.: «Вот, оказывается, какое липучее это тесто – мемуары: пока ножки не съёжишь – и не кончишь. *Ведь всё время новые события – и нужны дополнения.* И сам себя проклиная за скучную *обстоятельность*, трачу время читателя и своё. Ни с чем не могу сравнить этого состояния – облегчения от высказанного. Ведь надо почти столетия гнуть, гнуть, гнуть, молчать, молчать, молчать, – и вот распрямиться, *рявкнуть* – да не с крыши, не на площадь, а на *целый мир*, – чтобы почувствовать, как вся успокоенная и стройная вселенная возвращается в твою грудь. И уже ни сомнений, ни метаний, ни раскаяния, – чистый свет радости! *Так надо было!* так давно было надо! И до того *осветилось всё восприятие мира*, что даже благодущие заливают, хотя ничего не достигнуто (курсив мой. – Г. А.)» [2: 175].

В основе системы соединения форм у Солженицына, по нашему наблюдению, лежат его основные творческие принципы: во-первых, что с чем соединить и как – зависит от материала, над которым писатель работает; во-вторых, синтез традиционных и при необходимости создание новых форм – во имя идеи, но не «во имя пустоты»; в-третьих, в основе синтезирования всегда задача автора – наиболее рельефно подать фактический материал ради полноценного читательского восприятия.

Кроме того, необходимо сказать об очень важной особенности синтезирования жанров у Солженицына. По убеждению писателя, «граница между жанрами должна быть чёткая. Неопределённость их – это уже доля современного вавилонского смешения искусств» [11: 27], т. е. должно быть не только органичное соединение разных форм, но чёткое представление о каждой, так как именно это позволяет

наиболее точно и неприметно на первый взгляд, а в то же время на пользу материалу сводить жанры.

Мемуарные книги Солженицына соответствуют мемуарному жанру, в них представлены хронологически выстроенные записи о реальных событиях, связанных с жизнью и деятельностью писателя. Все мемуары, а также фрагменты художественных текстов, интервью, дневника дают читателю Солженицына возможность составить подробную биографию писателя и историю России 1918–2008 гг.

Полифоничность мемуарам придают публицистические жанры (интервью, речи), письма, включённые в Приложение, попутные примечания и комментарии, а также литературно-критические очерки и кинокритические. Динамичность повествования организуется через элементы разговорных жанров (беседа, спор, диспут), острота поднимаемых вопросов и проблем создаётся благодаря приёмам иронии, самоиронии и сатиры, а также через метафоры и сравнения. Так проявляется Солженицын – сторонник «живого дыхания речи». И, конечно, когда автор мемуаров – писатель, ожидаемы размышления о своем творчестве, о писательском труде, составляющие жанр «в творческой лаборатории». Все эти жанры органично соединяются и пересекаются в мемуарных книгах Солженицына не только на уровне композиции и сюжета: при объединении жанров писателем берётся в расчёт и стиль повествования, передачи материала, и ритм привлекаемых жанров. Выбор и способ включения разных жанров в состав мемуаров определялся материалом, как и всегда в творческом процессе Солженицына.

Читая мемуарные книги Солженицына, мы видим, что, несмотря на доминирование жанра мемуаров, другие жанры в равной степени с ним выполняют задачу составить полноценное представление о реальных событиях, сохраняя и свои родо-видовые признаки, и свободу передать события по своим жанровым законам.

2. Метатекст воспоминаний

С одной стороны, в мемуарных книгах «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» Солженицын представил хронологически выстроенные заметки об общественно-литературной жизни, в которой он участвовал в СССР и на Западе, записи различных бесед, заседаний, встреч, выдержки из писем, обращений, статей и т. п. Очерки включают и образы эпохи, зафиксирована обстановка жизни и творчества писателя (в первой книге – в Советском Союзе, во второй книге – на Западе). В книге «Иное

время – иное бремя», которая пока лишь фрагментарно доступна читателю, представлены воспоминания Солженицына о 1994–1999 гг., когда после возвращения в Россию он много путешествовал по стране, общался с людьми, ощущая «взаимную близость с народной массой», выступал в СМИ и перед политиками. С другой стороны, среди всех этих хронологически выстроенных заметок о литературной и общественно-политической жизни, в которой принимал участие Солженицын, присутствуют и подробные заметки об истории русских городов и жизни русских людей прошлого, и конкретные высказывания писателя о художественном творчестве. Для читателя открываются моменты творческого процесса писателя, выявляется его точка зрения на необходимые составляющие художественного произведения (формальные и содержательные) и писательского труда (очевидные и желаемые).

«Воспоминания» передают не только жизненный путь Солженицына, но и его формирование как художника: круг чтения, повлиявший на взросление, «страсть к театру», увлечение музыкой, любознательность, наблюдательность, толчки в «патриотическом направлении», путь к вере, «сильные удары чувств» от открывающейся правды истории, но и, спустя годы, неудачи – «запущенная моя беда» (например, «ненаправленность чтения»).

Ценны для читателя Солженицына его признания: «почему-то, откуда-то, никем не сказанное, не навеянное, ничем не обоснованное, во мне к девяти годам взросло ясное убеждение, что я должен стать писателем и буду им. <...> Сказать что-нибудь важное людям? Но у меня ничего такого не было в душе. Однако сознание возникло – и мне остаётся это удивительным» [5: 29]; «ни по какой чёрточке, ни по какой искорке нельзя предсказать, что из этого юноши может выйти писатель. Кроме необъяснимой уверенности и напора – ничего. Ничто из моего происхождения, ничто коренное и особенное моей непротяжённой жизни – не вступает в то, что я пишу. Пожалуй, моё только вот противопоставление Любви и Долга» [6: 34]; «Как ни много занятий, но по вечерам меняется настроение, расступается душа – хочется наконец писать. И я беру чистую тетрадку, зажимаю глаза, дышу, воображаю – ухожу подальше ото всей известной мне жизни, написать надо ведь что-то необыкновенное!» [6: 44]. Если в воспоминаниях о детстве, школе фиксируются только первые попытки Солженицына писать («шутейное писательство», «литературное копошение», «писательская жажда», «писательское увле-

чение», «дешёвая стандартная литературщина»), то в главе «Юность» перед нами он – автор, параллельно с учёбой в Ростовском университете, уже активно пишущий, точно знающий будущую писательскую цель, подготовленную «неостывающей страстью к политике», – «написать большую историческую эпопею о российской революции» [7: 7].

Мемуарные книги Солженицына дополняются фрагментами его воспоминаний о своей жизни, приводимых в интервью и в «Дневнике Р-17». Оттуда мы узнаём детали и эпизоды, о которых не сказано в больших мемуарах. Солженицын признавался, что ничего не забыл, просто «понесло течением» (см., например интервью Жоржу Сюферу для журнала «Ле Пуэн» в декабре 1975 г.).

«Воспоминания» являются и источником прототипических черт героев Солженицына. В ходе воспоминаний или в примечаниях Н. Д. Солженицыной порой указывается, биография какого героя произведения вобрала историю реального человека или взята из жизни самого писателя, как и некоторые реальные сюжеты из жизни переходили на страницы прозы и т. п.

Исследователи творчества Солженицына признают наличие мемуарного нарратива в «Архипелаге ГУЛаг», в прозе, «Дневнике Р-17». При прочтении всего корпуса текстов Солженицына становится очевидным, что всё это в совокупности единый метатекст воспоминаний Солженицына: заявленная в «Одном дне Ивана Денисовича» позиция правды повествования, закреплённая публицистическим словом «Жить не по лжи», в полной мере воплощается в автобиографических и автопсихологических героях, в сюжетных пересечениях фрагментов биографии Солженицына и сюжетов его произведений, которые легко хронологически выстроить, чтобы дать возможность читателю дополнить деталями жизнь писателя через жизнь его героев: юность – начало «Люби революцию», военная биография Солженицына – «Желябугские Выселки», «Адлиг Швенкиттен», лагерно-тюремный этап жизни – «Дороженька», «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», болезнь Солженицына – «Правая кисть», «Раковый корпус», возвращение из ссылки – «Матрёнин двор». В то же время повторение прямых публицистических высказываний Солженицына внимательный читатель может услышать и в речах его героев. И сам писатель признавался, что его биография – в его книгах: «Я столько лучшего и главного отдал в произведения, что цельной биографии у меня принципиально не может быть» [5: 5].

Внешние и внутренние трудности мемуариста Солженицын усматривает и у своих

героев. Маршал Г. К. Жуков – не близкий ему герой, но рефлексия мемуариста сближает героя и автора. В двучастном рассказе «На краях» сюжет строится на несобственно-прямой речи героя – Жукова-мемуариста, представляющей собой одновременно и воспоминания генерала, которые он записывает в мемуарах, и его тревоги, сомнения, попутные размышления о жизни и истории и о том, как правильно это всё описать: «Считается, что с семидесяти лет вполне уместно и прилично писать мемуары. А вот досталось: начал и на семь лет раньше. В тишине, в ненужности – чем и заняться? Год за годом вынужденный и томительный досуг» [12: 306]. И сам Солженицын приступает к «Воспоминаниям» в 66 лет.

«А даже, по ряду соображений, и нельзя не написать. Для истории – пусть будет. <...> А потому торопятся, что хотят пригрести славу к себе. А неудачи свалить на других. Нечестно. Но – и работища же какая невыполочная! От одного перебора воспоминаний разомлеешь. Какие промахи допустил – береждут сердце и теперь. Но – и чем гордишься. Да ещё надо хорошо взвесить: о чём вообще *не надо* вспоминать. А о чём можно-то в каких выражениях. Можно такое написать, что и дальше погоришь, потеряешь и последний покой» [12: 307]; «И – никак не пришла б ему в голову такая пустячная забава, как писать *Воспоминания*» [12: 327]. По стилистике повествование очень напоминает и солженицынского «Телёнка» и «Зёрнышко»: непрерывно длящиеся воспоминания, попутные размышления, уточнения в скобках, порой внутренний спор с собой или со своими «оппонентами» и даже корректировки событий прошлого с позиции опыта настоящего. В мысли-сомнения героя автор добавляет объяснение «главной трудности мемуаров»: «(Хоть вообще брось их писать? ..) <...> И – как теперь написать об этом честно и достойно?» [12: 310], «как?? вот как – об этом всё можно писать? И – вообще можно ли?» [12: 315]. Солженицын и его герой-мемуарист убеждены, что при написании мемуаров, особенно об истории, «надо ответственность свою понимать» [12: 330]. Об ответственности как одной из принципиальных задач, которые искусство и действительность в XX в. ставили перед художником, Солженицын заявлял в «Нобелевской лекции»: «ответственность за всё написанное, нарисованное, за воспринимающие души» [13: 18]. Ещё одно правило, которому следовал Солженицын и которым наделил своего героя, – «писать надо – истинную правду» [12: 330]. Но герой, в отличие от его автора, не смог жить не по лжи, потому что «это будет и политически неправильно» [12: 332]. Герой

Жуков хотел писать «просто сам для себя, тихо, покойно», но потом редакторам «уступал и переделывал», чтобы напечатали. Интересно размышление Солженицына о жанре мемуаров: «Труд воспоминания так, оказывается, велик и утомляет, что перу остаётся меньше художественной и языковой свободы, чем при романе. Не ожидал. Пишу – просто как дышится, безо всяких приёмов... почти не как литературное произведение, да и не для печати» [5: 5].

Солженицын решается начать писать мемуары, как и его герой Жуков, потому что клеветы и неправды о его жизни слишком много («многие, многие маршалы и генералы кинулись писать свои мемуары и издавать их. И Жуков поражался их взаимной ревности, как они выставляли себя и старались отобрать честь от соседей, а свои неудачи и промахи – валить на них же. <...> И уж на Жукова, зная, что он беззащитен, кто только не нарекал» [12: 329]). Неоднократно в «Зёрнышке» Солженицын поднимает тему клеветы в свой адрес («Клевета что уголь – не обожжёт, так замарает») и приходит к необходимости «описывать охватно всю жизнь»: «А на мою жизнь уже столько наклеветано, и в крупном и в мелком, что приходится и в этом всё копощении здесь разбираться – хотя бы только для моих сыновей да будущих внуков» [3: 593].

Не будучи как писатель сторонником мемуарных повествований, Солженицын-читатель любил мемуары. Он – основатель книжной серии «Всероссийская мемуарная библиотека», открывая которую сказал: «Самые “простые” жизни в наше время прикоснулись к чему-то неповторимому, несут в себе важный осколок истории, иногда только этот один человек; но не *записав пережитого*, не *сообщив однокланцам* – унесут в беспомысленность. Однако большая часть таких воспоминаний обычно не пишется – из неверия в свои силы, из неясности цели (курсив мой. – Г. А.)» [14: 471].

В критическом отзыве о мемуарах Эренбурга и Паустовского Солженицын упрекал их, «писателей, видевших большую мрачную эпоху» [2: 16], в нежелании «сказать нам ничего главного», «чтоб мы дольше не видели истины». За резкой оценкой выявляются и условия, при которых Солженицын сам берётся за мемуары: личный жизненный опыт и желание сказать современникам главную правду, несмотря ни на какие препятствия. И ещё: в публицистике Солженицын называет два свойства, определяющие ценность мемуаров. Это плотность мемуарного материала и общий к нему интерес. В обращении к первым русским эмигрантам Солженицын замечает, что для воссоздания истории важны

личные воспоминания и личный опыт каждого человека [15].

Ценность мемуарных книг Солженицына очевидна и для изучающего биографию и творчество писателя, и для того, кто знакомится с историей, культурой и повседневной жизнью эпохи Солженицына и времени событий в его книгах. Юрий Кублановский сказал, что «яркое свойство солженицынских мемуаров – предельная концентрация повествования, чрезвычайно высокий удельный вес каждого предложения и пассажа, умение одним штрихом точно запечатлеть человека, в относительно небольшие объёмы – вместить и публицистику, и полемику, и пейзаж, и лирику, и откровенную исповедь. Писательская речь работает “на сжатие”, читательскому сознанию лениться тут не приходится. Солженицын вводит нас в самую “лабораторию”, где формируется его миропонимание» [16: 91].

На уровне проблематики ещё более ожидаемо, что все «мемуарные» тексты Солженицына составят единый метатекст, одно речевое высказывание, исходящее из платоновского триединства и устремлённое, во-первых, нести слово правды истории, биографии, во-вторых, побуждать к искренности, открытости, прямоте в противовес «игре на струнах пустоты», в-третьих, полагаться на искусство, «мировое зрение» писателя, способное различить добро и зло, правду и ложь, настоящее и подделку. Рефреном звучит через всё творчество Солженицына убеждённая публиковать слово правды, чтобы не выглаживалась память, чтобы «горе наше не ушло вместе с нами бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее» [14: 473].

3. Роль автора и место читателя в мемуарном дискурсе

Солженицын называл воспоминания «сгустком народной памяти и опыта», «материалом из жизни нашего народа в XX веке», утверждал, что «воспоминания могут быть отрывочны; могут включать, и это ценно, собственные взгляды, выводы, объяснения авторов» [13: 472].

Ю. Кублановский, давая характеристику Солженицыну-мемуаристу, сказал, что это «человек, совмещающий сердечный порыв и стратегические задачи, непосредственность и алмазную твёрдость характера, неутомимую жажду уединения и темперамент бескорыстного публициста. Солженицыным движет исконное русское правдолюбие» [15: 93].

Мемуарные книги Солженицына полифоничны не только благодаря их полижанровости. Многоголосие выстраивается с помо-

щью авторских комментариев, сопровождающих основной текст, а также помещённых в скобки [9], в примечания, с помощью риторических приёмов и графических средств. Причина функционального разнообразия авторских высказываний объясняется желанием Солженицына – донести рельефный материал до читателя.

Обязательный учёт читательского внимания, на наш взгляд, является ещё одним важнейшим аргументом в пользу исключительности мемуарных жанров в творчестве Солженицына. Классический жанр мемуаров предполагает только «горизонтальное» восприятие истории, автор мемуаров предлагает читателю в завершённом, одностороннем изложении свое видение событий. В случае Солженицына такая модель неприемлема. Во-первых, особая солженицынская полифоничность предполагает разные точки зрения на события. Во-вторых, отношения с читателем, о которых Солженицын неоднократно говорил в интервью, писал в мемуарных очерках и в «Дневнике Р-17», выстраивают диалог с собеседником-соотечественником. Так в мемуарном дискурсе Солженицына, помимо «горизонтальной», создается «вертикальная» модель взаимодействия: не только прочитать, но и включиться в диалог, принять уроки истории.

Выводы

Каждый жанр, в том числе и мемуарный, при всех его возможностях, ограничен пределами его потенциала. Солженицын, преследуя цель донести до читателя материал во всей его полноте и так привлечь собеседника-читателя к диалогу, нашёл наиболее продуктивный способ – идти не за жанром, а за материалом. Но опасности, о которых предупреждал М. М. Бахтин при восприятии речевых жанров, Солженицын избежал, его мемуарные жанры сохранили «непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям». Он, как мы видим, имел «отчётливое представление о природе высказывания вообще и об особенностях различных типов высказываний (первичных и вторичных), то есть различных речевых жанров» [1: 162], и о природе высказывания и особенностях жанровых разновидностей речи. Хорошо понимая возможности первичных и вторичных речевых жанров и не стремясь специально создавать новые мемуарные жанры, писатель, с одной стороны, использовал весь их «мемуарный» диапазон, с другой стороны, выделил важнейшие узлы жанровых пересечений и так синтезировал жанры, показав, на что ещё способны мемуары, когда их цель – рас-

сказать не личную историю, а Большую Историю – историю русской революции, историю ГУЛага, историю России. М. М. Бахтин писал: «Самое взаимоотношение первичных и вторичных жанров и процесс исторического формирования последних проливают свет на природу высказывания (и прежде всего на сложную проблему взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения)» [1: 162]. А. И. Солженицын, благодаря дару «мирового зрения», в мемуарных жанрах говорил

о судьбе не только России, но всего XX века, и прогнозировал пути развития человечества и неизбежные катастрофы XXI века.

Слова М. М. Бахтина о том, что в каждую эпоху развития литературного языка тон задают определенные речевые жанры, подтверждаются и взаимодействием А. И. Солженицына с мемуарным жанром, подчиненностью этого жанра «воздуху времени» и его способностью в полной мере это время передать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 1997. С. 159–206.
2. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 28 : Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни. М. : Время, 2018. 768 с.
3. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 29: Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: очерки изгнания. М. : Время, 2021. 880 с.
4. Солженицын А. Иное время – иное бремя: очерки возвратных лет (1994–1999) <отрывки> // Труд. 2003. 4 декабря (№ 226). С. 10; Литературная газета. 2006. 21–27 июня (№ 24 (6074)). С. 1, 8; 28 июня – 4 июля (№ 25–26 (6075)). С. 8.
5. Солженицын А. Из наследия. Воспоминания. Детство / публ., подг. текста и прим. Н. Д. Солженицыной // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 6 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А. С. Немзер]. М. : Русский путь, 2018. С. 5–34.
6. Солженицын А. Из наследия. Воспоминания. Школа / публ., подг. текста и прим. Н. Д. Солженицыной // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 7 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А. С. Немзер]. М. : Русский путь, 2019. С. 5–48.
7. Солженицын А. Из наследия. Воспоминания. Юность / публ., подг. текста и прим. Н. Д. Солженицыной // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 8 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А. С. Немзер]. М. : Русский путь, 2021. С. 5–48.
8. Алтынбаева Г. М. Книги А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» как новый тип современной отечественной мемуаристики // Poetica: инновационные идеи молодых учёных-филологов: межвуз. сб. науч. тр. Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во, 2007. 288 с. С. 214–221.
9. Алтынбаева Г. М. Комментарий в скобках как способ проявления авторской личности в «очерках литературной жизни» «Бодался телёнок с дубом» А. И. Солженицына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 81–84. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-81-84>
10. Алтынбаева Г. М. Эстетика А. И. Солженицына: теоретическая рефлексия и художественная практика: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2022. 412 с.

11. Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 9–28.
12. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М. : Время, 2006. 672 с.
13. Солженицын А. И. Нобелевская лекция // Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 512 с. С. 17–33.
14. Солженицын А. И. Всероссийская мемуарная библиотека. Обращение к российским эмигрантам (сентябрь 1977) // Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 471–473.
15. Солженицын А. И. Обращение к русским эмигрантам, старшим революции (декабрь 1975) // Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 315–317.
16. Кублановский Ю. Солженицын в изгнании // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 90–93.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. Bakhtin M. M. *Collected works : in 7 vols. Vol. 5: Works of the 1940s-early 1960s*. Moscow, Russian dictionaries, Languages of Slavic culture, 1997, pp. 159–206 (in Russian).
2. Solzhenitsyn A. I. *Collected works : in 30 volumes. Vol. 28: The Oak and the Calf*. Moscow, Vremya, 2018. 768 p. (in Russian).
3. Solzhenitsyn A. I. *Collected works : in 30 volumes. Vol. 29: Between two Millstones*. Moscow, Vremya, 2021. 880 p. (in Russian).
4. Solzhenitsyn A. Another Time, Another Burden: Essays on Returning Years (1994–1999) <excerpts>. *Trud*, 2003, December 4 (No. 226), pp. 10; *Literaturnaya gazeta*. 2006, June 21–27 (No. 24 (6074)), pp. 1, 8; June 28 – July 4 (No. 25–26 (6075)), pp. 8 (in Russian).
5. Solzhenitsyn A. From heritage. Memories. Childhood. The text and notes prepared and published by N. D. Solzhenitsyna. *Solzhenitsyn's notebooks: The Materials and the researches: (almanac)*. Vol. 6. Moscow, Russian way, 2018, pp. 5–34 (in Russian).
6. Solzhenitsyn A. From heritage. Memories. School. The text and notes prepared and published by N. D. Solzhenitsyn. *Solzhenitsyn's notebooks: The Materials and*

the researches: (almanac). Vol. 7. Moscow, Russian way, 2019, pp. 5–48 (in Russian).

7. Solzhenitsyn A. From heritage. Memories. Youth. The text and notes prepared and published by N. D. Solzhenitsyna. *Solzhenitsyn's notebooks: The Materials and the researches: (almanac)*. Vol. 8. Moscow, Russian way, 2021. pp. 5–48 (in Russian).

8. Altynbaeva G. M. Books by A. I. Solzhenitsyn “The Oak and the Calf” and “Between Two Millstones” as a new type of modern Russian memoirs. In: *Poetica: Innovative ideas of young philologists: Interuniversity proceedings*. Stavropol, Stavropol Books Publishing House, 2007, pp. 214–221 (in Russian).

9. Altynbaeva G. M. A Commentary in Parentheses as a Means of Manifesting the Author's Personality in the Memoir Book by A. I. Solzhenitsyn The Oak and the Calf. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 81–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-81-84>

10. Altynbaeva G. M. A. I. Solzhenitsyn's Aesthetics: theoretical reflection and artistic practice. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 2022. 412 p. (in Russian).

11. Solzhenitsyn A. Three excerpts from the “Diary R-17”. In: *Struve N. A., Moskvina V. A., comp. Between two anniversaries (1998–2003): Writers, critics and liter-*

ary critics about the work of A. I. Solzhenitsyn: almanac. Moscow, Russian way, 2005, pp. 9–28 (in Russian).

12. Solzhenitsyn A. I. *Collected works : in 30 volumes. Vol. 1: Stories and Krokhotki*. Moscow, Vremya, 2006. 672 p. (in Russian).

13. Solzhenitsyn A. I. Nobel lecture. *Solzhenitsyn A. I. Collected works : in 9 volumes. Vol. 7: In The Soviet Union. 1967–1974; In The West. 1974–1989*. Moscow, Terra-Knizhnyi klub, 2001, pp. 17–33 (in Russian).

14. Solzhenitsyn A. I. All-Russian memoir library. Appeal to Russian emigrants (September 1977). *Solzhenitsyn A. I. Publicism : in 3 volumes. Vol. 2: Public statements, letters, interviews*. Yaroslavl, Upper-Volga Book Publishing House, 1996, pp. 471–473 (in Russian).

15. Solzhenitsyn A. I. Appeal to Russian emigrants, elders of the revolution (December 1975). *Solzhenitsyn A. I. Publicism : in 3 volumes. Vol. 2: Public statements, letters, interviews*. Yaroslavl, Upper-Volga Book Publishing House, 1996, pp. 315–317 (in Russian).

16. Kublanovskiy Yu. Solzhenitsyn in exile. In: *Struve N. A., Moskvina V. A., comp. Between two anniversaries (1998–2003): Writers, critics and literary critics about the work of A. I. Solzhenitsyn: almanac*. Moscow, Russian way, 2005, pp. 90–93 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 12.09.2022
The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 12.09.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 260–266

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 260–266

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-260-266>, EDN: EETWXR

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929

Субжанр «обращение» в речи героев-интеллигентов (на материале советской драматургии 1950–1980-х годов)

Е. И. Рогожина[✉], А. Н. Байкулова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рогожина Елена Игоревна, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, r.elena.igorevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1291-979X>

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Аннотация. В статье рассматривается функционирование субжанра «обращение» в речевом поведении представителей советской интеллигенции. В качестве материала было использовано 9 драматургических текстов отечественных авторов: В. Азерникова, С. Алешина, А. Арбузова, Л. Зорина, С. Михалкова, М. Рощина. Для анализа выбирались диалоги, в которых принимают участие герои-интеллигенты. К критериям определения принадлежности персонажа к группе интеллигенции относится род деятельности, о котором сообщается в списке действующих лиц, ремарках, самопрезентации или репликах других героев, качественная характеристика героя, конструируемая из реплик персонажей и авторских ремарок, собственно речевой портрет героя (лексическое, стилистическое, коммуникативное содержание), а также действие пьесы, из которого можно судить о поступках, моральных качествах и воспитании персонажа. В связи с тем что речь представителей разных поколений, как правило, имеет существенные различия, все выбранные персонажи были распределены на три поколенческие группы.

В результате анализа было выявлено, что субжанр «обращение» – полифункциональная коммуникативная единица, которая является одним из компонентов жанров «приветствие», «прощание» «поздравление», «благодарность», «извинение», «комплимент», «утешение», «упрек», «спор», «признание в любви». В речи героев-интеллигентов активно используются обращения с притяжательными местоимениями, мелиоративными прилагательными, метафорами и прецедентными именами.

Ключевые слова: обращение, субжанр, речевой жанр, речевой портрет, речевое поведение, советская интеллигенция, драматургический диалог, советская драматургия.

Для цитирования: Рогожина Е. И., Байкулова А. Н. Субжанр «обращение» в речи героев-интеллигентов (на материале советской драматургии 1950–1980-х годов) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 260–266. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-260-266>, EDN: EETWXR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The subgenre “address” in the speech of the Soviet intelligentsia (based on the Soviet dramatic texts of 1950–1980-s)

E. I. Rogozhina[✉], A. N. Baikulova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena I. Rogozhina, r.elena.igorevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1291-979X>

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Abstract. The present article deals with the subgenre ‘address’ in the speech behavior of members of the Soviet intelligentsia. The research is based on 9 Soviet plays of V. Azernikov, S. Aleshin, A. Arbuzov, L. Zorin, S. Mikhalkov, M. Roshchin. The character’s education, profession, the author’s description, the actual

speech portrait of the character (lexical, stylistic, communicative content), moral qualities of the character were important criteria for definition of a member of intelligentsia. All the selected characters were divided into three generational groups.

The analysis showed that the subgenre “address” is a polyfunctional communicative unit, one of the components of the genres “greeting”, “farewell”, “congratulation”, “gratitude”, “apology”, “compliment”, “consolation”, “reproach”, “argument”, “declaration of love”. Addresses with possessive pronouns, ameliorative adjectives, metaphors and precedent names are actively used in the speech of members of the intelligentsia.

Keywords: address, subgenre, speech genre, speech behavior, speech portrait, Soviet intelligentsia, dramatic dialogue, Soviet dramaturgy

For citation: Rogozhina E. I., Baikulova A. N. The subgenre “address” in the speech of the Soviet intelligentsia (abased on the Soviet dramatic texts of 1950–1980-s). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 260–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-260-266>, EDN: EETWXR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Обращение как лингвистический феномен часто становится предметом научных дискуссий и может быть рассмотрено в разных аспектах: 1) как особая функция единицы языка, связанная с коммуникативным понятием направленности текста адресату; 2) как слово (сочетание слов), выполняющее функцию привлечения внимания, установления и поддержания контакта между коммуникантами; а также 3) как коммуникативная единица.

Характеризуя обращение как единицу коммуникации, исследователи используют термины речевой жанр [1–3], субжанр [4, 5], речевой акт [6] и отмечают предикативность, интонационную самостоятельность обращения, возможность вхождения в более сложные коммуникативные единицы (императивные и этикетные речевые жанры). К. Ф. Седов предлагает понимать под субжанром жанровую форму, представляющую собой «одноактные высказывания, которые состоят из одного сверхфразового единства», «способны входить в собственно жанры на правах тактик» за счет мимикрии [7: 303]. Опираясь на исследование К. Ф. Седова, мы будем рассматривать обращение как субжанр (т. е. внутрижанровую тактику в составе речевого жанра).

В научной литературе термины «обращение», «апеллятив», «адресатив» и «вокатив» входят в синонимический ряд и в отдельных случаях могут быть взаимозаменяемы. По мнению В. И. Карасика, для обозначения такого явления, как обращение, наиболее соответствующим термином является «вокатив» (т. е. форма звательного падежа), в то время как «апеллятив» и «адресатив» относятся к более широким понятиям и могут описывать значительно большее количество языковых явлений [8: 194]. «В узком смысле апеллятив относится к знакам привлечения внимания, отличным от обращения» [8: 195]. Вокативы классифицируют как неинформативные речевые акты, к числу которых причисляют

формулы речевого этикета (регламентативы), акты фатической коммуникации и эмоционально-экспрессивные речевые акты.

В. Е. Гольдин, описывая семантику обращений, подразделяет их на две группы [9: 33]: 1) адресующие обращения, которые идентифицируют и характеризуют номинации для выделения адресата речи; 2) обращения-регулятивы, выражающие «представления субъектов речи о распределении социальных ролей в конкретных ситуациях общения и побуждающие адресатов к общению в определенной тональности» [9: 93], среди которых выделяют регулятивы-именования и регулятивы-самоименования [9: 15].

Т. В. Нестерова считает обращения прагматическими регулятивами и выделяет следующие типы обращений: вокативы, вокативы-экспрессивы, экспрессивы и обращения «прагматические скрепы» [10: 14, 20]. Автор отмечает, что основную (вокативную) функцию обращения-антропонимы реализуют только в инициативных репликах, в ответных же репликах обращения-антропонимы наделяются коннотациями высказывания или, употребляясь в изолированном виде, подвергаются транспозиции, содержание которой может быть «выражение просьбы, приказа, угрозы, радости, огорчения, обиды, удивления, упрека и т. д.» [10: 18].

Сформированные в лингвистике типологии обращений тесно связаны с функциями, которые обращения могут выполнять.

Анализируя специфику этикетных обращений на материале словарей русского языка, А. А. Балакай приходит к выводу, что основными для обращения функциями являются номинативная и коммуникативная; коммуникативная функция, в свою очередь, включает в себя апеллятивную (называния и призывания адресата), фатическую (контактоустанавливающую), конативную (ориентации на адресата), этическую (функцию вежливости), регулятивную (субординации) и др. [11: 7].

Ряд исследований функционирования обращений был выполнен на материале текстов художественной литературы [2, 12–15] и позволяет оценивать коммуникацию, которую выстраивает автор между персонажами, характеризуя не только отношение говорящего к адресату, но и сообщая читателю определенные сведения о самом говорящем, его образовании, воспитании, положении в обществе.

Таким образом, субжанр «обращение» обладает полифункциональностью и является значимой единицей для анализа отдельного жанра или модели речевого поведения.

Несмотря на то что феномен обращения был исследован в диахроническом аспекте и на материале разных источников, на наш взгляд, функционирование обращения в речи отдельных социальных групп представлено недостаточно. Для исследования нами были отобраны диалоги, в которых участвуют герои из интеллигентской среды, преимущественно профессионально занимающиеся умственным и творческим трудом. Материалом послужили отечественные драматургические тексты с середины 50-х до середины 80-х гг. XX в.: «Отпуск за свой счет» [16] В. Азерникова, «Все остается людям» [17], «Лестница» [18] С. Алешина, «Воспоминание» [19] А. Арбузова, «Добряки» [20], «Покровские ворота» [21], «Театральная фантазия» [22] Л. Зорина, «Дикари» [23] С. Михалкова, «Валентин и Валентина» [24] М. Рощина¹. Во всех этих пьесах описывается жизнь советской интеллигенции: их герои – ученые, преподаватели, архитекторы, артисты и писатели. Анализируемые персонажи были распределены на три поколенческие группы: 1) молодое поколение (до 35 лет); 2) среднее поколение (от 35 лет); 3) старшее поколение (женщины от 55 лет, мужчины от 60 лет – годы наступления пенсионного возраста в СССР). Материал содержит примеры коммуникативных ситуаций разного рода социального взаимодействия: герои состоят в дружеских, родственных, соседских, романтических или служебных отношениях. В результате нами было выделено более 800 речевых фрагментов, реализующих субжанр «обращение».

Несомненно, значительную часть в нашем материале составляют антропонимы-обращения, что обусловлено, во-первых, частотностью употребления имен собственных в реальной коммуникации и стремлением авторов передать эту особенность в пьесах, а во-вторых, спецификой драматургического диалога: регулярное использование имен персонажей в роли обращения позволяет драматургу скон-

струировать коммуникацию, конкретизировать направленность реплик и выделить собеседников.

В рассмотренных пьесах антропонимы-обращения представлены несколькими вариантами: обращением по имени-отчеству; обращением по официальной (полной) форме имени; обращением по гипокористическому имени (т. е. по уменьшительно-ласкательной или фамильярной форме личного имени) [25: 8]; обращением по фамилии; обращением по прозвищу; обращением по профессии, должности, роду деятельности; обращением по терминам родства; обращением «по традиционным формам адресации к мужчине или женщине» [15: 122] (включая архаичные формы); обращением с эпитетами-прилагательными; обращением-метафорой. Долевое распределение типов обращений представлено в диаграмме (рисунок).

Обращение **по имени-отчеству** является нейтральным и используется как в официальной (например, во время процедуры регистрации брака), так и в неофициальной коммуникации.

По имени-отчеству герои обращаются к соседям или коллегам, часто используя стяженные формы для отчеств (с синкопой, т. е. выпадением звуков в конце слова):

Витальев. Помилуйте, Ярослав Борисыч, я – и административная суета!.. («Добряки»).

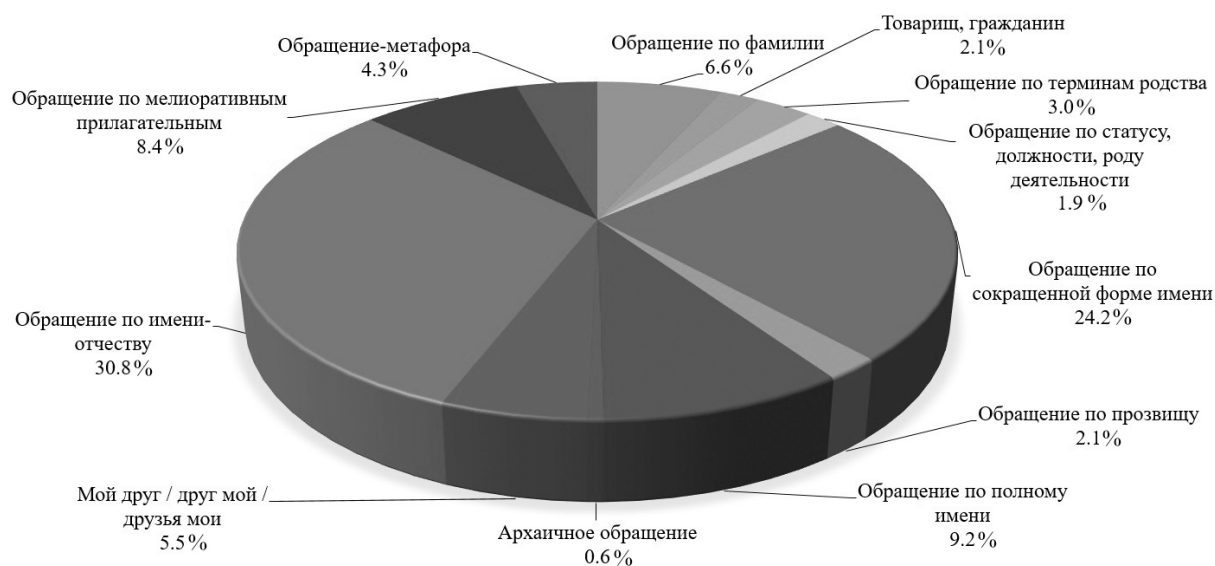
Переход на употребление стяженных форм имен отчеств в обращениях в речи отдельных персонажей может быть вызван стремлением придать им особый эмоциональный оттенок:

Костик. Я учусь на историческом, в аспирантуре. И кроме того, даю уроки. // Велюров. Уроки чего? // Алиса. Аркадий Варламович! // Костик. Вы это знаете. Я веду кружок художественной атлетики. В течение двух или трех месяцев создаю людям новые торсы. // Велюров. Торгуете телом? // Алиса. Аркадий Варламыч! («Покровские ворота»).

Дважды обратившись к участнику конфликтного диалога, представительница старшего поколения интеллигенции Алиса Витальевна пытается прекратить нападки соседа на ее племянника.

Как правило, обращения по имени-отчеству предполагают выбор формы общения на «Вы», однако в доверительно-дружеской коммуникации можно часто встретить обращение на «ты». Как отмечает Н. И. Формановская, сочетание имени и отчества с местоимением «ты» свойственно чаще людям старшего и среднего поколения [25: 40]. Пример тако-

¹Для сокращения объема статьи при цитировании исследуемых текстов указывается только название пьесы.

Долевое распределение типов обращений в речи героев-интеллигентов
Percentage of types of address in the speech of members of intelligentsia

го обращения мы можем наблюдать в пьесе «Добряки» [20] в речи дочери по отношению к отцу в присутствии их коллег в научном институте:

Гребешкова. Ярослав Борисыч, ты, я вижу, опять поставил на обсуждение свою любимую тему. («Добряки»).

Полное имя в обращении в нашем материале встречается крайне редко. Можно предположить, что эта форма обращения используется для придания реплике серьезного тона и создания некоторой дистанции между собеседниками.

Маргарита. Друг мой Аркадий, прошу вас быть в форме. («Покровские ворота»).

С другой стороны, авторы пьес активно включают в речь персонажей **гипокористические формы личных имен** и даже зачастую представляют их именно так в списке действующих лиц, возможно, таким образом авторы стремятся сообщить читателю информацию о возрасте или характере персонажа. Подобные обращения всегда маркированы, выражают отношение говорящего к адресату и играют важную роль в формировании таких жанров, как «утешение» «извинение», «просьба».

– *Эй, ты что?... Катенька... Перестань... Ну нашла из-за чего...* («Отпуск за свой счет»);

Лавров. Извини, Кируша, но тут такие дела... («Лестница»).

Различают мелиоративные (уменьшительно-ласкательные) и пейоративные (сниженные фамильярно грубые) обращения с суффиксом *-к*. Последние используются преимущественно в речи молодого поколения:

Сильва. Зойка, ты психолог! Теперь я понимаю, как ты подчиняешь своей воле животных. («Дикари»).

Значительно реже в речи героев-интеллигентов можно встретить обращения **по фамилии** или **прозвища**, которые от них образованы при помощи усечения. Примеры таких обращений характерны для дружеской коммуникации (преимущественно среди мужчин):

Владлен. Любешкин! Не падай в обморок! Нас выселяют! («Дикари»);

Владлен (убежденно). Ты не прав, Сундук! («Дикари»).

К адресующим обращениям также относятся **именования по роду деятельности**, (например, по **профессии**), **статусу** или **занимаемой должности**. В нашем материале нашли отражения обращения *товарищ судья, профессор, доктор, шеф, коллега*, демонстрирующие уважительное отношение к адресату.

Незначительную группу в нашем материале составляют **обращения по терминам родства**, используемые для стилизации семейного общения. Помимо нейтральных традиционных обращений к родителям (*мама, папа, мамочка*), авторы вкладывают в слова героев нетипичные обращения для передачи эмоционального тона высказывания:

Кира. Как ты впечатляюще молчишь, папа Володя. («Все остается людям»).

Добавление имени к обращению *папа* в речи взрослой дочери звучит как попытка дистанцироваться от отца и выразить свое несогласие с происходящим.

Обратим внимание, что в речи героев-интеллигентов иногда мы можем наблюдать стремление авторов подчеркнуть традицию употребления терминов родства в сочетании с формой общения на «вы» даже по отношению к родственникам младшего возраста. В нашем примере этот выбор обусловлен недавним знакомством персонажей:

*Денис. Кира Владимировна, добрый день. Извольте познакомиться с двоюродным дядей – Денис Леонидович. <...> Должен заметить, что **вы** на редкость отлично смотрите, **племянница**.* («Воспоминание»).

С другой стороны, для говорящих из культурной языковой среды нехарактерно использование просторечных и жаргонных форм личного обращения, в которых используются «термины родства, наименования некоторых социальных ролей или слова, называющие человека по его принадлежности к лицам мужского или женского пола» [25: 101–102]. Так, обращения *брат*, *мама* встречается только в речи героев, относящихся к представителям других социальных групп:

*Кабачков. Да, **брат**, культурки тебе не хватает.* («Добряки»).

*Володя. О, какие люди!.. **Мама**!* («Валентин и Валентина»).

К отличительным особенностям героев-интеллигентов старшего поколения можно причислить **обращения по архаичным формам**, придающие репликам шутивно-иронический тон и использующиеся по отношению к лицам младшего возраста:

*Софья Васильевна. Это еще что за нежности, **милостивый государь**.* («Воспоминание»).

*Сычова. Вы нас, **сударь мой**, обманули.* («Добряки»).

Отличительной особенностью речи героев-интеллигентов оказалось использование большого разнообразия этикетных обращений с притяжательным местоимением *мой* и су-

ществительных с положительной семантикой (*мой друг/друг мой/друзья мои*), а также мелиоративных эпитетов (*дорогой/дорогая, родной/родная, любезный, милый*). Отдельную группу составили **обращения-метафоры**: *душа моя/душенька; мой ангел/ангел мой/(фр.) мой анж, голубчик/голубушка; моя радость; алмаз мой; русалка; незарегистрированная частица ты сердца моего*.

Таким образом, моделируя речевое поведение героев-интеллигентов, драматурги уделяют значительное внимание субжанру «обращение» в разных коммуникативных ситуациях дружеского, делового, соседского, семейного и романтического общения. Большую роль играет полифункциональность единиц, что позволяет нам говорить об универсальном характере этого субжанра. Субжанр «обращение» входит в более сложные жанры: «приветствие», «прощание», «поздравление», «благодарность», «извинение», «комплимент», «утешение», «упрек», «спор», «признание в любви».

В рассмотренном материале были выделены обращения по имени-отчеству, по полной и сокращенной форме имени, по фамилии, по прозвищу; по роду деятельности; по термину родства. Конструируя речевое поведение представителей старшей интеллигенции, авторы обращались к архаичным (*милостивый государь, сударь мой*) и иноязычным лексемам (*мой анж*). В речи героев старшего и среднего поколения часто встречаются сочетания со словами *мой друг* и определениями *милый* и *дорогой*. Особенность речи молодых персонажей выражается в наличии большого разнообразия сокращенных форм имени, прозвищ, примеров языковой игры и иронии. В качестве иллюстративного фона были приведены примеры реплик героев-интеллигентов, подтверждающие наши наблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова Л. В. Обращения-метафоры в коммуникативной компетенции носителя молодежного сленга // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 7. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. С. 169–187.
2. Бирюлина А. И., Моисеев А. П. Функциональная направленность средств художественной выразительности в жанре речевого этикета обращения // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 8. С. 223–228.
3. Ренц Т. Г. Специфика этикетных жанров романтического дискурса // Вестник ЧелГУ. 2011. № 8. С. 122–129.
4. Кашир В. В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 22 с.
5. Акентьева К. А. Миромоделирующая функция жанра «поздравление» в политическом и маркетинговом дискурсах: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 178 с.
6. Шлапаков О. С. Обращение как составная часть жанра речи «поздравление» // Восточнославянская филология: сб. науч. работ. Вып. 11, ч. I. Горловка : Издательство ГГПИИЯ, 2006. С. 77–86.
7. Седов К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 428 с.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
9. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / под ред. Л. И. Баранниковой. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Книжный дом «Либроком», 2009. 136 с.

10. Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов // Русский язык за рубежом. 2001. № 4(178). С. 14–20.

11. Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2005. 22 с.

12. Буравцова Н. Ю. Национально-культурные особенности статусных обращений в русском языке: история и современность: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 182 с.

13. Глаголева Н. М. Функционально-семантическое поле обращения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2004. 26 с.

14. Кожухова Л. В. Обращение как индикатор социальных и межличностных отношений: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2009. 22 с.

15. Степанова Л. В. Эволюция именованных-обращений в семейном диалоге: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 249 с.

16. Азерников В. Отпуск за свой счет: Комедии для театра и телевидения. М. : Искусство, 1990. 157 с.

17. Алешин С. Все остается людям // Советская драматургия Л. : Лениздат, 1978. С. 79–142.

18. Алешин С. Лестница // С. Алешин. Если... и другие пьесы. М. : Искусство, 1978. С. 69–125.

19. Арбузов А. Воспоминание // А. Арбузов Избранное: в 2 т. Т. 2 / коммент. Л. Нимвицкой. М. : Искусство, 1981. С. 709–773.

20. Зорин Л. Добряки // Л. Зорин. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 143–212.

21. Зорин Л. Покровские ворота // Л. Зорин. Покровские ворота : пьесы. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 113–182.

22. Зорин Л. Театральная фантазия // Л. Зорин. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 281–346.

23. Михалков С. Дикари // С. Михалков. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Театр для взрослых. М. : Искусство, 1982. С. 124–169.

24. Роцин М. Валентин и Валентина // М. Роцин. Собрание произведений: [в 5 кн.] Кн. 1: Лиха беда начало: [повести, рассказы, пьесы, очерки и статьи]. М. : Жизнь, 2006. С. 375–438.

25. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М. : Русский язык, 1984. 195 с.

REFERENCES

1. Balashova L. V. Addresses-metaphors in the communicative competence of the bearer of youth slang. *Zhany rech: sb. nauch. st. Vyp. 7*. [Speech Genres: coll. sci. arts.], iss. 7. Saratov, ITs "Naika", 2011, pp. 169–187 (in Russian).

2. Biriulina A. I., Moiseev A. P. Functional orientation of means of the art expressiveness in a genre of speech etiquette of the reference. *Tomsk State University. Journal of Philology*, 2009, no. 8, pp. 223–228 (in Russian).

3. Rents T. G. Specificity of etiquette genres of romantic discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 8, pp. 122–129 (in Russian).

4. Kashpur V. V. *The world-modeling function of the genres of Russian political discourse aspects*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2011. 22 p. (in Russian).

5. Akent'eva K. A. *The world-modeling function of the "congratulations" genre in political and marketing discourses*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2022. 178 p. (in Russian).

6. Shlapakov O. S. Address as an integral part of the genre of speech "congratulations". *Vostochnoslavianskaia filologiya: sb. nauch. rabot* [East Slavic philology: coll. sci. works], iss. 11, part. 1. Gorlovka, Gorlovka State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 2006, pp. 77–86 (in Russian).

7. Sedov K. F. *The formation of the structure of spoken discourse as an expression of the evolution of a linguistic personality*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 1999. 428 p. (in Russian).

8. Karasik V. I. *Iazyk sotsial'nogo statusa* [Language of Social Status] Moscow, Gnosis, 2002. 333 p. (in Russian).

9. Gol'din V. E. *Obrashchenie: teoreticheskie problem*. Pod red. L. I. Barrannikovoy. *Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Barannikova L. I., ed. Address: Theoretical problems. Ed. 2nd, corr. and suppl.]. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom", 2009. 136 p. (in Russian).

10. Nesterova T. V. Pragmatics of Addresses-Antroponyms. *Russian Language Abroad*, 2001, no. 4 (178), pp. 14–20 (in Russian).

11. Balakai A. A. *Etiquette addresses: Functional-semantic and lexicographic aspects*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novokuznetsk, 2005. 22 p. (in Russian).

12. Buravtsova N. Iu. *National and cultural features of status addresses in the russian language: History and modernity*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2007. 182 p. (in Russian).

13. Glagoleva N. M. *Functional-semantic field of address in the modern russian language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Taganrog, 2004. 26 p. (in Russian).

14. Kozhukhova L. V. *Address as an indicator of social and interpersonal relations: Structural-semantic and functional aspects*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2009. 22 p. (in Russian).

15. Stepanova L. V. *The evolution of naming-addresses in family dialogue*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2017. 249 p. (in Russian).

16. Azernikov V. *Otpusk za svoi schet: Komedii dlya teatra i televideniya* [Vacation at Your Own Expense: Comedies for theater and television]. Moscow, Iskustvo, 1990. 157 p. (in Russian).

17. Aleshin S. All remains to people. In: *Sovetskaia dramaturgiia* [Soviet drama]. Leningrad, Lenizdat, 1978, pp. 79–142 (in Russian).

18. Aleshin S. Staircase. In: *Aleshin S. Esli... i drugie p'esy* [If... and other plays]. Moscow, Iskustvo, 1978, pp. 69–125 (in Russian).

19. Arbuзов A. Memory. In: *Izbrannoe: v 2 ch. Ch. 2* [Selected works: in 2 parts. Part. 2]. Moscow, Iskustvo, 1981, pp. 709–773 (in Russian).

20. Zorin L. Kind Men. In: *Teatral'naya fantaziia. Odinnadtsat' p'es* [Theatrical fantasy. Eleven plays]. Moscow, Iskustvo, 1974, pp. 143–212. (in Russian).

21. Zorin L. The Pokrovsky Gate. In: *Pokrovskie vorota: Pokrovskie vorota: p'esy* [The Pokrovsky Gate: plays]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016, pp. 113–182. (in Russian).

22. Zorin L. Theatrical fantasy. In: *Teatral'naya fantaziya: Odinnadtsat' p'es* [Theatrical fantasy. Eleven plays]. Moscow, Iskustvo, 1974, pp. 281–346 (in Russian).

23. Mikhalkov S. Wildmen In: *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 5. Teatr dlia vzroslykh* [Collected works: in 6 parts.

P. 5. Adult Theatre]. Moscow, Iskusstvo, 1982, pp. 124–169 (in Russian).

24. Roshchin M. Valentine and Valentine. In: *Roshchin M. Sobranie proizvedenii v 5 kn. Kn. 1. Likha beda nachalo: povesti, rasskazy, p'esy, ocherki i stat'i* [Collection of works: in 5 books. Book 1: The Evil trouble

beginning: novellas, short stories, plays, essays and articles]. Moscow, Zhizn', 2006, pp. 375–438 (in Russian).

25. Formanovskaia N. I. *Upotreblenie russkogo rechevogo etiketa* [The use of Russian speech etiquette]. Moscow, Russkii iazyk, 1984. 195 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 12.09.2022

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 12.09.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 267–274

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 267–274

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274>, EDN: EJTXTR

Научная статья

УДК 821.111.09-131:398

Ценности власти в англосаксонском героическом эпосе раннего Средневековья

И. В. Палашевская¹✉, В. В. Гогенко²

¹Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

²Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105

Палашевская Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, irina_777@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

Гогенко Виктория Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов, gogenko-v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1971-9715>

Аннотация. Статья выполнена в русле исторической лингвокультурологии и посвящена ценностям власти, формирующим ее образ в героическом эпосе англосаксонского общества раннего Средневековья. Материалом исследования послужила поэма «Беовульф». Рассматриваются стилистические особенности эпического жанра как формы кодификации, категоризации мира и идеологического воздействия в эпоху «доблести и хищничества» (Т. Веблен). Авторы акцентируют роль аллитерационного рисунка говорного стиха, «слов-картинок» (кеннингов и компаундов) и элементов звукового символизма, используемых в создании эпического сказания как вербального инструмента боевого настроения воинов в культуре публичного восхваления бесстрашия и готовности к войне.

Под ценностями власти понимаются значимые модели поведения и качества (добродетели), высоко ценимые в социальной практике этнической общностью и являющиеся знаками принадлежности к правящей элите. Такие образцы в форме ожиданий мотивируют героев поэмы совершать должные поступки, предписанные их позициями в социальной системе. Добродетели власти оказывали непосредственное влияние на то, как это общество функционировало. Их проявление открывало доступ к верховному положению в правящем слое. С точки зрения авторов, ключевая тема поэмы – статусное восхождение героя и преодоление препятствий на этом пути. Рассматриваются языковые средства и способы интродукции ценностей потестарной культуры. Анализируются значения слов, обозначающих должные качества субъекта власти, оценочные суждения афористического характера. Выделяются типы таких суждений (констатации, открытые призывы, оценочно-мотивировочные прескрипции – сравнительные и превосходные конструкции, императивы с модусом запрета и вменения в долг).

Ключевые слова: фольклорная традиция, жанр героического эпоса, ценности культуры, власть, престиж, паттерны поведения

Для цитирования: Палашевская И. В., Гогенко В. В. Ценности власти в англосаксонском героическом эпосе раннего Средневековья // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 267–274. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274>, EDN: EJTXTR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Values of power in Anglo-Saxon heroic epos of the early Middle Ages

I. V. Palashevskaya¹✉, V. V. Gogenko²

¹Volgograd State University, 100 Prospect Universitetskij, Volgograd 400062, Russia

²Southern Federal University, 105 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Irina V. Palashevskaya, irina_777@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

Victoria V. Gogenko, gogenko-v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1971-9715>

Abstract. The concern of this study is to explore the values of power that form its images in Anglo-Saxon epic culture of the early Middle Ages. The research is based on the epic poem “Beowulf” and applies cultural approach to linguistic study of social phenomena.

Considering the stylistic features of the epic genre as a form of world codification, categorization and ideological influence in “the age of prowess and predatory life” (Thorstein Veblen), the authors emphasize the role of alliteration rhythmic patterns of the spoken verse, “words-pictures” (kennings and compounds), sound symbolism in verbal culture of fostering a the martial spirit of warriors in the culture of public praise, encouragement ferocity and enthusiasm for war.

Values of power, viewed as collective conceptions of what is good and desirable, shape patterns of behaviour and virtues demonstrations prevalent among people of a superior status. Such patterns in the form of expectations motivate the characters of the poem to perform the actions assigned to them by their social standing. Studying these virtues is an efficient way to capture and characterize society of the early Middle Ages, since they had a direct impact on how that society functioned. To gain entrance to the superior status, the main character had to be gifted with assumed traits. Thus, the key theme of the poem is how he fights his way up to the top of the honourable superior class. The authors analyse the language means of cultural values introduction, including words, denoting the proper qualities and actions, small stories and evaluative utterances of aphoristic nature, falling into different types (statements, open appeals, comparative and superlative constructions, positive and negative imperatives).

Keywords: folklore tradition, heroic epic genre, cultural values, power, prestige, virtues, patterns of action

For citation: Palashevskaya I. V., Gogenko V. V. Values of power in Anglo-Saxon heroic epos of the early Middle Ages. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 267–274 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274>, EDN: EJTXTR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Англосаксонский эпический мир поэмы «Беовульф» не перестает привлекать внимание исследователей. Изучение фрагментов этого мира продолжается и по сей день. Научный интерес к данному памятнику поэтического словотворчества притягивает его сюжетно-жанровое построение, специфический строй изобразительных средств, формульная техника эпического сказительства, древние, мифологические слои, ставшие актуальным компонентом британского литературного и кинематографического искусства современности. Вместе с тем ряд вопросов, которыми задаются специалисты в области германистики, еще не получили детального освещения. К таким вопросам относятся особенности представлений о власти, зарождающихся потестарных структурах раннесредневекового германского общества, его иерархическом социальном укладе и системе ценностей, отраженных в англосаксонской эпической традиции.

Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «героический эпос связан с этническим самосознанием, формирующимся в процессе племенных консолидаций и появления раннегосударственных образований, хотя его активное бытование продолжается далеко за их пределами, когда сложившиеся формы получают актуальные осмысления (обычно – в духе “народного патриотизма”, опирающегося на квазиисторические образы) и ложатся в основу позднеэпических жанровых новообразований (балладных, романических, пародийных и др.)» [1: 23–24].

История германского героического эпоса восходит к эпохе Великого переселения народов (IV–VI вв.), завоевательных походов древнегерманских племен и образования на месте Римской империи новых государств. Самобытные, окрашенные древнеанглийским языковым колоритом коллективные сказания о кровавых сражениях, физических истреблениях и триумфах – мощный идеологический инструмент самоидентификации, утверждения и демонстрации статуса этноса как политического сообщества, его устрашающей воинственной силы, свободы, прав и привилегий в расстановке политических сил и территориальной перекройке раннесредневекового европейского мира.

Традиционно фольклорные жанры рассматриваются как явления неформальной, вернакулярной коммуникации. Их назначение заключается, прежде всего, в передаче от прошлого по каналам коммуникативной памяти культурно и социально значимых сообщений, ценного опыта, предопределяющего формы жизни и деяния последующих поколений. Отличительная особенность героических эпических сказаний – их нераздельная связь с властными институциональными структурами общества. Эпические песенные (речитативные) тексты складывались профессиональными сказителями при дворе конунгов для поддержки боевого настроения воинов и исполнялись перед схватками с врагом. «Дружинно-родовой быт – естественная почва для продукции профессиональной, эпико-лирической, для сбережения

эпической песни. Жизнь в дробных центрах, неизбежность столкновения, масса энергии в тесном кругозоре, жажда добычи, переходившая в жажду удалства – все это плодило сюжеты, тогда как память о прошлом обязывала человека И эта память хранилась. Оттуда значение певца, хранителя памяти, творца славы; ему всюду почет» [2: 320]. Согласно гипотезе, предложенной Ю. С. Неклюдовым, эпос умирает, когда прекращаются войны, основанные на рукопашной схватке [3: arzamas.academy.ru]. Песни о воинских доблестях и необходимом складе характера для успеха в поединке на поле сражения исчезают вместе с референтной реальностью.

Особое назначение эпоса, входящих в него преданий, требовало поэтического мастерства для создания жанровой формы как художественной вещи и действенного инструмента воздействия. Идеологическая функция и ориентированность эпических сказаний на воспроизведение способствовали использованию в них приемов фасцинации (метрически упорядоченного рисунка стиха, ритмического повтора созвучных слов, связанных аллитерацией, ассонансом, рифмой; звукоподражаний; семантически параллельных конструкций и т. п.). Интонационный строй эпической поэмы «Беовульф» направлен на ее произнесение в распевно-речитативной манере, при которой присутствуют ритмические ударения, что свойственно фидеистическим поэтическим текстам, «фольклорным заклятиям», имитирующим ритм действий человека и природы. Минимальной единицей эпического текста выступает краткая строка, которая, как отмечает Н. Ю. Гвоздецкая, служит для поэта ритмикосинтаксической формулой, элементом поэтической фразеологии и одновременно единицей наррации, участвующей в построении более крупного текстового единства – долгой строки [4: 33]. Функция первой краткой строки – идентификация, образная фиксация объектов, явлений окружающего мира. Функция второй – предикация, линейно-логическое развитие мысли [4: 35]. Средством обеспечения связности соседних долгих строк выступает «поэтическая вариация», которая обобщает предшествующие ей предикативные структуры, превращают динамику рассказа в статику картины: *Monig oft gesæt // rice to rune* (Bwf. 171–172) – «...многие часто усаживались // знатные на совет»; *Hæfdon swurd nacod, / þa wit on sund reon, // heard on handa* (Bwf. 539) – «имели меч обнаженный, / когда в море плыли, // твердый в руке» (здесь примеры и перевод Н. Ю. Гвоздецкой) [4: 36]. Аллитерация выделяет близкие по смыслу

лексемы для актуализации ценностей ранне-средневекового общества. Архаический язык, по образному замечанию О. М. Фрейденберг, «развертывает сам себя»: он варьирует одни и те же комплексы звуков с одной и той же семантикой [5: 75], служит средством матража, коммуникативной ре-актуализации ценностных смыслов, аффирмации идеологических установок. Ритмический строй поэтического текста призван завораживать, создавать почтительную тональность к сакральному прошлому, прославленным своими подвигами героям, родовым династиям, конунгам, дружинам, их завоеваниям.

Фасциативность эпического текста создается также яркими, эмоционально насыщенными эмблематическими образами, захватывающими внимание адресата. Таковыми являются компаунды-перифразы, замещающие название объекта или имя персонажа: *gudwine* – *gud* + *wine* (Bwf. 1810) – боевой друг (о мече), *windgeard* – *wind* + *geard* (Bwf. 1224) – обитель ветров (о море), *lyftfloga* – *lyft* + *floga* (Bwf. 2315) – летящий по воздуху (о драконе), *wegflota* – *weg* + *flota* (Bwf. 1907) – летящий по волнам (о корабле), *beahgyfa* – *beah* + *gyfa* (Bwf. 1102) – даритель сокровищ (о правителе) и др.

К ключевым особенностям эпического текста как свидетельства особого мировосприятия, явления раннесредневековой лингвокультуры, ее словесной традиции относится произвольность языкового знака, внутренняя обусловленность используемого слова, раскрывающая бытийную, экзистенциальную суть объекта или субъекта, которые этим словом обозначаются, его предназначение в системе мироустройства. Взаимосвязь между означаемым и означающим может быть прямой (*hringas dælan* (Bwf. 1970) – кольцедаритель; *sinces brytta* (Bwf. 2071) – распределитель сокровищ), метонимической (*hrefne to hroðre* (Bwf. 2448a) – удовольствие для ворона (о павших в бою), *ganotes bæð* (Bwf. 1861b) – купальня морских птиц (о море)), метафорической (*beadoleoma* – *beado* + *leóma* (Bwf. 1523) – луч сражения (о мече), *heofones gim* (Bwf. 2073) – неба драгоценность (о солнце)) и направлена на формирование определенного мировосприятия. Данное свойство превращало слова в идеальный риторический инструмент кодификации и категоризации мира.

С семиотической точки зрения, как отмечает А. В. Олянич, сложные слова – «знаки-презентемы», «набор образных компонентов значения, семантическая картинка-образ, конденсирующая наиболее важные свойства или качества объекта, субъекта, действия, состояния, события или явления, делающая

их привлекательными» [6: 282]. Древнеанглийская поэзия изобилует сложносоставными «словами-картинками», идеально согласующимися с размером стиха. Кеннинги, компаунды – своего рода «театрализованный намек на реальную социальную ситуацию, социальную пьесу» [6: 282]. Коммуникация посредством такого рода слов приобретает черты визуализации реальности и, таким образом, воздействия на ее участников. Заклучая в себе прескрипции действий, связанных с обозначаемыми ими объектами, свернутый сюжет социально значимых событий, они способствуют их воспроизведению, ре-драматизации. Так, например, такие обозначения дворцового сооружения, как *medoheal* (Bwf. 484, 638) – *медовый зал, трапезная*; *beahsele* (Bwf. 1177) – *палата для дарения колец*; *goldsele* (Bwf. 715) – *золотая палата, дворец*; *gifhealle* (Bwf. 838) – *хором для раздачи даров*, связывают архитектурный объект с его функцией в устройстве социального мира данов и соответствующими моделями поведения в нем, выступают «шапками» ритуальных структур, основанных на подвиге и вознаграждении. Особую роль в этих акциональных структурах играли медовый напиток и дары (*Bruc ðisses beages, / Beowulf leofa, / hyse mid hæle, / 7 pisses hrægles neot* (Bwf. 1216–1217) – *Прими кольца эти, / дорогой Беовульф, / притянувший удачу, / прими и кольчугу ладную*), о чем свидетельствует множественность лексем, связанных с культурой пира и дара, демонстративного потребления и трапезы правящей элиты (*meodosetla, medubenc* (Bwf. 5, 775) – *скамьи для медовых пиршеств*; *meduscenc* (Bwf. 1983) – *сосуд для меда, medoful* (Bwf. 624) – *медовая чаша, medudream* (Bwf. 2019) – *медовое веселье; medowang* (Bwf. 1643) – *долина медового чертога; medostig* (Bwf. 924) – *дорога, ведущая к нему* и т.п.).

Ритмически чередуемые кластеры фоном воссоздают синхронные и фоновые шумы: звуки битвы, поединка с врагом (*byrnan hringdon* (Bwf. 328) – *кольчуги звенели, sweordes swengum* (Bwf. 2386) – *взмахом меча; Ðær wæs on blöde / brim weallende, // atol ūða geswing/eal gemenged* (Bwf. 847–848) – *Там была от крови / вода, клокочущая, // смертельный волн вихрь, / с кровью горячей мешанный*); пира, раздающегося смеха, голосов, поэтической речи, музыкальных инструментов (*Ðær wæs hælepa hleahtor, / hlyn swynsode* (Bwf. 611) – *Там воинов смех, /звон раздавался; þær wæs hearpan sweg, // swutol sang scopes* (Bwf. 89b – 90a) – *Там арфа звучала, / песнь ладная скопа*); мира врага (*grim ond grædig* (Bwf. 121 a) – *сумрачный и алчный, grimne gryreligne grundhyrdea* (Bwf. 2136) –

мрачная, свирепая глубин владычица, grimlic gryregist (Bwf. 3041a) – *страшный гость*), звуки проглатываемой им крови (*synsnædum swealh* (Bwf. 743a)); волн, затягивающих в море прибрежный песок (*streamas wundon, / sund wið sande* (Bwf. 212–213) – *волны билась, / воды о песок*) и т. п.

Расцвет данного жанра, его продуктивность, приходится на период развития культуры, котопы. Т. Веблен назвал «эпохой доблести и хищничества» с ее ценностными доминантами воинственного духа, агрессии в форме боевых действий, добычей. Эпическая форма воспеваает определенные качества (приверженность своему клану, жестокость, негибкая воля, упорство в достижении цели, владение оружием, искусством рукопашного боя) и соответствующие модели поведения, с которыми этносы должны выстраивать свой образ жизни в условиях сурового соперничества за выживание и статус. Условия непрестанной вражды, как отмечает Т. Веблен, благоприятствуют тем индивидам и тем генеалогическим линиям, которые в относительно малой степени обладают миролюбивыми чертами дикарей [7: 104].

Военная слава, способность к добычи, накоплению и длительному владению богатствами лежали в основе формирования правящих элит этнических сообществ. В поэме «Беовульф» власть сосредоточена в руках военизированного объединения, обозначаемого древнеанглийской лексемой *dryht* 'окружение, свита, люди конунга', 'дружина, образование дружинного типа' (*Hroþgar gewat / mid his hælepa gedryht // eodur Scyldinga, / ut of healle...* (Bwf. 661) – *Хродгар вышел, с ним его любимая дружина, опора Скильднгов из зала*). Окружение верховного субъекта власти (*dryhten*) предстает тем миром, который А. Шюц назвал «Umwelt» – миром, ближе всего к телу персоны [8: 195, 201]. Это преимущественно мужской мир с «гегемонным» типом маскулинности, связанным с социальным статусом воина и подразумевающим, прежде всего, демонстрацию силы и воинских доблестей, ношение оружия, совершение военных подвигов и добывание славы. В основе такого рода объединений лежала добровольность служебно-договорных отношений, принадлежность знатному роду, подчинение вождю, преданная ему служба, гарантированная клятвой и воинской честью, система средств превосходства и подчинения, а также выстраивания иерархий по почету между теми, кто по статусу находился в отношениях паритета (что выражено, в частности, в порядке одаривания, ценности даров за службу, рассадке

за трапезными столами отличившихся в бою воинов во время пиров) [об «иерархиях равных» см. подробно: 9: 271–286]. Эти иерархии номинативно и церемониально оформлены, проигрываются в ритуалах власти.

К признакам *dryht* относятся: общность пространства и времени, снабжение «из рук господина» (*heorðgeneatas* ‘товарищи по очагу’, *beodgeneatas* ‘сотрапезники’), взаимная поддержка (*eaxlgestealla* ‘товарищ по оружию, боевой друг’), участие приближенных в совете господина (*min runwita*, *min rædbora*, *fyrnwita*, *fyrnwitan* ‘мудрец’); система разделяемых ценностей и добродетелей, соответствующие образцы действий и образ жизни; церемонии и ритуалы, обеспечивающие консолидацию группы и одновременно выполнявшие функцию ее самопрезентации. В ближайшее окружение конунга (*gedryht* ‘люди, объединенные общей деятельностью’) входили воины знатного, благородного происхождения (*æðelhæled* ‘благородный воин-герой’, *æþelinges* ‘знатные люди, знать’) – эрлы (*eorl*), стремящиеся приумножить славу рода, и свободные служилые люди – тэны (*þegn*), добывание славы в битвах для которых было основным занятием: *minra eorla gedryht* (Bwf. 431) – моя эрлов дружина).

Следует заметить, что, кроме лексемы *dryht* (*gedryht*), в древнеанглийском языке выделяется целый ряд единиц, объединенных доминантной семой ‘воинское формирование’: *werod*, *dugub*, *geogof*, *fultum*, *fierd*, *here*, *sciphere*, *landhere*. *Werod* употребляется в качестве собирательного существительного для обозначения разнородной дружины (*wið wrað werod wearde healdan* (Bwf. 319) – с суровой дружиной охраняет границу. *Dugub* означает опытное, зрелое войско. *Geogof* – войско молодых воинов (*þæt seo geogof geweox tagodriht micel* (Bwf. 66–7) – То войско молодое выросло в войско многочисленное). *Fultum* – войско, пришедшее на помощь из других земель (*Hi ða sende to Angle heton heom sendan mare fultum* (Chr. 449) – Тогда отправили они к англам за помощью с просьбой прислать большое войско). *Fierd* – большая дружина, армия народа (*He þa swa dyde, mid fierde fór ofer Mierce on Norþwalas, hie him alle gehiersume dydon* (Chr. 853) – Он так и поступил, с армией отправился через Мерсию в Северный Уэльс и жители ему подчинились). *Here* употребляется исключительно при обозначении воинских формирований врага (*Her sæt heþen here on Tenet genamon friþ wiþ Cantwarum* (Chr. 865) – В том году армия язычников обосновалась на острове Танет и заключила мир с жителями Кента). Лексема *here* используется в составе сложных существительных: *sciphere* – атакующий флот, *landhere* – сухопутное войско.

В отличие от этих восьми лексем, *gedryht* связана с идентификацией воинов в системе статусов, их принадлежности к верхушке, правящему слою в социальной иерархии, ближайшему окружению конунга как в битве, так и мирной жизни.

Принадлежность к верхним слоям общества открывала доступ к определенным благам (владение землей и редкими предметами: ценная утварь, золото, драгоценные камни, искусно изготовленное оружие и доспехи, боевые кони, морские средства передвижения). Как отмечает А. Я. Гуревич, в этих ценностях материализуются власть, личное могущество, магически понимаемые «удача» и «везенье» [10: 439]. Быть частью правящего меньшинства, которым восхищались, было престижно (*ðær wæs Beowulfes mærdō* (Bwf. 856–57) – То была слава Беовульфа). Согласно М. Веберу, стремление к престижу – явление, распространенное внутри всех властных образований [11: 282]. Власть опирается на чувство престижа. При этом группе индивидов должно быть присуще специфическое чувство солидарности, возникающее из разделяемых ценностей и общей судьбы и противопоставляющее их другим социальным группам [11: 292]. Честь (*Ehre*), престиж по М. Веберу – достоинство, право на уважение, а также на определенные привилегии [11: 381] (выражаемые, например, эмблематическими знаками оказания чести, которые включали особые персональные интродуктивы и вокативы, право на участие в церемониях и ритуалах власти, приближенность к конунгу, получаемые от него дары, особые поручения (например, вверение судьбы сокровищницы данов)).

Элитный статус требовал определенного образа жизни, следования значимым моделям поведения, проявления исключительных качеств – того, чему стремились подражать и что являлось коллективной ценностью. Согласно исследованиям А. Макинтайра, в героических обществах добродетель – качество, проявление которого позволяло человеку делать то, что требовала его социальная роль. Например, ключевыми добродетелями субъекта власти являлись те, которые позволяли получить превосходство в сражении и мирной жизни. Человек, делавший то, что ему предписано социальной ролью, неизбежно двигался к своей судьбе. Его жизнь имела форму истории, схватываемую эпическим нарративом [12: 169–181].

Исследование системы представлений о достоинствах, которые подданные хотели бы видеть у своего правителя, открывает понимание смысла таких оценочных суждений, как

Ʀæt wæs god cyning (Bwf. 2390) – *То был хороший конунг* Данные представления выражены в семантике языковых единиц, эксплицирующих должные качества и модели поведения субъекта власти (*helm Scyldinga* – *шлем Скильдингов* (кеннинг), т. е. защита Скильдингов (о Хродгаре – предводителе войска, но также правителе), *eodor Scyldinga* – *заступник, покровитель Скильдингов*, *folces hyrde, frod folces weard* – *защитник, мудрый охранитель народа*

Защита от внешнего врага была сопряжена с насилием вовне, разрушительными действиями, готовность к которым обусловлена стремлением к добыче и дани, господству над территориями и людьми: *Oft Scyld Sceafena Ʀreatum // monegum mægþum, meodoseitla ofteah, // egsode eorlas... weorðmyndum þah, // oðƦæt him æghwylc þara ymbsittendra // ofer hronrade hyran scolde // gomban gyldan. Ʀæt wæs god cyning!* (Bwf. 4–11). – *Часто Скильд Скевинг врагов войска, многих недругов от скамей медовых отрывал, ужас вселял в их предводителей ... с тех пор племенам соседним пришлось покориться, дорогой китов дань доставлять ему. То славный был конунг!* Пример эксплицирует представления о власти, основанной на принуждении, данническом подчинении, гарантируемом физическим насилием и уничтожением

Набеги, грабежи, покорение близлежащих земель преследовали не только экономические интересы; это также акты самоутверждения, демонстрации мощи народов, их принадлежности к отмеченным поэтической традицией победителям (*Weder-Geatas, Gar-Dene* – *грозагеаты, копье-даны*) Отсюда описания предводителей воинов, наделяющие их неотразимой разрушительной силой (*Ʀæt he ne mette middangeardes ... on elran men mundgripe maran* (Bwf. 751–753) – *Нет в мире среднем ... людей с хваткой руки сильней* (о Беовульфe)), а также упоминания о хищных змеиных узорах на мечах (*wyrmfah' sword* (Bwf. 1698a)), и боевого знака «голова вепря» на шлемах воинов и стягах (*eafor heafodsegn* (Bwf. 2152))

Физическое насилие применялось в отношении чужих (... *ic mid sweorde ofsloh niceras nigene* (Bwf. 574) – ... *с помощью меча убил я девять чудовищ*). В то же время ценностные императивы, «кодекс чести» требовал от воинов готовности жертвовать собой. Как отмечает М. Вебер, «в человеке вырабатывается готовность к смерти, это порождает постоянный особый эмоциональный настрой. Общие судьбы, т. е. в первую очередь сражения с врагом не на жизнь, а на смерть, порождают общность памяти, которая спаивает сильнее,

чем узы общей культуры, языка или происхождения» [11: 274].

Отношения между конунгом и его дружиной основывались, в частности, на материальном обмене: воин «продавал» свою силу конунгу, участвовал в походах в обмен на дары и землю. Огромную роль при этом играло вознаграждение как мера успеха (славы) и символ статусного положения воина в дружинной среде. В отношении меры этой щедрости интерес вызывает признание Хродгара о том, что его воины не всегда заслуживали щедрой награды: *Ful oft ic for læssan lean teohhode // hordweorþunge hnahan rince // sæmran æt sæcse* (Bwf. 951–3) – *Часто одаривал я за меньшую службу, честь приумножив воинов, в битве не столь достойных* Власть конунга, таким образом, зависела от той выгоды, которую она сулила своим подданным.

С данных позиций поучительна история о Херемоде (Heremod), рассказанная Хротгаром в назидание Беовульфу. В отличие от Хродгара, вознаграждавшего своих людей даже за неудачные попытки одолеть чудовище, Херемод, ослепленный властью, не жаловал ратникам золота за риск, на который они шли в его походах. В поэме Херемод сетует распри, убивает разделявших с ним трапезу товарищей – *beodgeneatas* (Bwf. 1713), воинов, стоявших с ним плечом к плечу в строю – *eaxigsteallan* (Bwf. 1714), не дарует кольца данам: *Nallas beagas geaf Denum æfter dome* (Bwf. 1719–172). Однако, как повествует поэма, существовал способ борьбы со злоупотреблением властью. Жадный, своевольный конунг-тиран, был изгнан собственным народом от дан «во власть тьмы» – *on feonda gewæld* (Bwf. 903) – и убит врагами

Отношения конунга и воина включали не только экономический аспект, но и повинение власти, подчинение на основании клятвы. Так, Хродгар (Hrōþgār) после того, как был возведен медовый Хеорот, не забыл своей клятвы (*beot*), устроил пир и раздал людям золото: *He beot ne aleh / beagas dælde, // sinc æt symle* (Bwf. 80–81) – *Он клятвы не нарушил, кольца раздал, сокровища на пиру* Воин, произнесший клятву, не мог отказаться от участия в битве, страшась врага: *Gemunde þa se goda, mæg Higelaces // æfenspræce. Uplang astod // ond him fæste wiðfeng Fingras burston* (Bwf. 758–60) – *Вспомнил добрый воин, сродник Хигелака, слово свое вечернее. Прямо встал крепко врага схватил. Пясти захрустели*

Наиболее ярко ценностные представления о субъектах власти находят выражение в лаконичных, стилистически оформленных, стремящихся к афористической сжатости речениях, при формулировании которых используются:

1) **обобщенные констатации** (*Wyrd oft nered unfægne eorl þonne his ellen deah* (Bwf. 572–573) – Судьба часто спасает обреченного эрла, когда его храбрость велика; *Sinc eaðe tæg, gold on grunde gumcynnes gehwone oferhigian...* (Bwf. 2764–2766) – Сокровищем, золотом в земле можно легко сокрушить любого из рода людского); 2) **открытые призывы** (*Gemyne tægrþo, tægenellen суд, wasa wið wgarum* (Bwf. 659–560) – Думай о славе, прояви великое мужество, стереги врага; *Forþan bið andgit æghwær selest, ferhðes foreþanc* (Bwf. 1059–1060) – Мудрость – лучшее качество, души прозорливость; *Selre bið æghwæt þæt he his freond wrese þonne he fela turne* (Bwf. 1384–1385) – Лучше отомстить за друга, чем сильно горевать о нем); 4) **императивы с модусом запрета** (*Sibb æfre ne tæg wiht onwendan, þat ðe wel þenceð* (Bwf. 2600–2601) – Родство никогда не может быть отброшено в сторону для того, кто мыслит правильно); 5) **долженствования** (*Lofdædum sceal in tægþa gehwære man gereon* (Bwf. 24–25) – Должно делать так, чтобы в племени каждый человек процветал

В ряде случаев для экспликации ценностного смысла используется речевая формула *swa sceal / swa sceal man don* – так должно поступать: *Swa sceal geong guma gode gewyrcean // fromum feohgiftum on fæder bearme, // þæt hine on ylde eft gewunigen // wilgesipas þonne wigcume // leode gelæsten* (Bwf. 18–22) – Так должно молодому воину быть добрым на дела и щедрым на дары подданным его отца, чтобы в зрелости они поддержали его – народ поддержал его, когда придет война

«Беовульф», с рассмотренных позиций, – описание образа жизни, который соответствует представлению об идеале человеческого сосуществования в определенную эпоху, и особого типа личности, которая этот образ может воплотить [12]. Одна из ключевых тем поэмы –

ИСТОЧНИКИ

1. Bwf. – Beowulf (online edition). The British Library and The University of Kentucky College of Arts & Sciences, 2015. Available at: <https://ebeowulf.uky.edu> (accessed June 20, 2022).

2. Ch. – Anglo-Saxon Chronicle. Available at: <http://asc.jebbo.co.uk> (accessed June 20, 2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М. : Форум, 2015. 215 с.

восхождение героя к власти процесс избирательного доступа к верховному положению в правящем слое общества. На первый план выдвигается потенциал человека, наделенного необходимыми качествами и преодолевающего барьеры на этом пути. Уничтожение чудовищ при этом является необходимой составляющей статусного восхождения. Ценностными доминантами в эпическом тексте выступают бесстрашие, жертвенный героизм, несгибаемая воля, слава, добытая в сражениях и достойных делах, а также политическая прозорливость. Если «в героическом мифе и сказке испытания нередко выступают в форме “трудных задач”, задаваемых испытателями герою, а сами задачи иной раз вуалируют попытку изведения героя» или «временного изгнания героя из социума» [13: 22], то Беовульф сам отправляется к данам, рискуя при этом благополучием своего народа, сохранявшего нейтралитет в войне данов с Гренделем. Победа, добытая в сражении с чудовищами, принесла Беовульфу славу, а геатам и данам прочный мир (*Hafast þu gefered / þæt þam folcum sceal // Geata leodum ond Gardenum* (Bwf. 1855–65)

Власть в эпическом тексте связана с положением в системе статусов (power of position), предполагающим проявление выдающихся качеств или добродетелей. Обладающий властью должен быть знатного рода, щедрым и мудрым, учитывать интересы своего окружения; он должен подчиняться своему слову (закону), быть верным клятве, направленной к всеобщему благу, готовым к отпущению, беспощадным с врагами, стремиться к умножению своей славы. Поэма «Беовульф», входящие в нее сказания о конунгах, родовых династиях и их славе, добытой в бою, – инструмент групповой идентификации, консолидации и самопрезентации властвующей элиты. Ее герои – образы лучших представителей описываемого раннесредневекового общества, которые управляли этим обществом. Ценностный компонент действий власти придавал ей особую социальную значимость и привлекательность для подданных, в которых она нуждалась.

2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л. : Голитиздат, 1940. 648 с.

3. Петров Н. Фольклор не умрет никогда. URL: <https://arzamas.academy/materials/602> (дата обращения: 21.06.2022).

4. Гвоздецкая Н. Ю. Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // *Philologica Scandinavica*: сб. статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 28–42.

5. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература РАН, 1998. 798 с.

6. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М. : Гнозис, 2007. 407 с.

7. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: an Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York : Macmillan, 1899. VIII. 400 p.

8. Шютц (Шюц) А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

9. Шелина Е. А. О некоторых способах построения «иерархий равных» в период «Второго Средневековья» // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 271–286.

10. Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. 889 с.

11. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. II. Общности. 429 с.

12. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М. : Академический Проект, 2000. 384 с.

13. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 1994. 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).

REFERENCES

1. Neklyudov S. Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [Poetics of Epic Narrative: Space and Time]. Moscow, Forum, 2015. 216 p. (in Russian).

2. Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Goslitizdat, 1940. 648 p. (in Russian).

3. Petrov N. *Fol'klor ne umret nikogda* [Folklore never die]. Available at: <https://arzamas.academy/materials/602> (accessed June 21, 2022) (in Russian).

4. Gvozdeczkaya N. Yu. Prolegomena to the text-centric description of the Old English poetic word semantics. In: *Philologica Scandinavica: coll. arts to the 100th anniversary of the birth of M. I. Steblin-Kamensky*.

Saint Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ., 2003, pp. 28–42 (in Russian).

5. Freydenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Antiquity]. Moscow, Vostochnaya Literatura, Russian Academy of Sciences, 1998. 798 p. (in Russian).

6. Olyanich A. V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation theory of discourse]. Moscow, Gnosis, 2007. 407 p. (in Russian).

7. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York, Macmillan, 1899. VIII. 400 p. (in Russian).

8. Schutz A. *Smyslovaja struktura povsednevnogo mira. Oчерki po fenomenologicheskoy sociologii* [Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology]. Moscow, Institut fonda “Obshhestvennoe mnenie” – public opinion fund Publ., 2003. 336 p. (in Russian).

9. Shelina E. Certain ways to construct the “Hierarchies among the Equals” during the Second Middle Ages. *Dialogue with Time. Intellectual history review*, 2018, iss. 65, pp. 271–286 (in Russian).

10. Gurevich A. Ya. *Istoriya – neskonchaemyi spor* [History: A Never-ceasing Dispute]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005. 384 p. (in Russian).

11. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: oчерki ponimayushchey sotsiologii. T. 2. Obshchnosti* [Economy and Society: Essays in Understanding Sociology. Vol. 2. Communities]. Moscow, izdatel'skiy Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 429 p. (in Russian).

12. Macintyre A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya teorii morali* [After Virtue: a Study in Moral Theory]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2000. 384 p. (in Russian).

13. Meletinsky E. M. *O literaturnykh arkhетipakh. Chteniya po istorii i teorii kul'tury. Vyp. 4* [On Literary Archetypes. Readings on history and theory of culture, iss. 4]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994. 136 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 275–282

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 275–282

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-275-282>, EDN: AIGTQM

Научная статья

УДК 811.134.2'42

Амор: вербализация романтической любви в песенном жанре

С. Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет,
Россия, 350072, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, svork@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Аннотация. На материале испано-язычных текстов песен репертуара Хулио Иглесиаса исследуются представления о романтической любви в песенном жанре. Устанавливается, что романтическая любовь представляет собой достаточно неопределенное понятие, допускающее как минимум четыре толкования: любовь-страсть, интенсив любви вообще, влюбленность и специфическое любовное чувство, обладающее собственными характеристиками. Обобщение толкований романтической любви свидетельствует о том, что это подвид эротической любви, в котором акцентируются ценностный и депрессивно-эйфорический моменты и добавляется драматический окрас в обстоятельства эволюции этого чувства. В испанском языке чувство любви вербализуется через триаду *amor*, *querer*, *cariño*, где *amor* – имя родового понятия любви, а *querer* и *cariño* преимущественно ориентированы на передачу её подвидов, связанных с желанием физической близости и желанием блага любимому, соответственно. В текстах песенного репертуара Хулио Иглесиаса доминируют характеристики романтической любви: отсылка к трагическим и драматическим жизненным обстоятельствам – измене и утрате любви, разлуке, безответности, сомнениям в верности, ревности; отражаются черты, свойственные преимущественно начальной стадии любви – всплески эйфории и депрессии, ощущение радости и горя, наслаждения и страдания; нередко упоминаются проявления любовной ласки. Рефлексом романтизма в текстах песен Хулио Иглесиаса представляются обожествление предмета любви, уверенность в постоянстве любви, противопоставление любви «настоящей» и «ненастоящей», представление о слиянии любящих в единое целое.

Ключевые слова: любовь, романтизм, романтическая любовь, песенный жанр, вербализация, влюбленность, каритативность, эротизм

Для цитирования: Воркачев С. Г. Amor: вербализация романтической любви в песенном жанре // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 275–282. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-275-282>, EDN: AIGTQM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Amor: Verbalization of romantic love in the song genre

S. G. Vorkachev

Kuban State Technological University, 2 Moscovskaya St., Krasnodar 350072, Russia

Sergey G. Vorkachev, svork@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Abstract. The article deals with the ideas about romantic love in the song genre. The research is based Spanish-language texts of Julio Iglesias' songs. It is established that romantic love is a rather vague concept that allows at least four interpretations: love-passion, intensity of love in general, falling in love and a specific love feeling that has its own characteristics. A generalization of the interpretations of romantic love indicates that it is a subspecies of erotic love, in which value and depression-euphoria moments are accentuated and a dramatic color is added to the circumstances of the evolution of this feeling. In Spanish, the feeling of love is verbalized through the triad *amor*, *querer*, *cariño*, where *amor* is the name of the generic concept of love, and *querer* and *cariño* are mainly focused on conveying its subspecies associated with the desire for physical intimacy and the desire for the good for the beloved. The texts of the song repertoire of Julio Iglesias are dominated by the characteristics of romantic love: a reference to tragic and dramatic life circumstances –

betrayal and loss of love, separation, lack of reciprocity, doubts about fidelity, jealousy; features that are predominantly characteristic of the initial stage of love – bursts of euphoria and depression, a feeling of joy and grief, pleasure and suffering; manifestations of love affection – are mentioned frequently. The reflex of romanticism in the lyrics of Julio Iglesias is the deification of the object of love, confidence in the constancy of love, the opposition of “authentic” and “non-authentic” love, the idea of the merging of lovers into a single whole.

Keywords: love, romanticism, romantic love, song genre, verbalization, being in love, caritativity, eroticism

For citation: Vorkachev S. G. Amor: Verbalization of romantic love in the song genre. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 275–282 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-275-282>, EDN: AIGTQM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Из всех страстей души, составляющих для человека «бытия условие и пищу» (Е. Баратынский), наиболее сложным и значимым представляется любовь, включающая в себя целую гамму различных иногда противоречивых эмоционально-волевых моментов: два вида желания – обладания и желания блага своему предмету, порою ненависть, вызываемую зависимостью от этого предмета, а также радость и наслаждение, страдание и боль, жалость и сочувствие, ощущение счастья и горя... В то же самое время любовь полиморфна как, наверное, никакая другая этическая категория: число её внутривидовых разновидностей, определяемых своим предметом, стремится чуть ли не к бесконечности. Когда-то о любви сказано, что «тайна сия велика есть» (Ефес. 5: 31–32), и это, конечно, верно в отношении источника этого чувства у человека и выбора его предмета, однако, этот факт не препятствует попыткам дать определение любви и выстроить таксономическую модель классификации её разновидностей.

В прямом, неметафоризованном смысле, когда из числа таких разновидностей исключается положительное отношение к предметам и абстракциям (патриотизм, философия, филология и пр.), любовь – это исключительно межличностное чувство, возникающее между её протагонистами, обладающими сознанием и способными испытывать эмоции, – любящим и любимым, характер отношений между которыми может быть положен в основу классификационного деления. В первом же приближении любовь «по крови» (родительская, сыновья, братская и пр.) отделяется от любви, свободной от кровнородственных связей, – половой, эротической [1: 216]. Достаточно многочисленные разновидности межличностного чувства «свободной», неродственной любви выделялись уже во времена Античности: древнегреческие философы говорили об эросе – любви-страсти, филии – любви-

дружбе, агапе – любви-эмпатии, сторге – любви-нежности и любви-заботе, людусе – любви-забаве и любви-игре, мании – любви-одержимости, прагме – любви-расчете и любви-привычке, филаутии (филатии) – любви к себе [2], к которым в Новое время добавились любовь-тщеславие [3: 363–364] и любовь-виктория – любовь-борьба [4]. Межличностные отношения любовных партнеров могут характеризоваться по различным признакам: например, в основу деления видов любви кладутся власть и статус [5], «цвета любви» выделяются на основании глубины и интенсивности чувства [6] и пр.

Обзор литературы

«Любовь никогда не перестает» (1-Кор. 13: 9), не прекратится, очевидно, и изучение этого сложнейшего и культурологически значимого морального чувства, которое как привлекало, так и привлекает интерес философов, пытающихся найти его сущностные основания и непротиворечиво классифицировать его виды [2, 5, 7, 8], психологов, дающих рекомендации успешного межличностного общения и благополучной семейной жизни [9, 10], культурологов и социологов, фиксирующих эволюцию любви в общественном сознании и в общественных отношениях [11–13]. Отдельное внимание уделяется такой выделяемой относительно недавно разновидности эмоционального влечения, как романтическая любовь [10, 12, 14, 15].

Естественно, с антропологическим разворотом парадигмы гуманитарного знания в конце прошлого века мимо проблематики любви не могла пройти наука о языке: разрабатывалась общая лингвокультурологическая проблематика этого морального чувства [16, 17], рассматривалась его дискурсивная реализация [18], также не осталась без внимания вербализация любви в песенном жанре [19, 20].

Романтическая любовь

Столь популярное сегодня выражение «романтическая любовь» восходит к представлениям о куртуазной (придворной), возвышенной и утонченной любви (*fin amour*) средневековых рыцарей к Прекрасной Даме, воспеваемой с XII века в поэзии трубадуров и менестрелей, и в определенном смысле, верно, что идеал романтической любви возник с первым глотком любовного зелья, выпитого Тристаном [15]. Подобное высокое и в значительной мере платоническое чувство к недоступной возлюбленной было в то время уделом избранных, знати, «элиты» того времени. Безусловно, на эволюцию представлений о романтической любви оказало в XIX веке влияние литературно-философское течение романтизма, идеализировавшее любовь, придававшее ей мистический характер, характер высшей, чуть ли не религиозной ценности, создававшее её культ.

К середине XX века романтическая любовь демократизировалась, стала достоянием широких масс и эталоном моды – образцом для подражания. Возник своего рода культ романтической любви, поддерживаемый и обслуживаемый литературой и кинематографом, она обожествлялась, ей поклонялись, любить по-настоящему стало возможным только романтически. Романтическая любовь, как и любой модный предмет, коммерциализовалась: её атрибутика превратилась в ходовой товар [12], появился «конsumerический» праздник романтической любви – День святого Валентина.

Ставшее привычным словосочетание «романтическая любовь» скрывает за собой в достаточной мере смутное понятие, распадающееся как минимум на четыре смысловых варианта. Чаще всего под «романтической любовью» понимается эротическая (она же плотская, чувственная, половая) любовь, любовь-страсть, выступающая в обыденном сознании прототипом и эталоном любви вообще [7: 388]. Во втором понимании романтическая любовь – это всего лишь интенсив эротической любви, отличающийся от первой лишь глубиной и силой переживания. Эротическая любовь – чувство развивающееся, динамичное, имеющее свой жизненный цикл, в котором выделяются определенные этапы, первым из которых является влюбленность, и именно с нею отождествляется романтическая любовь. И, наконец, под романтической любовью понимается специфичная, отдельная разновидность межличностного чувства, обладающая своими собственными, отдельными характеристиками, отличная и от влюбленности, и от любви-страсти [11: 63].

Наблюдения над толкованием романтической любви в самых разных источниках свидетельствуют о том, что в число её отличительных признаков включаются:

- возвышенный характер чувства;
- экзальтация, высокая степень его эмоционального накала;
- сексуальное влечение, желание близости;
- каритативность – забота и нежность по отношению к партнеру, интерес и внимание к его жизни;
- центральное положение предмета любви в системе личностных ценностей любящего;
- готовность идти на любые жертвы для любимого человека;
- идеализация предмета любви;
- равенство власти и статуса обоих партнеров;
- драматизм и трагизм, связь со страданием и смертью;
- фокусирование интереса любящего не столько на партнере, сколько на самом чувстве;
- динамизм чувства и его последствия – разочарование, измена, расставание;
- готовность к неразделенной любви, покинутости;
- страх потерять любимого;
- неуверенность в отношении сохранения любовных отношений;
- зависимость от предмета любви;
- исключительность, единственность и неповторимость предмета любви;
- готовность прощать;
- уверенность, в том, что в другой раз с такой силой полюбить невозможно, что настоящая любовь – единственная;
- уверенность в том, что любовь будет длиться всю жизнь.

Сопоставление полученного списка характеристик романтической любви со списком характеристик эротической любви, выявленных в научном дискурсе – в этических и психологических исследованиях и словарях [16, 17: 53–54], свидетельствует о том, что наиболее существенные, дефиниционные признаки «просто» любви (сексуальное влечение, желание близости, аксиологическая центральность предмета любви, его исключительность, готовность к жертвам во имя любви, каритативность, депрессивно-эйфорические симптомы, снисходительность к недостаткам любимого, идеализация предмета любви, зависимость от него) повторяются в списке признаков любви романтической. Признаки же романтической любви, не совпадающие с признаками любви по данным научного дискурса, носят преимущественно периферийный характер: они связаны либо

с жизненными обстоятельствами протагонистов (связь со страданием и смертью, разлука и измена), либо со сторонней оценкой этого чувства (фокусирование интереса любящего на самом чувстве), либо совсем необязательны (готовность к неразделенной любви, страх потери, неуверенность в будущем, уверенность в невозможности повторной любви, уверенность в неизменности чувства).

Как представляется, отличие романтической любви от эротической любви вообще заключается не столько в семантическом наполнении модели этих чувств, сколько в смещении акцентов с одних признаков на другие, когда факультативные, дополнительные признаки любви становятся обязательными, абсолютизируются и гиперболизируются, когда случайные обстоятельства любовной связи становятся обязательным условием «настоящей любви».

Обобщение толкований романтической любви, которая заставляет вас ощущать «бабочек в области живота» (*sweetness in the belly*), как представляется, позволяет говорить о том, что это подвид (модус) эротической любви, в котором акцентируются ценностный и депрессивно-эйфорический моменты, идеализация предмета любви и добавляется драматический окрас в обстоятельства эволюции этого чувства. К чему можно добавить, что, как ни странно, большими романтиками здесь оказываются мужчины, а не женщины [9].

Любовь – крайне интимное чувство, для передачи которого подходит лирическая поэзия, в которой находят свое воплощение самые задушевные переживания, поэтому совсем не случайно в лингвистике семантика этого морального чувства и употребление его языковых показателей исследуются на материале стихотворных произведений, лирический эффект которых музыка только усиливает, и, соответственно, тексты песен представляются излюбленным иллюстрационным материалом лингвистической «амурологии».

Испанский певец Хулио Иглесиас (Julio José Iglesias de la Cueva) – долгожитель мировой эстрады, с которой он не сходит уже более полувека. Со своим «бархатным» голосом Хулио Иглесиас, несомненно, самый именитый соловей романтической любви: в его разноязыкой дискографии любовь присутствует в названиях чуть ли не десятка альбомов, эпитет «романтический» – пожалуй, самый употребительный рекламный атрибут его произведений. Думается, тексты песен репертуара Хулио Иглесиаса представляют собой благодатный материал для исследования вербализации как роман-

тической любви, так и любви вообще. Для анализа были отобраны 35 текстов песен на испанском языке из репертуара Хулио Иглесиаса, содержащих имена любви и отражающих ситуацию и мотивы этого чувства, причем в большей части этих песен Иглесиас выступает как поэт (*letrista*) или композитор, а в десяти – как тот и другой, что позволяет рассматривать отношение певца к любви как часть его индивидуально-авторского мира.

Romantic Classics

В текстах песенного репертуара Хулио Иглесиаса, хотя и несколько выборочно, с различной степенью частотности и интенсивности, присутствуют основные характеристики эротической любви вообще, в то время как характеристики любви романтической здесь явно доминируют.

Так, чуть ли не в каждой песне присутствует отсылка к жизненным обстоятельствам, создающим трагизм и драматизм романтической любви: измене и утрате любви, разлуке, безответности, сомнениям в верности, ревности. Это, прежде всего, измена, утрата прежнего чувства и уход любимого: *Será que el cariño que juraste / Que al principio me mostraste, está casi por morir* – Наверное, любовь, в которой ты клялась, которую ты показала мне сначала, вот-вот умрет (*Cuidado amor*); *Ahora vuelve, trae de nuevo mi sonrisa / Que sin ti no puedo ser feliz* – Теперь вернись, верни мне мою улыбку, потому что без тебя я не могу быть счастлив (*Mal acostumbrado*); *Dime, si tú te vas, dime cariño mío / Quién me va a curar el corazón partío* – Скажи мне, если ты уйдешь, скажи мне, моя дорогая, кто исцелит мое разбитое сердце? (*Corazón partío*); *Abrázame / Como si fuera ahora la primera vez / Como si me quisieras hoy igual que ayer* – Обними меня как будто в первый раз, как будто ты любишь меня сегодня так же, как любила вчера (*Abrázame*). Присутствует здесь, конечно, разлука – *separación*: *Pero, ¿qué importa la vida / con esta separación?* – Но, чего стоит жизнь в такой разлуке? (*Somos*); *Olvida lo triste que / vivir separados fue* – Забудь, как было грустно жить в разлуке (*Quiéreme*); *Es imposible mi cielo / Tan separados vivir* – Невозможно, мое сердце, жить в такой разлуке (*Quiéreme mucho*). Присутствуют здесь и ситуация несчастной, безответной любви (*Tú no sabes qué se siente / Cuando alguien que tú quieres no te quiere* – Ты не знаешь, каково жить, когда тот, кого ты любишь, не любит тебя – *Pobre Diablo*), готовность любить нелюбящего (*Y hasta te admito que tu amor me lo mintieras / Te adoraría aunque tú no me quisieras* – И я даже допускаю, что

твоя любовь притворна, я обожал бы тебя, даже если бы ты меня не любила – *Espera*) и ревность (*Y yo sintiendo celos pensando en ella / Perdido entre la duda y la neblina* – Потерянный в сомнениях и тумане, я чувствую ревность при мысли о ней – *La carretera*).

Почти в половине песен отражаются черты, свойственные преимущественно начальной стадии любви – всплески эйфории и депрессии, ощущение радости и горя, наслаждения и страдания с явным креном в сторону последнего: *Que a tu lado como nunca me sentí* – Рядом с тобой я чувствовал себя как никогда (*Amor de mis amores*); *Soy dichoso como nadie, / porque cada día me espera, / la dulzura de sus besos, / y ese amor inmenso que me da Manuela* – Я счастлив, как никто другой, потому что каждый день ждет меня сладость поцелуев и безмерная любовь Мануэлы (*Manuela*); *Y nunca olvido lo que he sufrido por tanto amor* – И я никогда не забуду, сколько я выстрадал из-за такой любви (*Corazón de papel*); *Yo con tus besos y tus caricias / Mis sufrimientos acallaré* – Твои поцелуи и ласки успокоят мои страдания (*Quiéreme mucho*); *Desde el día que te fuiste / Siento angustias en mi pecho* – С того дня, как ты ушла, я чувствую тоску в моем сердце (*Cumparsita*); *Desde que se fue / Triste vivo yo* – С того дня, как ты ушла, я живу в печали (*Caminito*). Опять же чуть ли не в половине текстов упоминаются проявления любовной ласки – поцелуи, объятия и пр.: *Nunca pude imaginar que por un beso / Tú llegaras a cambiar así en mi vida* – Я никогда не мог себе представить, что одним поцелуем ты так изменишь мою жизнь (*Por un poco de tu amor*); *En tus besos yo encontraba / El calor que me brindaba / El amor y la pasión* – В твоих поцелуях я находил тепло, которое давало мне любовь и страсть (*Historia de un amor*); *Abrázame / Y no me digas nada, solo abrázame* – Обними меня и ничего мне не говори, просто обними меня (*Abrázame*); *Y cuando me acaricias y me abrazas / Me quedo sin palabras* – И когда ты меня ласкаешь и обнимаешь, я теряю дар речи (*Mal acostumbrado*); *Aún me quedan en mis manos primaveras / Para colmarte de caricias todas nuevas* – У меня еще остались силы, чтобы осыпать тебя все новыми ласками (*Espera*); *Tengo mil noches de amor que regalarte* – Я могу подарить тебе еще тысячу ночей любви (*Espera*); *Y es que ya me acostumbré / a tu forma de entregarte / al calor que hay en tu piel / y al placer de acariciarte* – Дело в том, что я привык к тому, как ты отдаешься, к теплу твоего тела и к наслаждению ласкать тебя (*Ni te tengo ni te olvido*).

Из дефиниционных, существенных семантических характеристик любви, отличающих её от всех прочих положительных чувств, в текстах песен Хулио Иглесиаса наиболее представительным оказывается признак центральности предмета любви в системе жизненных благ человека (12 появлений) и импликаций такого аксиологического доминирования, когда любви придается статус источника (фактора) наивысшего счастья и сопряженного с ним смысла жизни, утрата которых равносильна смерти: *Siempre fuiste la razón de mi existir* – Ты всегда была смыслом моего существования (*Historia de un amor*); *El amor es presentir / esa luz del corazón / que nos hace vivir* – Любовь – это предчувствие того света сердца, который заставляет нас жить (*El amor es presentir*); *Sólo sé que existo por mi amor Manuela* – Я только знаю, что существую ради моей дорогой Мануэлы (*Manuela*); *Cualquier felicidad sería poca / Por tener solo un poco de tu amor* – Немножечко твоей любви больше твоего счастья (*Por un poco de tu amor*); *Sin tu amor no viviré* – Без твоей любви мне не прожить (*Historia de un amor*). Такой отличительный признак эротической любви, как уникальность, единственность её предмета, платоновская адресная предназначенность «второй половинки», а также уникальность и исключительность самого чувства, определяющие неизбежность безответной любви, в текстах песен Хулио Иглесиаса упоминаются достаточно нередко (7 появлений): *Y yo en mis brazos te enseñé / Que a nadie más puedo querer* – И моих объятиях я доказал тебе, что я больше никого не могу полюбить (*A veces tú, a veces yo*); *Pero sé que después de ti / Después de ti no hay nada* – Но я знаю, что после тебя ничего не будет (*Corazón partío*); *Y es que a fuerza de ignorarme has conseguido / Que te quiera como a nadie yo he querido* – И, не обращая на меня внимания, ты добилась, что я люблю тебя, как никого не любил (*Pobre diablo*). Почти с такой же частотой (6 появлений) упоминается еще один признак любви, в том числе и эротической, – каритативность, раскрывающаяся в заботе о любимом и его благополучии, нежности, ласке, готовности к жертвам и готовности прощать: *Yo que tanto te he cuidado / Y por ti tanto he llorado* – Я так заботился о тебе и так много из-за тебя плакал (*Cuidado amor*); *Quién me tapará esta noche si hace frío* – Кто прикроет меня сегодня вечером одеялом, если будет холодно (*Corazón partío*); *Y pensar que te adoraba tiernamente* – И только подумать, что я нежно обожал тебя (*Amor de mis amores*); *Lleno estoy de razones pa'*

despreciarte / y sin embargo quiero que seas feliz – У меня полно причин презирать тебя и все же я хочу, чтобы ты была счастлива (Echame a mi la culpa); *El amor / es perdonarse todo sin reproches y olvidar / para volver a comenzar* – Любовь означает без упреков все простить и забыть, чтобы начать сначала (El amor).

Рефлексом романтизма в текстах песен Хулио Иглесиаса представляется обожествление предмета любви (4 появления), передаваемое через глагол *adorar*, производный от лат. *ad+orare*: **Adorarte para mi fue religión** – Обожать тебя было для меня верой (Historia de un amor); *Quiéreme mucho, dulce amor mío / Que amante siempre te adoraré* – Люби меня, моя радость, любя, я всегда буду обожать тебя (Quiéreme mucho). По паре раз в этих текстах появляются прямые отсылки к эротизму (*Y es que ya me acostumbré / a tu forma de entregarte* – Дело в том, что я привык к тому, как ты отдаешься – Ni te Tengo ni te olvido), романтическая уверенность в постоянстве любви (*Te seguiré queriendo cada día más / esperaré a que vuelvas, si te vas* – Я буду любить тебя сильнее с каждым днем, я буду ждать, когда ты вернешься, если ты уйдешь – *Abrázame*), противопоставление любви «настоящей» и «ненастоящей» (**Amor de verdad, primera vez sentí y fue contigo amor** – Настоящему любви я впервые почувствовал с тобой – *Mal acostumbrado; Cuando se quiere de veras* – Когда ты по-настоящему любишь – Quiéreme mucho). Только дважды отмечается здесь связь любви с красотой (*Porque el fuego de tus lindos ojos negros / alumbraron el camino de otro amor* – Потому что огонь твоих прекрасных черных глаз осветил путь другой любви – *Amor de mis amores; Como noche como sueños, / son los ojos negros, / de mi amor Manuela. / Como espiga en primavera, / como luna llena es mi amor Manuela* – Как ночь, как сон, черные глаза моей дорогой Мануэлы. Как колос весной, как полная луна, моя любовь Мануэла – *Manuela*) и только раз упоминается зависимость от предмета любви (*Amor de mis amores reina mía / que me hiciste / que no puedo consolarme / sin poderte contemplar* – Моя любовь, моя королева, что ты со мной сделала: я не могу утешиться, если не вижу тебя – *Amor de mis amores*).

Заключение

Словосочетание «романтическая любовь» скрывает за собой в достаточной мере смутное понятие, распадающееся как минимум на четыре смысловых варианта: под «романтической любовью» понимается эротическая

любовь, любовь-страсть, выступающая в обыденном сознании прототипом и эталоном любви вообще, в другом понимании романтическая любовь – это всего лишь интенсив эротической любви, в третьем – романтическая любовь отождествляется с влюбленностью и, наконец, под романтической любовью понимается отдельная разновидность межличностного чувства, обладающая своими собственными характеристиками, отличная и от влюбленности, и от любви-страсти.

Сопоставление характеристик романтической любви с характеристиками эротической любви, выявленными в научном дискурсе, свидетельствует о том, что дефиниционные признаки «просто» любви повторяются в списке признаков любви романтической, в то время как признаки романтической любви, не совпадающие с признаками любви по данным научного дискурса, носят преимущественно периферийный характер: они связаны либо с жизненными обстоятельствами протагонистов, либо со сторонней оценкой этого чувства, либо совсем необязательны. Отличие романтической любви от эротической любви вообще заключается не столько в смысловом наполнении семантической модели этих чувств, сколько в смещении акцентов с одних признаков на другие, когда факультативные, дополнительные признаки любви становятся обязательными, абсолютизируются и гиперболизируются, когда случайные обстоятельства любовной связи становятся неперенным условием «настоящей любви». Обобщение толкований романтической любви позволяет говорить о том, что это подвид эротической любви, в котором акцентируются ценностный и депрессивно-эйфорический моменты и добавляются драматический окрас в обстоятельства эволюции этого чувства.

«Номинативная плотность» концепта «любовь» в испанском языке достаточно высока: это чувство здесь представлено триадой *amor, querer, cariño*, где *amor* – имя родового понятия любви, а *querer* и *cariño* преимущественно ориентированы на передачу её подвидов, связанных с желанием физической близости и желанием блага любимому, соответственно.

В текстах песенного репертуара Хулио Иглесиаса с различной степенью частотности и интенсивности, присутствуют основные характеристики эротической любви вообще, в то время как характеристики любви романтической здесь явно доминируют.

Чуть ли не в каждой песне присутствует отсылка к жизненным обстоятельствам, создающим трагизм и драматизм романтиче-

ской любви: измене и утрате любви, разлуке, безответности, сомнениям в верности, ревности. Почти в половине песен отражаются черты, свойственные преимущественно начальной стадии любви – всплески эйфории и депрессии, ощущение радости и горя, наслаждения и страдания с явным креном в сторону последнего. Опять же чуть ли не в половине текстов упоминаются проявления любовной ласки – поцелуи, объятия и пр.

Из дефиниционных, существенных семантических характеристик любви, отличающих её от всех прочих положительных чувств, в текстах песен Хулио Иглесиаса наиболее представительным оказывается признак центральности предмета любви в системе жизненных благ человека и импликаций такого аксиологического доминирования, когда любви придается статус источника (фактора) наивысшего счастья и сопряженного с ним смысла жизни, утрата которых равносильна

смерти. Такой отличительный признак эротической любви, как уникальность её предмета, а также уникальность и исключительность самого чувства, определяющие высокую вероятность безответной любви, в текстах песен Хулио Иглесиаса упоминается достаточно нередко. Почти с такой же частотой упоминается еще один признак любви – каритативность, раскрывающийся в заботе о любимом и его благополучии, нежности, ласке, готовности к жертвам и готовности прощать.

Рефлексом романтизма в текстах песен Хулио Иглесиаса представляется обожествление предмета любви, изредка в этих текстах появляются прямые отсылки к эротизму, романтическая уверенность в постоянстве любви, противопоставление любви «настоящей» и «ненастоящей», связь любви с красотой и зависимость от предмета любви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев В. С. Любовь // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб. : Типография Акционерного Общества Ф. А. Брокгауз – И. А. Эфрон, 1896. Т. 18. С. 216–217.
2. Hendrick C., Hendrick S. A Theory and Method of Love // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 50, № 2. P. 392–402.
3. Стендаль. О любви // *Собрание сочинений*: в 15 т. Т. 4. М. : Правда, 1959. С. 357–574.
4. Философия любви. Какие существуют виды любви? Восемь видов любви. Формы любовных отношений. URL: <https://iia-rf.ru/men/filosofiya-lyubvi-kakie-sushchestvuyut-vidy-lyubvi-vosem-vidov/> (дата обращения: 03.11.2021).
5. Kemper T. Power and status and the power-status theory of emotions // *Handbook of the Sociology of Emotions* / eds. J. E. Stets, J. H. Turner. New York : Springer, 2006. P. 87–112.
6. Lee J. A. The colors of love: An exploration of the ways of loving. Don Mills (Ontario) : New Press, 1973. 294 p.
7. Ивин А. А. Многообразный мир любви // *Философия любви*. Ч. 1. М. : Политиздат, 1990. С. 380–509.
8. Rougemont D. de. Love in the Western World. Princeton, New Jersey : Princeton UP, 1983. 392 p.
9. Ильин Е. П. Психология любви. СПб. : Питер, 2018. 332 с. URL: https://bookap.info/book/ilin_psihologiya_lyubvi/ (дата обращения: 14.10.2021).
10. Пятилетова Л. В. Психология (романтической) любви // *Тенденции развития науки и образования*. Самара: Л-Журнал, май, 2019. № 5, ч. 8. С. 62–65. <https://doi.org/10.18411/lj-05-2019-170>
11. Гудденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб. : Питер, 2004. 208 с.
12. Ilouz E. Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism. University of California Press, 2019. 392 p. <https://doi.org/10.1525/9780520917996>

13. Shumway D. Modern Love: Romance, Intimacy, and the Marriage Crisis. NYU Press, 2003. 290 с.

14. Короленко Ц. П. Романтическая любовь и сексуальная аддикция. URL: <http://www.lyubi.ru/psy107.php> (дата обращения: 17.10.2021).

15. Пушкарев Е. П. «Романтическая любовь»: аспекты, анализ и последствия. URL: <http://www.lyubi.ru/psy23.php> (дата обращения: 14.10.2021).

16. Воркачев С. Г. К лингвоконцептологии моральных чувств: любовь // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*: сб. науч. тр. Вып. 7. Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. А. Хетагурова, 2005. С. 41–47.

17. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2007. 284 с.

18. Воркачев С. Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта (1): Любовь-милость // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2005. Т. 64, № 4. С. 46–55.

19. Смоленцева М. В. Эмоциональный концепт «любовь» в песенном дискурсе (на материале русского, немецкого и горномарийского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2009. 22 с.

20. Werner V. Love is all around: A corpus-based study of pop lyrics // *Corpora*. 2012. Vol. 7, № 1. P. 19–50. <https://doi.org/10.3366/cor.2012.0016>

REFERENCES

1. Solov'ev V. S. Love. *Entsiklopedicheskii slovar'*. Izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron [F. A. Brokgauz, I. A. Efron, publ. Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, Tipografiya Aktsionernogo Obshchestva F. A. Brokgauz – I. A. Efron, 1896, vol. 18, pp. 216–217 (in Russian).
2. Hendrick C., Hendrick S. A Theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, vol. 50, no. 2, pp. 392–402.
3. Stendhal. About love. *Sobranie sochinenii: v 15 t. T. 4* [Collected works: in 15 vols. Vol. 4]. Moscow, Pravda, 1959, pp. 357–574 (in Russian).
4. *Philosophy of love. What are the types of love? Eight kinds of love. Forms of love relationships*. Available at:

<https://iia-rf.ru/men/filosofiya-lyubvi-kakie-sushchestvuyut-vidy-lyubvi-vosem-vidov/> (accessed November 03, 2021) (in Russian).

5. Kemper T. Power and status and the power-status theory of emotions. In: Stets J. E. Turner J. H., eds. *Handbook of the Sociology of Emotions*, New York, Springer, 2006, pp. 87–112.

6. Lee J. A. *The colors of love: An exploration of the ways of loving*. Don Mills (Ontario), New Press, 1973. 294 p.

7. Ivin A. A. The diverse world of love. *Filosofia liubvi* [Philosophy of love]. Part 1. Moscow, Politizdat, 1990, pp. 380–509 (in Russian).

8. Rougemont D. de. *Love in the Western World*. Princeton UP, Princeton, New Jersey, 1983. 392 p.

9. Il'in E. P. *Psikhologiya liubvi* (Psychology of love). Saint Petersburg, Piter, 2018. 332 p. Available at: https://bookap.info/book/ilin_psihologiya_lyubvi/ (accessed October 14, 2021) (in Russian).

10. Piatiletova L. V. Psychology of (romantic) love. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*. Samara, L-Zhurnal, May, 2019, no. 50, part. 8, pp. 62–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18411/lj-05-2019-170>

11. Giddens E. *Transformatsiia intimnosti: Seksual'nost', liubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies]. Saint Petersburg, Piter, 2004. 208 p. (in Russian).

12. Illouz E. *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*. University

of California Press, 2019. 392 p. <https://doi.org/10.1525/9780520917996>

13. Shumway D. *Modern Love: Romance, Intimacy, and the Marriage Crisis*. NYU Press, 2003. 290 p.

14. Korolenko Ts. P. *Romantic love and sexual addiction*. Available at: <http://www.lyubi.ru/psy107.php> (accessed October 17, 2021) (in Russian).

15. Pushkarev E. P. “Romantic love”: Aspects, analysis and consequences. Available at: <http://www.lyubi.ru/psy23.php> (accessed October 14, 2021) (in Russian).

16. Vorkachev S. G. To the linguoconceptology of moral feelings: Love. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki: sb. nauch. tr.* [Actual Problem of Philology and Pedagogical Linguistics: coll. sci. arts]. Vladikavkaz, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurova Publ., 2005, iss. 7, pp. 41–47 (in Russian).

17. Vorkachev S. G. *Liubov' kak lingvokul'turnyi kontsept* [Love as a linguocultural concept]. Moscow, Gnosis, 2007. 284 p. (in Russian).

18. Vorkachev S. G. Discourse variability of the linguistic concept (1): Love-mercy. *The Bulletin of the Russian Academy of Science: Studies in Literature and Language*, 2005, vol. 64, no. 4, pp. 46–55 (in Russian).

19. Smolentseva M. V. *Emotional concept “love” in the song discourse (based on the Russian, German and Mountain Mari languages)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Cheboksary, 2009. 22 p. (in Russian).

20. Werner V. Love is all around: A corpus-based study of pop lyrics. *Corpora*, 2012, vol. 7, no. 1, pp. 19–50. <https://doi.org/10.3366/cor.2012.0016>

Поступила в редакцию 27.02.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.04.2022
The article was submitted 27.02.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 28.04.2022

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 283–293

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 283–293

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-283-293>, EDN: AJZUJR

Научная статья

УДК 811.111'42

Характеристики аналитической статьи как вида публикаций англоязычного масс-медиа дискурса

Е. А. Никонова

МГИМО МИД России, Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Никонова Екатерина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3, ekatnikon2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-4554>

Аннотация. Статья посвящена исследованию характеристик англоязычной аналитической статьи. Актуальность работы обусловлена наличием пробела в исследовании аналитической статьи на примере англоязычных текстов в современной медиалингвистике. В рамках данной работы формулируется определение аналитической статьи как текста, в основе которого лежит аналитический способ отображения действительности и целью которого является демонстрация в сжатом виде максимального объема информации относительно того или иного важного социально-политического вопроса с учетом причинно-следственной связи между различными пластами информации. Таким образом, автор аналитической статьи стремится передать читателю объективную картину происходящего (в контексте имеющейся на данный момент информации) для последующего принятия решения или выработки собственной позиции. Определены тематика и функции аналитической статьи, дана подробная характеристика структуры. Проведенный анализ позволяет выделить такие основные черты аналитической статьи, как аргументативность, точность репрезентации фактов, безэмоциональная манера повествования, наличие критики как инструмента ведения публичного диалога.

Ключевые слова: аналитическая статья, дискурс масс-медиа, аргументативность, безэмоциональность

Для цитирования: Никонова Е. А. Характеристики аналитической статьи как вида публикаций англоязычного масс-медиа дискурса // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 283–293. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-283-293>, EDN: AJZUJR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Analytical article as a mass media genre (based on English mass media texts)

Е. А. Nikonova

MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Ekaterina A. Nikonova, ekatnikon2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-4554>

Abstract. The article which is based on the research of English newspaper texts gives an insight into the characteristics of the analytical article. Due to insufficient studies of the English analytical articles this research direction is still an academic challenge. In the paper the analytical article is defined as a text based on an analytical approach which aims at presenting a comprehensive outlook on significant socio-political issues with a focus on cause-effect relation between different informational blocks. The analytical article is aimed at transmitting an objective coverage of a situation for the readers to form their own opinion and work out behavioral tactics. The research made it possible to single out the following basic characteristics of the analytical article: presence of argumentative framework, accurate fact representation, critical approach as an instrument of public dialogue, absence of emotional narrative, fixed structure, where the conclusion plays a significant role. The paper also defines themes and functions of the analytical article.

Keywords: analytical article, mass media discourse, arguments, fact-based, emotional-based

For citation: Nikonova E. A. Analytical article as a mass media genre (based on English mass media texts). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 283–293 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-283-293>, EDN: AJZUJR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В постиндустриальном обществе особое значение приобретает информация, поскольку возрастает зависимость человека от информационного потока: он живет и ориентируется с его помощью [1]. В результате информационные каналы, форма подачи и объем информации играют все более значимую роль в самых разных областях, включая, прежде всего, сферу принятия решений, которая теперь в наибольшей степени зависит не от оценки рисков и выгод, т. е. содержания информации, но от того, как и в каком объеме она оказывается предоставлена [2]. Данная тенденция оказывает влияние на различные сферы жизни общества и получила освещение во многих научных областях, однако долгое время оставалась вне фокуса внимания лингвистов. Тем не менее существующий общественный запрос на целостное восприятие действительности оказывает значимое влияние на характеристики масс-медиа текстов, одним из очевидных последствий чего является рост популярности текстов, дающих экспертную оценку, при помощи которой читатель может проникнуть в суть явления, получить аргументированное мнение, взвешенные и выверенные оценки, обоснованные позиции, что впоследствии поможет ему принять решение. Одним из основных масс-медиа текстов, позволяющих удовлетворить общественный запрос на объективную оценку существующей информации, является аналитическая статья. Тем не менее работы, посвященные исследованию аналитической статьи, дают весьма фрагментарное представление о данном явлении. Связано это, во-первых, с тем, что в отечественной лингвистике принято различать аналитическую статью в российских и англоязычных СМИ (при этом исследовательский интерес в большей степени сосредоточен на характеристиках первой). Во-вторых, в зарубежной лингвистике фокус внимания сосредоточен не на аналитической статье как жанре или типе текста, а на аналитике как способе отражения действительности. Учитывая вышесказанное, представляется целесообразным дать более подробную характеристику видовым признакам аналитической статьи англоязычной прессы. Для достижения данной

цели нами было проанализировано 50 аналитических статей изданий *the Independent*, *the Guardian*, *the Washington Post* (мы учитывали только те статьи, которые имеют пометку “analysis”, т. е. идентифицируются самим изданием как аналитический материал) за 2020–2021 гг. Актуальность работы обусловлена существующим пробелом в исследовании аналитической статьи на примере англоязычных текстов СМИ, поскольку в отечественной медиалингвистике основные работы по изучению аналитической статьи сосредоточены на текстах русскоязычной прессы. Научная новизна исследования заключается в комплексной систематизации характеристик аналитической статьи как разновидности англоязычного масс-медиа дискурса.

Так как аналитическая статья является достаточно универсальным жанром, то в российской и западной культуре с точки зрения речевых жанровых структур она имеет гораздо больше общих черт, чем различий (что является результатом, с одной стороны, стремления речевых систем различных культур к унификации в результате глобализации [3], а с другой, существенного влияния западной медиалингвистики [4: 44] на российские СМИ в постсоветский период, что привело к очевидному сближению в том числе российской и англоязычной аналитики)¹. В этой связи использование в теоретической части наработок отечественных исследователей видится обоснованным.

В данном исследовании использовалась комплексная методика, основанная на применении элементов дискурсивного и лингвопрагматического анализа при выявлении характеристик аналитической статьи, описательного метода, включающего приемы сопоставления и обобщения эмпирического материала, а также общенаучных методов исследования (наблюдение над языковым материалом, анализ, синтез, сравнение и сопоставление). Отбор материала осуществлялся с помощью метода сплошной выборки. На этапе обработки и систематизации материала исследования использовались методы дефиниционного и контекстуального анализа.

¹ Данное положение является гипотетическим и требует верификации с привлечением обширного эмпирического материала русского и английского языков.

Подходы к интерпретации понятия «аналитическая статья»

Можно выделить два основных подхода к интерпретации понятия «аналитическая статья». В первом случае аналитическая статья рассматривается как элемент целой системы жанров (А. И. Омуралиева [5], А. А. Тертычный [6] / текстов Е. В. Васильева [7], Т. Г. Добросклонская [8], в основе которой лежит аналитический способ отражения действительности, который и находится в фокусе внимания исследователей. В совокупности жанры данной системы образуют направление «аналитическая журналистика». Во втором случае аналитическая статья (Н. С. Бурурева [9], Е. В. Довгаль [10], В. Соколов [11], И. В. Фролова [12] и др.) или информационно-аналитическая статья (К. А. Огнева [4]) приравнивается к понятию «аналитика» и получает подробную характеристику как самостоятельный жанр.

Как упоминалось ранее, в зарубежной лингвистике аналитическая статья как отдельный жанр практически не исследуется. Тем не менее было бы неверно говорить об отсутствии аналитической статьи как самостоятельного явления в зарубежной журналистике. Об этом свидетельствует как эмпирический материал (практически в любом англоязычном издании качественной прессы имеется рубрика “analysis”, в которой печатаются тексты, чьи характеристики соответствуют аналитической статье как отдельному жанру), так и отечественные теоретические наработки. Так, ряд исследований (М. Григорян [13], Т. Г. Добросклонская [8], И. В. Фролова [12]), посвященных вопросу соответствия текстов различных рубрик англоязычных изданий жанру «аналитическая статья», выделяют “leader”, “editorial”, “comment”, “opinion”, “analysis” как тексты, соответствующие жанру «аналитическая статья». Представляется, что данный тезис требует более углубленного анализа и уточнения. Действительно, данные тексты относятся к родовому для них понятию «статья» и во многом похожи, перенимая черты друг друга. Тем не менее они не могут быть отнесены к одному жанру ввиду различных целевых установок (в случае текстов рубрик “leader”, “editorial”, “comment”, “opinion” – это выразить мнение и воздействовать на адресата; в случае аналитической статьи (текстов рубрик “analysis”) первостепенными будут информативная функция и функция предоставления объективного анализа ситуации), а также существенных различий в соотношении объективного и субъективного (не случайно именно этот признак берется в качестве дифференциального, например, в работах Е. В. Васильевой [7] и Т. Г. Добросклонской [8]). В текстах руб-

рик “leader”, “editorial”, “comment”, “opinion” могут в большей или меньшей степени присутствовать элементы анализа, но данная характеристика не является ведущей или даже обязательной, в то время как ключевым маркером для определения статьи как аналитической является использование автором различных форм и методов анализа, т. е. аналитики.

Понятие «аналитика» как основа формирования аналитической статьи

Аналитическая статья базируется на аналитическом подходе к рассмотрению проблемы / ситуации, поэтому для понимания ее природы необходимо обратиться к понятию «аналитика», которое берет свое начало в работах по логике Аристотеля [14] и является одним из важнейших понятий научной методологии. Аналитика, как правило, трактуется как совокупность научных методов (анализ, синтез, обобщение и прогноз) и выступает в качестве промежуточного этапа между сбором данных и принятием эффективных решений. Аналитические методы познания относятся к способам формирования научного, а также экспертного знания, и представляют собой «часть активного процесса глубокого и системного познания чего-либо» [15: 81].

В лингвистике понятие «аналитика» получило неоднозначную интерпретацию. Так, по мнению Л. П. Белякова [16] и А. И. Омуралиевой [5], аналитика исключает авторское мнение, а любой комментарий имеет под собой глубокий исследовательский подход. «Обязательным условием аналитической журналистики является правдивость, достигаемая лишь на основе диалектических и эффективных конструктивных методов познания мира, базирующихся на аналитических методах научного познания эвристического типа и реалистических способах его эстетического творческого отражения» [16: 73].

Согласно другому взгляду, разделяемому, в частности, Д. Ц. Доржиевой [17], К. А. Огневой [4] и А. А. Тертычным [5], аналитика включает в себя авторское мнение и оценку. При этом мнение и оценку автор формулирует на основе логических выводов и подтверждает достаточным количеством аргументов; автор избегает эмоциональности и приемов воздействия / манипуляции при их формулировании. Здесь присутствует ряд радикальных позиций, согласно которым аналитика приравнивается к мнению (Н. В. Куницына [18]) или подразумевает субъективное мнение (Е. В. Васильева [7]). Одной из причин такого взгляда может быть распространенная позиция, согласно которой принято разделять отечественную и зарубежную журналистские

традиции; особое внимание уделяется специфике их развития. В результате высказывается точка зрения, что аналитика, сложившаяся на постсоветском пространстве, носит более субъективный характер и выступает как журналистика мнений, в то время как западная журналистика базируется на фактах, приобретающая статус объективной аналитики (см., например, М. Григорян [13]). Однако большинство исследователей в рамках данного подхода сходятся во мнении, что аналитика как способ отражения действительности является универсальным феноменом независимым от кросс-культурных особенностей и сочетает информационную стратегию и стратегию выражения мнения или оценки на основе анализа и доказательства (А. В. Соломина [19], И. В. Фролова [12], др.). В рамках нашего исследования этой позиции будем придерживаться и мы, поскольку считаем, что аналитическая статья, будучи частью дискурса масс-медиа, не может полностью исключать авторское мнение (как, например, нотариальный акт), но при этом высказываемое автором мнение должно иметь под собой доказательную базу (иначе стирается разница между аналитической статьёй и, например, текстом рубрики «comment»). Ниже нами будут уточнены характеристики аналитической статьи как вида публикации англоязычного масс-медиа дискурса.

Характеристики «аналитической статьи»

Как говорилось ранее, ключевой дифференциальной характеристикой аналитической статьи является то, что она базируется на аналитических методах познания мира. Тем не менее анализ практического материала нашего исследования позволяет нам выделить присутствие и других специфических характеристик.

1. Тематика и функции аналитической статьи

В фокусе внимания автора аналитической статьи находится некая важная с точки зрения общества проблема или ситуация. Данная позиция находит отражение в большинстве определений аналитической статьи (Л. Р. Дускаева [20], А. А. Тертычный [6], И. В. Фролова [12]). Так, Л. Р. Дускаева указывает на то, что «стилистическое мастерство в жанре аналитической статьи заключается именно в том, чтобы сформулировать общественную проблему таким образом, чтобы читатель осознал невозможность сохранения существующего положения дел в общественной жизни» [20: 274]. При этом, поскольку сегодня все большее значение приобретает политика [21:

18], оказывающая влияние на самые разные сферы нашей жизни, то целесообразно говорить, что в основе англоязычной аналитической статьи лежит требующий внимания социально-политический вопрос.

Что касается функций аналитической статьи, то исследователями выделяется достаточно обширный список таких функций, как, например, «инициировать размышления, действия, связанные с предметом отображения в публикации» [6: 263]; осветить проблемы таким образом, «при котором каждый читатель должен понять, что сохранение существующего положения дел в общественной жизни совершенно недопустимо» [20: 274]; «показать возможные пути решения проблемы» [11: 30]; обеспечить «глубокое исследование предмета с целью выявления его истоков, механизма, движущих сил, вероятных последствий» [10: 360]; др. Действительно, в той или иной мере данные функции могут лежать в основе авторского замысла аналитической статьи. Однако ключевой, неизменной задачей автора, пишущего в данном жанре, является демонстрация в сжатом виде максимального объема информации касательно того или иного важного социально-политического вопроса с учетом причинно-следственной связи между различными пластами информации. В результате на основе предоставленной объективной картины происходящего (в контексте имеющейся на данный момент информации) читатель может принять решение или выработать собственную позицию.

2. Четкая структура

Анализ работ, посвящённых аналитической статье, свидетельствует о том, что аналитическая статья имеет достаточно четкую структуру, которую можно условно разделить на четыре части: информативный блок; формулировка проблемной ситуации; аналитический блок; вывод.

Информативный блок (по типологии К. А. Огневой [4] – зачин, А. А. Тертычного [6] – введение) содержит основные детали обсуждаемой проблемы / ситуации и может варьироваться по объему от двух предложений до нескольких абзацев. В информативном блоке автор дает краткое описание событий, предшествующих проблемной ситуации, которой посвящена сама статья, или спровоцировавших ее. Как правило, информативный блок строится по принципу ответа на базовые журналистские вопросы «Что?», «Кто?», «Где?», «Когда?», по структуре и стилистике напоминает новостное сообщение:

On Thursday in Mandalay [When?], the second biggest city in Myanmar [Where?], anti-coup protesters and mourners [Who?] chanted

revolutionary slogans while lining the route of the funeral procession for Kyal Sin, 19, who was shot in the head by security forces the day before [What?] (The Washington Post, 5.03.2021).

Своеобразной «границей» между информативным и аналитическим блоками являются одно-два предложения, нередко в форме вопроса, где формулируется основной проблемный вопрос, который будет в фокусе внимания автора в основной части статьи (безусловно, автором могут подниматься и рассматриваться дополнительные темы, напрямую или косвенно связанные с основным проблемным вопросом, если того требует ход изложения статьи).

A major row has erupted between the European Union and the pharmaceuticals giant AstraZeneca over delays to deliveries of its new coronavirus vaccine to the 27-member bloc. <...>

Some are arguing that the EU is dabbling in dangerous “vaccine nationalism”, while others suggest Brussels is lashing out at AstraZeneca to distract attention from its own slow and shambolic vaccine programme, which has left it trailing the UK and other parts of the developed world in terms of vaccinations per capita.

But is this picture accurate? Or is the EU itself the wronged party here and acting in a reasonable way to protect its interests? Let's start with the facts (The Independent, 26.01.2021).

Распространенной является ситуация, при которой в названии самой аналитической статьи формулируется проблемный вопрос, в таком случае зачастую происходит редукция текстовой модели. Так, например, в статье *“How will lives change to hit 2050 emission target?”* (The Independent, 9.12.2021) проблематика статьи сформулирована в названии, а сама статья начинается уже с аналитического блока:

An overhaul to every sector of the UK's economy will be needed if we are to hit net-zero emissions by 2050, according to the UK's independent climate advisers (The Independent, 9.12.2021).

Аналитический блок представляет собой основную часть / тело статьи и посвящен непосредственному анализу проблемного вопроса / ситуации. Поскольку автор аналитической статьи стремится к логичности и доказательности, то часто автор разбивает основную часть статьи на смысловые блоки для большей наглядности. Например, в упомянутой ранее статье *“How will lives change to hit 2050 emission target?”* аналитический блок подразделен на части: *“Why has the CCC produced this report?”*; *“How does the CCC come up with its recommendations?”*; *“What does it mean for transport?”*; *“What does it*

mean for homes?”; *“What does it mean for food and farming?”*, что позволяет читателю более систематично и четко воспринять преподносимую информацию.

Важной составляющей аналитического блока является аргументация. Характерна подчеркнутая логичность аргументов, строгая точность их формулировок [20: 290]. Кроме того, стремление к объективности аналитической статьи подразумевает наличие разносторонней аргументации. Так, структуру тела статьи *“Should people working from home be made to go back into the office?”* можно условно разделить на два блока: в первом приводятся аргументы «за» работу из дома (*A number of studies actually suggest that working from home some of the time improves productivity. Rita Fontinha, associate professor in strategic human resource management at Henley Business School, points to data gathered before the pandemic that indicates a hybrid working system had «significant advantages», including lower absenteeism* (The Independent, 10.08.2021), во втором – «против» (*However, there are disadvantages to working from home. <...> While working from home does offer benefits such as a better balance between work and other commitments, it may also negatively impact mental health in the long term by deepening feelings of isolation for some people, according to Stephen Bevan, head of HR research development at Lancaster University's Institute for Employment Studies* (The Independent, 10.08.2021), – что позволяет автору достичь баланса мнений и предоставить читателю возможность самостоятельно выработать позицию, которой он будет придерживаться в будущем.

Наличие выводов относительно описываемых событий является важнейшей составляющей аналитической статьи, отличающей ее от таких жанров, как репортаж, новостное сообщение, а специфика выводов – от специфики таких жанров, как комментарий, мнение, редакторская статья. Как показало наше исследование, выводы в англоязычной аналитической статье бывают двух типов. Они могут состоять из авторского мнения, выраженного имплицитно, или представлять собой прогноз развития событий или рекомендацию. Ниже приведем примеры обоих видов выводов.

Yet it might be that Labour MPs should have voted for the coronavirus regulations, with which they agree in principle, last night, and saved their abstention for the EU trade deal, so that they can criticize the poor terms that the prime minister is almost certain to agree (The Independent, 2.12.2020).

Статья была посвящена анализу причин, по которым партия лейбористов воздержалась от голосования по поводу повторного локдауна. В выводе автор формулирует совет, как, по его мнению, партии стоило поступить. Наличие модальных глаголов “might” и “should” позволяет снизить категоричность высказывания и затушевать мнение автора.

That world that existed before the pandemic “is over,” said Walker, and that “means that many of the norms and understandings and structures of that world in a post-coronavirus world must be reorganized and dismantled” (the Washington Post, 29.01.2021).

Здесь представлен типичный прием маскировки авторского мнения в выводах в форме цитаты авторитетного лица. В статье обсуждается предложение, высказанное на Давосском форуме, о необходимости «перезагрузки» многих международных систем. Цитата, подытоживающая статью, соотносится с логикой аргументации в основной части статьи, и, очевидно, созвучна позиции самого автора. Так, на протяжении всей статьи автор демонстрировал негативные последствия пандемии (“At least 225 million jobs disappeared worldwide”; “it could take more than a decade for the world’s poorest to recover from its economic impact”), назвав их “мрачными выводами” (“grim conclusions”), с которыми необходимо бороться, а ситуацию, в которой оказался мир – «безвыходным положением» (“impasse”), из которого мир может выйти только за счет пересмотра доковидного миропорядка.

3. Безэмоциональная манера повествования

Для аналитической статьи важна безэмоциональная, объективная манера написания, что сближает ее с научной статьей. Авторские оценки и мнения сведены к минимуму, «несмотря на то, что аналитическая статья пишется с некоторой долей субъективности» [11: 27], выражаемой в авторском выборе аргументов и выхватывании тех граней событий, которые автору кажутся значимыми. Отметим, что для написания аналитической статьи требуется достаточная подготовка, поэтому журналисты, работающие в этом жанре, чаще всего являются узкими экспертами в своей области, что позволяет им в некоторых случаях быть достаточно осведомленными, чтобы давать какие-то оценки / прогнозы самостоятельно. Однако это противоречит основополагающим характеристикам жанра. По замечанию М. Стивенса [22], в результате журналистам приходится прибегать к вуалированию собственных оценок под фразами типа

«some experts say «according to some experts», etc.

On the world stage, analysts see an emerging green-tech race involving the United States, China and the European Union (The Washington Post, 01.02.2021).

«**Some Labour people suggested that one of the reasons for abstaining was to focus attention on divisions among the Conservatives**» (The Independent, 12.02.2020)

Видим, что автор не снабжает приведенные примеры четкими ссылками на источник информации (зачастую журналисты не имеют права раскрывать источник, однако, подобные случаи оговариваются). Вполне логичным видится предположение, что автор в подобных случаях вуалирует собственную оценку, а не прибегает к стратегии воздействия.

Отметим, что, несмотря на стремление аналитической статьи к безэмоциональному изложению, в редких случаях в текстах обнаруживаются примеры использования эмоционально-оценочной лексики (например, “the medication could be the way out of the **Covid dark ages**” (The Independent, 09.11.2020), “Trump’s **ill-judged** comment” (The Independent, 02.11.2020); “a key policy on which Trump and Biden are **massively** different” (The Independent, 02.11.2020), которые также могут выступать в качестве инструмента трансляции авторской оценки, но их присутствие минимально и может быть объяснено «человеческим фактором».

4. Наличие критики как инструмента ведения публичного диалога

Ввиду того что одной из целей аналитической статьи является анализ конфликтной ситуации, а также создание баланса интересов, то её составным элементом является критика. Понятие «критика» междисциплинарно и получает различные трактовки в зависимости от сферы применения. В лингвистике критика соотносится с понятием «оценка» и часто рассматривается как синонимичное [23: 5], т. е. приписывание объекту оценки позитивных или негативных качеств.

Критика разделяется на позитивную / конструктивную и разрушительную / негативную. В аналитике присутствует первый тип, предполагающий диалогичность, наличие нескольких позиций, взаимодополняющих, а также нацеленность на «преодоление обнаружившихся трудностей и проблем» [24: 68]. Подобный вид критики является важным инструментом ведения публичного диалога, поскольку «только при полной сбалансированности мнений авторских и оппонентов можно говорить о приближении к объективности и к некоторой научной аргументированности сделанных

в конце статьи выводов» [11: 27]. Например, в статье *“Just how damaging is the Brexit deal for UK service?”* автором приводится позиция Б. Джонсона касательно последствий сделки по выходу Великобритании из ЕС для рынка услуг, согласно которой Брекзит не повлияет на текущее положение дел (*“There are already immense barriers to UK services – there is no internal market for services in the EU”*). Автор критикует позицию премьер-министра:

This argument from the prime minister suggests that the failure to secure any major liberalisation of services trade in the deal is of little consequence and keeps us roughly where we are at the moment.

Is there any truth in that? Are the concerns about the impact of Brexit on services exaggerated?

The short answer is no. Trade experts agree that the single market – which is designed to remove all regulatory barriers to trade within the European Union – is much more developed in goods than in services, but they reject the claim of the prime minister that there is no single market in services at all in the EU (The Independent, 01.01.2021).

Наличие публичного диалога проявляется в данном примере в попытке автора опровергнуть позицию Б. Джонсона и предоставлении различных позиций по вопросу. Для введения альтернативной точки зрения автор использует вопросно-ответный комплекс (хотя, по замечанию М. А. Кормилициной, данный прием является сегодня привычным для текстов СМИ [25], в данном случае он требует особого исследовательского внимания, потому что автор усиливает эмоционально-воздействующий потенциал вопросно-ответного комплекса за счет использования одновременно двух вопросов; как утверждалось ранее, высокая степень эмоциональности нехарактерна для текста аналитической статьи), что позволяет воссоздать эффект реального диалога. Отметим, что несмотря на существенный воздействующий потенциал данного синтаксического стилистического приема, в дальнейшем автор приводит доказательную базу позиции, основанную на эмпирических методах, что позволяет рассматривать прием как способ структурирования текста и в меньшей степени как способ воздействия.

5. Точная репрезентация фактов

Аналитический материал базируется на фактах, т. е. информационная составляющая образует существенный процент текста. Автор призван избегать преувеличения или подачи неточной информации, должен «быть уверен в актуальности и новизне постановки вопроса» [11: 28]. Цель аналитической статьи

представить необходимые факты, которые читатели будут использовать для формирования собственных мнений, взглядов и убеждений, и в этой связи любое искажение баланса факт – мнение является критичным.

Стремление к точности репрезентации фактов проявляется, во-первых, в обязательном наличии ссылок на источник информации (*“As a rule, women are more likely than men to earn less than \$15 an hour, and Black and Hispanic people are more likely to fall below that threshold than their White and Asian peers, the Washington Post found”* (The Washington Post, 3.03.2021); *“Sources at AstraZeneca agreed that the EU was justified in being aggrieved at the supply shortfall”* (The Independent, 26.01.2021); *The ONS estimates that on 18 December the positivity rate for children between year 7 and 11 (ages 11 to 15) was around 3 per cent, according to the sample group tested* (The Independent, 30.12.2020), а, во-вторых, в стремлении автора избегать голословных заявлений. Посмотрим на примере статьи *“The Pfizer vaccine news is welcome but for NHS, this battle is far from over”*, как автор стремится к точности репрезентации фактов. За основу статьи взята ставшая сенсационной в ноябре 2020 года новость о том, что вакцина Pfizer имеет 90% эффективности. Однако автор предостерегает аудиторию, обращая ее внимание на то, что масс-медиа переоценили значимость события:

“Headlines across the world heralded the news and may suggest the world is at a turning point in the fight against coronavirus which has ravaged economies and killed more than 1.2 million people. <...> But we are not there yet and there are significant reasons to hold off celebrating just yet” (The Independent, 09.11.2020).

Далее автор приводит более точную информацию, касающуюся события:

The first thing to note about the Pfizer news was that this was a corporate press release by the pharmaceutical giant – it was not a published piece of peer-reviewed science and has not been fully evaluated by independent scientists or regulators.

The company’s press release is based on early results from a phase 3 clinical trial and even Pfizer said itself that as the study continues the final performance of the vaccine may vary. In total 38,955 people have received two doses of either the vaccine or a placebo by 8 November, and there have been 94 confirmed coronavirus cases among those participants (The Independent, 09.11.2020).

В данном отрывке автор разъясняет и уточняет информацию, набравшую популярность в информационном пространстве, во-первых,

за счет того, что приводит более точную статистическую информацию, позволяющую подвести читателя к мысли, что при увеличении выборки эффективность вакцины может оказаться ниже, а во-вторых, за счет сообщения о предстоящей проверке данных, опубликованных Pfizer, независимыми учеными и контрольно-надзорными органами, в результате чего вакцине может быть отказано в регистрации. Как следствие, у читателя должно сложиться более адекватное восприятие новости, соотносящееся с реалиями.

6. Аргументативность

Аргументативность является основополагающей чертой аналитической статьи, позволяющей создать полемику, являющуюся необходимым условием для достижения первоочередной задачи аналитической статьи – «создать реальное представление об актуальной ситуации» [6: 263] и выработать пути решения существующей проблемы.

Аргументативной структуре аналитической статьи посвящен ряд исследований (см. К. В. Гудкова [26], Д. Ц. Доржиева [17], М. П. Котурова [27], др.), общим для которых является признание следующих положений:

- 1) аргументация в аналитической статье является не столько средством воздействия, сколько средством анализа;
- 2) в аналитической статье аргументативная структура представлена аргументами в пользу тезиса и аргументами его опровергающими, что способствует созданию баланса мнений и достижению объективной картины происходящего;
- 3) основная форма аргументации – доказательство (согласно типологии Т. В. Анисимовой и Н. А. Крапчетовой, что подразумевает «совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных или связанных с ним суждений» [28:46]. Задача доказательства – избавить читателя от всех сомнений в правильности выдвинутого тезиса с помощью рациональных аргументов [28: 47];
- 4) признаётся наличие аргументативных ошибок в аналитических статьях, которые создают ложное представление о стремлении автора к воздействию.

Таким образом, на основе указанных характеристик нами будет сформулировано следующее определение аналитической статьи: под аналитической статьей понимаем текст, в основе которого лежит аналитический способ отображения действительности и целью которого является демонстрация в сжатом виде максимального объема информации относительно того или иного важного социально-

политического вопроса, с учетом причинно-следственной связи между различными пластами информации. В результате на основе предоставленной объективной картины происходящего (в контексте имеющейся на данный момент информации) читатель может принять решение или выработать собственную позицию. Аналитической статье свойственны четкая структура, безэмоциональная манера повествования, наличие критики как инструмента ведения публичного диалога, точность репрезентации фактов и аргументативность.

Выводы

Проведенное исследование позволило определить следующие основные черты англоязычной аналитической статьи: наличие четкой структуры, состоящей из информативного блока, формулировки проблемной ситуации, аналитического блока и выводов (при этом выводам отводится важная роль, поскольку их наличие и специфика позволяют дифференцировать англоязычную аналитическую статью от других схожих жанров таких, как “comment”, “editorial”, “op-ed”); безэмоциональная манера повествования (проведенный нами анализ показал незначительное присутствие эмоционально-оценочных элементов в англоязычных аналитических статьях, которое может быть объяснено «человеческим фактором»); наличие критики как инструмента ведения публичного диалога, что позволяет достичь объективной репрезентации проблемной ситуации; стремление к точности репрезентации фактов и аргументативность. Нами были уточнены тематическая направленность англоязычной аналитической статьи на освещение социально-политических вопросов, а также функциональная нацеленность на демонстрацию в сжатом виде максимального объема информации с учетом причинно-следственных связей между ее пластами. Поскольку в качестве теоретической базы исследования нами использовались работы, проведенные на русскоязычном материале, в то время, как материал для практического исследования был взят из англоязычных источников, можно сделать вывод о том, что базовые характеристики аналитической статьи не имеют существенных кросс-культурных расхождений.

Заключение

Остается ряд нерешенных вопросов в отношении аналитической статьи и аналитики в целом. Во-первых, требуется выработка четких, практически применимых критериев разграничения текстов рубрик “leader”, “editorial”, “comment”, “opinion”, “analysis”. Во-вторых, тре-

буется проведение отдельного исследования на предмет того, каким образом соотносятся рубрики современной газеты и жанр «аналитическая статья». Представляется, что данные рубрики отличаются большим разнообразием, поскольку очевидно, что тексты, отвечающие характеристикам аналитической статьи, могут располагаться за пределами рубрик “analysis”.

В-третьих, исследование жанра «аналитическая статья» (являющегося прототипом аналитической журналистики), в основе которого лежит аналитика как способ отражения действительности, не может дать полного представления о таком сложном и многогранном понятии, как «аналитика», которое сегодня оказывается в фокусе внимания ис-

следователей. Рост популярности аналитики обусловлен существованием социального запроса, поскольку аналитика на протяжении долгого времени являлась ключевым фактором принятия решений (как частных, так и общественных). Кроме того, обесценивание экспертного знания и доминирование «мнения» привело к ряду негативных последствий (признание этих последствий, в частности, отражается в призывах к фактчекингу и введению административной ответственности за ложную информацию в СМИ), в связи с чем видится, что тренд на усиление аналитичности материалов масс-медиа продолжится, что ставит вопрос о необходимости выработки четких критериев аналитики.

ИСТОЧНИКИ

1. The Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/> (accessed May 13, 2011).
2. The Independent. Available at: <https://www.independent.co.uk/> (accessed May 13, 2011).
3. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/> (accessed May 13, 2011).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полатайко С. В., Галимова А. М. Постиндустриальное общество и воздействие информационных потоков на качество жизни // Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postindustrialnoe-obschestvo-i-vozdeystvie-informatsionnyh-potokov-na-kachestvo-zhizni> (дата обращения: 27.01.2021).
2. Dewatripont M., Tirole J. Modes of Communication // Journal of Political Economy. 2005. Vol. 113, № 6 P. 1217–1238.
3. Дементьев В. В. Некоторые методологические принципы изучения речежанровых заимствований // Вестник Российского университета дружбы народов. 2016. Т. 20, № 1. С. 7–24.
4. Огнева К. А. Текст информационно-аналитической статьи в списке когнитивно-дискурсивной парадигмы: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2012. 171 с.
5. Омуралиева А. И. Жанры аналитической публицистики // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-analiticheskoy-publitsistiki> (дата обращения: 17.02.2021).
6. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: учебное пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2013. 352 с.
7. Васильева Е. В. Дискурсивные особенности информационно-аналитической статьи: лингводидактический аспект // Вестник БГУ. 2012. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-osobennosti-informatsionno-analiticheskoy-stati-lingvodidakticheskij-aspekt> (дата обращения: 17.02.2021).
8. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие. М. : ФЛИНТА, 2014. 263 с.
9. Буруева Н. С. Реализация авторской оценки в аналитической статье печатного периодического издания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-avtorskoy-otsenki-v-analiticheskoy-statie-pechatnogo-periodicheskogo-izdaniya> (дата обращения: 27.01.2021).
10. Довгаль Е. В. Аналитическая статья как разновидность медийного дискурса // Язык. Текст. Дискурс. 2011. Вып. 9. С. 357–361.
11. Соколов В. Аналитическая статья. Роль и проблемы аналитической журналистики // Жанры аналитического творчества: учебное пособие. М. : МГИМО-Университет, 2015. С. 19–37.
12. Фролова И. В. О выражении субъективности в аналитических статьях качественной британской и российской прессы // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 138–143.
13. Григорян М. Пособие по журналистике. М. : Права человека, 2007. 194 с.
14. Аристотель. Аналитика первая и вторая. URL: <https://proza.ru/2012/06/10/1543> (дата обращения: 27.01.2021).
15. Понкин И. В. Понятие «аналитика» // International Journal of Open Information Technologies. 2019. № 7 (10). С. 80–90.
16. Беляков Л. П. Аналитическая журналистика в системе информационного обеспечения инновационных проектов. Минск : БГУ, 2013. 216 с.
17. Доржиева Д. Ц. Специфика аргументативной структуры в типе текста «аналитическая статья» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7, ч. 2 (85). С. 321–324.
18. Куницына Н. В. Медиаформат как стилевой облик современной журналистики // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сборник научных трудов. Орел : Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2013. Вып. 11. С. 183–193.
19. Соломина А. В. Аналитические жанры и критерии их выделения в медиакультурах России, Германии и Великобритании // Известия СПбГЭУ. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskie-zhanry-i-kriterii-ih-vydeleniya-v-mediakulturah-rossii-germanii-i-velikobritanii> (дата обращения: 11.05.2021)
20. Дускаева Л. Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. М. : Флинта, 2019. 340 с.
21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
22. Stephens M. Beyond news: The future of journalism. Columbia University Press, 2014. 192 с.

23. Шунейко А. А. Языковая критика как филологическая дисциплина (лингвопоэтический аспект): автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 1992. 23 с.

24. Медведева А. В. Коммуникативные стратегии и практики при выражении критического суждения в английской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 190 с.

25. Кормилицына М. А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Проблемы речевой коммуникации. 2015. № 1. С. 23–37.

26. Гудкова К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье: на материале британской прессы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 184 с.

27. Котюрова М. П., Кетова А. Ю. Интерпретация и аргументация в коммуникативной стратегии автора (на материале аналитических статей на экономические темы в газете «Экономика и жизнь») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-argumentatsiya-v-kommunikativnoy-strategii-avtora-na-materiale-analiticheskikh-statey-na-ekonomicheskie-temy-v-gazete> (дата обращения: 15.02.2021).

28. Анисимова Т. В., Крапчетова Н. А. Манипуляция как характеристика институционального дискурса. Волгоград: Волгоградское научное издание, 2010. 204 с.

REFERENCES

1. Polataiko S. V., Galimova A. M. Postindustrial society and informational flows' influence on the quality of life. *E'konomika i e'kologicheskij menedzhment*, 2015, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postindustrialnoe-obschestvo-i-vozdeystvie-informatsionnyh-potokov-na-kachestvo-zhizni> (accessed January 27, 2021) (in Russian).

2. Dewatripont M., Tirole J. Modes of Communication. *Journal of Political Economy*, 2005, vol. 113, no. 6, pp. 1217–1238.

3. Dementyev V. V. Some methodological principles of study on speech genre forwings. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RIDN*, 2016, vol. 20, no. 1, pp. 7–24 (in Russian).

4. Ogneva K. A. *Analytical article texts in the cognitive-discursive paradigm*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2012. 171 p. (in Russian).

5. Omuralieva A. I. Analytical genres. *Vestnik Kalmyzskogo universiteta*, 2014, no. 3 (23). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-analiticheskoy-publitsistiki> (accessed December 17, 2021)(in Russian).

6. Terty'chny'j A. A. *Analiticheskaya zhurnalistika: uchebnye posobie dlya studentov vuzov* [Analytical journalism: Text book for university students]. Moscow, Aspekt Press, 2013. 352 p. (in Russian).

7. Vasil'eva E. V. Discourse specifics of analytical articles. *Bryansk State University Herald*, 2012, no. 15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-osobennosti-informatsionno-analiticheskoy-stati-lingvodidakticheskij-aspekt> (accessed December 17, 2021)(in Russian).

8. Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemny'j podxod k izucheniyu yazy'ka SMI (sovremennaya anglijskaya mediarech')*: uchebnoye posobie [Medialinguistics:

Systematic approach to mass media language studies]. Moscow, Flinta, 2014. 263 p. (in Russian).

9. Bururueva N. S. *The author's estimates in the broadsheets*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-avtorskoj-otsenki-v-analiticheskoy-statii-kachestvennogo-pechatnogo-periodicheskogo-izdaniya> (accessed January 27, 2021) (in Russian).

10. Dovgal' E. V. Analytical article as a part of media discourse. *Language. Text. Discourse*, 2011, iss. 9, pp. 357–361 (in Russian).

11. Sokolov V. Analytical article. Role and problems of analytical journalism. *Zhanry' analiticheskogo tvorchestva: uchebnoye posobie* [Genres of analytical creativity: Textbook]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015, pp. 19–37 (in Russian).

12. Frolova I. V. Subjectivity in the analytical article of British broadsheets. *Political Linguistics*, 2015, no. 1 (51), pp. 138–143 (in Russian).

13. Grigoryan M. *Posobie po zhurnalistike* [Guidebook on journalism]. Moscow, Prava cheloveka, 2007. 194 p. (in Russian).

14. Aristotel'. *Analytics*. Available at: <https://proza.ru/2012/06/10/1543> (accessed January 27, 2021) (in Russian)

15. Ponkin I. V. Analytics. *International Journal of Open Information Technologies*, 2019, no. 7 (10), pp. 80–90 (in Russian).

16. Belyakov L. P. *Analiticheskaya zhurnalistika v sisteme informatsionnogo obespecheniya innovatsionnykh proektov* [Analytical journalism in the system of informational projects]. Minsk, BGU Publ., 2013. 216 p. (in Russian).

17. Dorzhieva D. Ts. Specifics of argumentative structure in the analytical article. *Philology. Theory & Practice*, 2018, no. 7, part. 2 (85), pp. 321–324 (in Russian).

18. Kunicyna N. V. Media format as a stylistic outlook of modern journalism. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse: sbornik nauchnykh trudov* [Genres and types of text in the scientific and media discourse: coll. sci. arts]. Oryol, Oryol State Institute of Arts and Culture Publ., 2013, iss. 11, pp. 183–193. (in Russian).

19. Solomina A. V. Analytical genres and differentiating criteria in Russian, German and British media discourses. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2010, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskie-zhanry-i-kriterii-ih-vydeleniya-v-mediakulturah-rossii-germanii-i-velikobritanii> (accessed May 11, 2021) (in Russian).

20. Duskaeva L. R. *Stilisticheskij analiz v medialingvistike* [Stylistical analysis in medialinguistics]. Moscow, Flinta, 2019. 340 p. (in Russian).

21. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Political discourse semeotics]. Moscow, Gnozis, 2004. 326 p. (in Russian).

22. Stephens M. *Beyond news: The future of journalism*. Columbia University Press, 2014. 192 p.

23. Shunejko A. A. *Language critics as philological discipline*: Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1992. 23 p. (in Russian).

24. Medvedeva A. V. *Communicative strategies and practices of critics in English culture*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ufa, 2015. 190 p. (in Russian).

25. Kormilitsyna M. A. Stylistic contamination in the modern media linguistics (on the example of written mass media). *Problems of Communication*, 2015, no. 1. Available at: <https://surl.li/aneuu> (accessed October 28, 2021) (in Russian).

26. Gudkova K. V. *Kognitive-pragmatic analysis of arguments in the analytical article*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2009. 184 p. (in Russian).

27. Kotyurova M. P., Ketova A. Yu. Interpretation and argumentation in communicative strategy of the author (on analytical articles on economy in newspaper "Economy and Life". *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2011, no. 2. Avail-

able at: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-argumentatsiya-v-kommunikativnoy-strategii-avtora-na-materiale-analiticheskikh-statey-na-ekonomicheskie-temy-v-gazete> (accessed February, 15, 2021) (in Russian).

28. Anisimova T. V., Krapchetova N. A. *Manipulyatsiya kak kharakteristika institutsional'nogo diskursa* [Manipulation as institutional discourse feature]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdanie, 2010. 204 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 07.12.2021

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 07.12.2021

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 294–299

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 294–299

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-294-299>, EDN: BAVMZT

Научная статья

УДК 81'42:82-52

Культурное знание как концептуальное основание речевого жанра религиозного наставления (на материале медиадискурса)

А. А. Зарайский¹✉, Е. А. Семухина²

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Зарайский Александр Александрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, az61@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6928-713X>

Семухина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», semuh@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-0707>

Аннотация. В современной медиасреде, охватывающей все сферы человеческой деятельности, получают репрезентацию разнообразные виды дискурса, в том числе религиозный и его жанры. К числу частотных в медиадискурсе религиозного направления относится речевой жанр религиозного наставления (РЖРН). Данный жанр представляет собой составляющую одного из первичных жанров религиозного дискурса – проповеди, в частности, предполагающую разъяснение принципов практического применения религиозных постулатов и правил. В интернет-среде данный жанр приобретает новые характеристики, изучение которых представляется актуальным в связи с общим исследовательским интересом к аспектам медиакоммуникации, а также растущим вниманием общества к вопросам религии. Целью исследования стал анализ способов и особенностей актуализации речевого жанра религиозного наставления, культурно-концептуального основания этого жанра, репрезентированного в интернет-публикациях на крупнейших сайтах, посвященных православной вере. Методами исследования послужили интерпретативный и понятийный анализ, метод концептуального анализа дискурса, культурно-семиотический анализ медиатекстов. Результатами исследования стало определение единиц культурного знания, лежащих в основе способов реализации основной воздействующей функции речевого жанра религиозного наставления. Культурные смыслы и концепты являются ключевыми феноменами знания, организующими смысловое содержание РЖРН. Культурной доминантой концептуального основания жанра представляется текст Священного Писания. Дискурсивными способами объективации компонентов культурного знания стали: иллюстрации примерами поведения, обращение к мнению авторитетных лиц и цитирование библейских текстов.

Ключевые слова: речевой жанр религиозного наставления, религиозный дискурс, медиадискурс, культурное знание, концепт, культурный смысл, культурная доминанта

Для цитирования: Зарайский А. А., Семухина Е. А. Культурное знание как концептуальное основание речевого жанра религиозного наставления (на материале медиадискурса) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 294–299. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-294-299>, EDN: BAVMZT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cultural knowledge as the conceptual basis of the speech genre of religious instruction (based on media discourse)

A. A. Zaraiskiy¹✉, E. A. Semukhina²

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Alexander A. Zaraiskiy, zaraiskiy61@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6928-713X>

Elena A. Semukhina, semuh@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-0707>

Abstract. In the modern media environment covering all fields of human endeavour different types of discourse, religious ones with their genres as well, get representation. The speech genre of religious instruction seems to be most widely spread. The genre under discussion is viewed as a part of the primary genre in the religious discourse – preaching which is presupposed to interpret principles of practical usage of religious postulates and rules. In the Internet this genre acquires new characteristics, studying of which seems relevant due to the researchers' interest to media communication issues as well as to the society's growing attention to religion in general. The present research is aimed at studying the ways of actualizing the speech genre of religious instruction, its cultural-conceptual bases, the genre being introduced in Internet publications at the biggest Orthodox websites. The interpretative and notional analysis, the conceptual analysis of discourse and the cultural-semiotic analysis of media texts have been applied as the research methods. The authors have defined cultural knowledge units which realize the main affective function of the speech genre of religious instruction. The cultural meanings and concepts are believed to be key knowledge phenomena organizing the semantic concept of the speech genre of religious instruction. The cultural dominant of the conceptual genre basis is the Holy Scripture text. The components of cultural knowledge are objectified by illustrations of the ways of behavior, appealing to the authority figures' opinion and biblical texts' quotations.

Keywords: speech genre of religious instruction, religious discourse, media discourse, cultural knowledge, concept, cultural meaning, cultural dominant

For citation: Zaraiskiy A. A., Semukhina E. A. Cultural knowledge as the conceptual basis of the speech genre of religious instruction (based on media discourse). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 294–299 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-294-299>, EDN: BAVMZT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из особенностей современной актуализации речевых жанров является их репрезентация в интернет-пространстве, часто они фиксируются в медиадискурсивной форме в публикациях на сайтах СМИ. Исследователи отмечают, что медиадискурс легко включает в себя элементы любого другого, благодаря своей гибкости и фокусировке на конкретных, в том числе тематических интересах адресата [1: 57]. В частности, рассматривая жанровую палитру медиадискурса религиозного характера (т. е. включающего в себя компоненты собственно религиозного дискурса), нельзя не отметить важную роль такого речевого жанра, как *религиозное наставление*.

Подчеркнем, что данный тип жанра в целом соотносится с религиозным дискурсом, и является одной из составляющих протожанра (или первичного жанра) проповеди, согласно системам, предложенным Е. В. Бобыревой и Т. В. Ицкович [2, 3]. Всего исследователи выделяют несколько первичных жанров: проповедь, молитва, житие, исповедь. Рассуждая о структуре проповеди, Т. В. Ицкович пишет, что классический композиционный подход к ее составлению подразумевает использование такого конструктивно-смыслового элемента, как «нравственное приложение, применяющее тему проповеди к духовным потребностям конкретных слушателей» [3: 22]. Представляется, что такое «нравственное приложение» и является образцом речевого жанра религиозного наставления.

С лингвистической точки зрения, речевой жанр религиозного наставления (РЖРН) име-

ет некоторые общие характеристики с другими жанрами, репрезентированными в интернет-пространстве. В частности, РЖРН интернет-коммуникации не обладает четкими стилистическими особенностями, так как, по справедливому замечанию М. А. Кормилицыной, все более размытыми становятся стилистические границы между жанрами в результате их взаимопроникновения, взаимодействия и, в широком смысле, стилистической контаминации. Кроме того, РЖРН интернет-коммуникации свойственны общая тенденция к интерактивности, стремление быть понятным как можно большему количеству адресатов, поиск наиболее эффективных путей воздействия на читателей, что приводит к «сплаву высокого и сниженного, официального и неофициального, устного и письменного общения» [4: 68]. Таким образом, язык интернет-СМИ оказывается максимально близким современному читателю, отражая состояние языковой картины мира в моменте, а концептуальное содержание интернет-публикаций включает в себя наиболее значимые для современного этапа развития общества культурные смыслы и ценности.

В отношении отдельных репрезентаций речевого жанра религиозного наставления в интернет-среде можно, в связи с вышесказанным, отметить, что они представляют собой богатый материал, позволяющий исследователю определить наиболее актуальные языковые и культурно-концептуальные характеристики жанра.

Интересно, что среди исследований речевых жанров значительная часть посвящена не только сугубо лингвистическому, но мультимодальному и междисциплинарному направ-

лениям. Так, например, рассматривается семиотика визуального компонента [5], сенсорная сторона жанров [6], их концептуально-метафорическая модель [7], символическая составляющая [8] и пр. В связи с вышесказанным представляется актуальным в том числе и анализ компонентов культурного знания, включенного в концептуальное содержание речевых жанров, а также исследование их отражения в языковом материале.

Рассмотрим подробнее культурные элементы концептуального содержания речевого жанра религиозного наставления. В рамках исследования нами были проанализированы публикации с крупнейших сайтов, посвященных православию: Православие.ру [9] и интернет-версия журнала «Фома» – foma.ru [10]. Оба издания являются российскими информационными интернет-порталами. Православие.ру – проект Сретенского монастыря, а журнал «Фома» и его интернет-версия – культурно-просветительское издание православной направленности. В целом количество уникальных посетителей этих сайтов составляет более 3,5 миллионов человек в месяц. Всего в рамках исследования было проанализировано 157 публикаций на данных порталах, выявлено 263 случая репрезентации РЖРН.

Основная функция РЖРН (тем более репрезентированного в медиасреде) совпадает с таковой собственно медиадискурса – оказывать воздействие на адресата. Но если в целом в медиадискурсе данная функция часто реализуется имплицитным путем (суггестивность «накладывается на информативность» [11: 6]), чтобы сформированное автором статьи мнение читатель считал своим собственным, то в случае с религиозным наставлением, напротив, воздействие осуществляется прямо путем аргументации через: иллюстрацию примерами поведения, обращение к мнению авторитетных лиц, цитирование Священного Писания и др.

А. Иллюстрация примерами поведения

Так, например, в интервью с митрополитом Саратовским и Вольским Игнатием на сайте Православие.ру широко представлены образцы РЖРН. Подчеркнем, что перед нами пример смещения стилистических и дискурсивных границ, когда исследуемый жанр определяется «внутри» интервью. В целом читатель ожидает, что епископ в своей прямой речи будет не только рассказывать о себе и своей жизни, но и даст нравоучительные указания и советы. Митрополит в своем наставлении приводит пример поведения Иисуса Христа, призывая верующих поступать также: «Господь проявил милосердие и любовь, Он молился за тех, кто Его распинал, просил: “Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят”. Понимая это, надо

принимать какие-то условия жизни как из руки Божией...» [9].

Епископ использует прецедентную ситуацию, чтобы повлиять на поведение верующих. При верстке текста применены графические средства для создания аллюзии на прецедентное имя, а именно прописные буквы (что является каноном для православных изданий: говорить о Боге с использованием прописных букв у существительных и местоимений). В данном высказывании представлена отсылка к целому пласту культурных знаний, подразумевается, что читатель понимает, о каком библейском событии идет речь (распятие Христа). Верующий также легко узнает приведенный автором прецедентный текст «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23:34), почти точно процитированный из третьей книги Нового Завета – Евангелия от Луки.

В биографическом рассказе о жизни владыки Агапита («Господь всегда действует» и другие принципы владыки Агапита») встречаем образцы РЖРН: «Он часто говорил о семье... Часто возвращался к образу Адама...» [9]. Интересно, что пример праотца не всегда положителен, священник говорит, например, что тот не справился со своей миссией религиозного воспитания Евы. Таким образом, приведенный пример может носить антонимический характер, а назидательный смысл состоять в призыве поступать от противоположного.

Подчеркнем, что данные образцы РЖРН включены в статью, относящуюся к специфическому для религиозного дискурса протожанру жития – жизнеописания благочестивого человека, который может служить примером для верующих. То есть перед нами пример смешения двух протожанров: проповеди (к которой относится жанр религиозного наставления) и жития, что, в общем, характерно для медиадискурсивных практик.

В публикациях интернет-журнала «Фома» также находим случаи «антонимического примера»: «Но ведь самый настоящий из всех настоящих христиан – апостол Петр – и тот однажды поступил не так, как его учил Христос» [10].

В целом выявленные в исследованном материале единицы РЖРН содержат в себе аллюзию или прямое указание на факты православной религиозной культуры: событие и реакцию на него, поведение значимых для верующих лиц. Призыв к копированию благочестивых поступков и избеганию греховных, отраженный в религиозном назидании, основан в том числе на культурно значимых для верующих людей примерах. Уточним, что примеры праведного поведения транслируют культурные ценности и смыслы (т. е. культурную память, завершенное знание, ак-

туализирующееся в любой знаковой системе [12]). В данном случае речь идет о нормах морали религиозной культуры, ценности благочестия и праведности, концептах «грех» («греховный поступок»), «добродетель» («добродетельное поведение»).

Всего было найдено 59 случаев аргументации в РЖРН путем иллюстрации примерами поведения.

Б. Обращение к мнению авторитетных лиц

В высказываниях в жанре религиозного наставления часто используется отсылка к мнению святых отцов, известных священников, авторов религиозных текстов и т. д. Так, например, в статье-жизнеописании, посвященной памяти Николая Ведерникова, автор приводит мнение героя статьи, который, в свою очередь, опирается на святоотеческие суждения: «*О помыслах так наставлял: “Святые отцы говорят, что даже хорошие помыслы нужно отсекать”*» [9].

Оба представленных выше примера представляют собой факты «двойной» отсылки к мнению авторитетных лиц. Автор статьи приводит суждение своего героя – Николая Ведерникова. А тот, в свою очередь, дает цитату, пример из святоотеческой или канонической литературы.

При анализе публикаций, относящихся к протозанру жития, таких, как вышеуказанные «Евангелие учит сверхлюбви. Памяти Николая Ведерникова» и «Господь всегда действует» и другие принципы владыки Агапита», а также «Самая лучшая метаморфоза архиерея» и других (всего было проанализировано 21 статья в жанре жития), было выявлено, что большинство из них практически полностью основаны на религиозных наставлениях, написанных от имени главных героев. Интересно, что почти половина изученных высказываний РЖРН из данных статей имеет структуру «двойной» отсылки.

В интервью с митрополитом Ионой (под заголовком «Тогда у притесняемых очень сильная молитва была») автором наставления является журналист, который, используя «двойную» отсылку, просит комментарий у интервьюируемого: «*У преподобного Иоанна Синайского в “Лествице” любовь следует за смирением: смирись и полюбишь*» [9].

При этом безапелляционный тон наставления и речевая ситуация в целом таковы, что читатель понимает: данное высказывание является общим местом для православного верующего, много раз слышавшего это или подобное заявление.

Всего было выявлено 78 случаев отсылки к мнению авторитетных лиц.

Случаи упоминания суждений святых отцов в медиадискурсе религиозного характера, в частности, в публикациях на исследованных сайтах, подразумевают включенность читателя в православную культуру, хорошее знание культурных смыслов религиозной литературы, понимание особенностей общения, включающих религиозные ценности.

Отметим также, что структура «двойной отсылки», характерная для РЖРН, также связана с культурной составляющей: традиция проповеди и религиозной литературы требует обоснования суждения в примерах и цитатах благочестивых верующих в целях повышения объективности.

В. Цитирование Священного Писания

Часто герои публикаций в своих наставлениях приводят прямые цитаты из Библии (см., например, в статье «Евангелие учит сверхлюбви»): «*По поводу сухости, равнодушия, отсутствия вдохновения: “Молиться надо! Вот и всё”. Сказано же: “Без Мене не можете творить ничего”*» (Ин. 15, 5) [9]. В данном примере также появляется прием «двойной» отсылки: автор дает мнение священника, который иллюстрирует свою речь цитатой из Евангелия.

Встречаются также единицы РЖРН с непрямым цитированием, когда автор приводит аллюзию, которая часто все же сопровождается ссылкой на текст Библии: «*Чем запомнились годы учебы в Московской духовной семинарии и академии? – Любовью! Все у нас было с любовью (ср. 1 Кор. 16, 14)*» [9].

Безусловно, само оформление ссылки является особым знаком, имеющим культурную составляющую: только для цитирования Библии используется подобная форма, которая сразу дает понимание верующему, из какой книги или Евангелия извлечена цитата, а также привлекает знания о толковании частей Библии.

Цитата может быть встроена в речь и не выделяться на печати кавычками. Так, например, в официальном Рождественском послании Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла читаем: «*Настоящее счастье в том, чтобы разделять любовь и радость с окружающими и добрыми делами прославлять Бога, Который воплотился для того, чтобы мы имели жизнь и имели с избытком (Ин. 10:10)*» [9]. Тем не менее, евангельский текст («Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10:10) должен быть хорошо известен адресатам послания, и автор подразумевает, что цитирование легко считывается верующими.

Подчеркнем, что цитирование Священного Писания являются наиболее многочисленными

фактами привлечения культурного знания для подкрепления мнения, оценки, идеи и пр.

Всего в результате анализа материала было выявлено 126 случаев отсылки к тексту Библии с указанием на точный стих.

Текст Священного Писания является для верующих одним из важнейших базовых явлений религиозной культуры. Культурное знание включает как факт его существования и понимания, так и многочисленные трактовки, толкования, дальнейшую интерпретацию и применение в различных жизненных ситуациях. Обращение к библейскому тексту означает объективную оценку или аргументированное требование к поведению человека. Многочисленность примеров цитирования Библии доказывает, что ее текст по-прежнему является актуальной культурной ценностной доминантой религиозного мышления, а, следовательно, и дискурса, даже если он актуализируется в весьма демократичной среде интернет-медиа, не имеющей строгих правил организации высказывания. Распределение фактов репрезентации культурно-значимой информации представлено в табл. 1.

Как показало исследование, РЖРН чаще всего репрезентируется на базе и в окружении другого жанра медиадискурса религиозно-

го направленности, хотя может существовать и отдельно в виде собственно наставлений пастырей церкви. Однако такие наставления, очевидно, не являются приоритетными среди публикаций исследованных интернет-порталов, или подаются в качестве комментариев священника в рубрике «вопрос-ответ». Количественные показатели фактов репрезентации РЖРН в других речевых жанрах медиадискурса религиозной направленности приведены в табл. 2.

Итак, как показало проведенное исследование, речевой жанр религиозного наставления является составляющей первичного жанра религиозного дискурса – проповеди. Будучи репрезентированным в среде медиадискурса, РЖРН приобретает его характеристики, в том числе в отношении сдвига стилистических границ между жанрами. РЖРН оказывается включенным в медиопубликации других публицистических жанров, в первую очередь таких, как новостные заметки, житейские истории, архипастырское слово, интервью, богословские комментарии, вопрос-ответ, «чудесные» истории. Интересно, что РЖРН реализуется также «внутри» другого протожанра – жития. Воздействующая функция исследуемого жанра актуализируется через: иллюстрацию примерами

Таблица 1 / Table 1

Распределение фактов репрезентации культурно-значимой информации

Distribution of facts of representation of culturally significant information

№ п/п	Способ репрезентации культурного знания	Количество случаев репрезентации РЖРН	Процентное соотношение, %
1	Иллюстрация примерами поведения	59	22,4
2	Обращение к мнению авторитетных лиц	78	29,6
3	Цитирование Священного Писания	126	48

Таблица 2 / Table 2

Репрезентация речевого жанра религиозного наставления в медиадискурсе религиозного характера

Representation of the speech genre of religious instruction in a media discourse of a religious nature

№ п/п	Базовый жанр	Количество изученных публикаций	Количество случаев репрезентации РЖРН
1	Новостные заметки	45	5
2	Житие	21	152 (из них 81 со структурой «двойной отсылки»)
3	Житейские истории	19	22
4	Официальные обращения / Архипастырское слово	18	23
5	Интервью	17	35
6	Богословские комментарии	15	4
7	Комментарии священника / вопрос-ответ	15	19
8	«Чудесные» истории	7	3

поведения, обращение к мнению авторитетных лиц, цитирование Священного Писания, что подразумевает обращение к широкому пласту культурных знаний. Положительные примеры поведения транслируют культурные ценности благочестия и праведности, культурные смыслы, заключенные в концептах «грех» и «добродетель». Отсылки к святоотеческим произведениям подразумевают хорошее

знание культурных смыслов религиозной литературы, при этом культурной доминантой РЖРН является текст Священного Писания. Таким образом, ядром религиозного наставления на смысловом концептуальном уровне представляется культурное знание (культурные смыслы, концепты, доминанты), находящие репрезентацию в дискурсивной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войтак М. О жанрах речи и их печатных конкретизациях // Медиалингвистика. 2014. № 1(4). С. 53–62.
2. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 42 с.
3. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля. М.: ФЛИНТА, 2021. 400 с.
4. Кормилицына М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // Жанры речи. 2018. № 1(17). С. 67–72. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72>
5. Дубровская Т. В. Мультиmodalный анализ в жанроведении: семиотика туристического буклета // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 250–261. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261>
6. Мухина Ю. Н. Сенсорное своеобразие жанров // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3(35). С. 168–175. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-168-175>
7. Балашова Л. В. Жанр обращения Президента России к ее гражданам в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале концептуальной метафоры // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 115–132. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>
8. Воркачев С. Г. Вербализация символа: блазонирование в государственной геральдике постсоветских республик // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 133–139. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>
9. Портал «Православие.ру». URL: <https://pravoslavie.ru/> (дата обращения: 15.12.2022).
10. Журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/> (дата обращения: 17.12.2022).
11. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 44 с.
12. Сергеев Д. В. Атрибуты и характеристики культурного смысла // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского, 2012. № 4 (45). С. 218–226.

REFERENCES

1. Wojtak M. On speech genres and their printed substantiation. *Medialinguistics*, 2014, no. 1, pp. 53–62 (in Russian).
2. Bobyreva E. V. *Religious discourse values, genres, strategies (based on the material of Orthodox doctrine)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 42 p. (in Russian).
3. Itskovich T. V. *Zhanrovaya sistema religioznogo stilya* [Genre system of religious style]. Moscow, FLINTA, 2021, 400 p. (in Russian).
4. Kormilitsyna M. A. Trends of changes in the stylistic appearance of traditional journalistic genres in the modern press. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 67–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72>
5. Dubrovskaya T. V. Multimodal analysis in genre studies: Semiotics of a tourist booklet. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4(36), pp. 250–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261>
6. Mukhina Yu. N. Sensory originality of genres. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 168–175 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-168-175>
7. Balashova L. V. enre of the address of the President of Russia to its citizens during the first wave of the COVID-19 pandemic in the mirror of a conceptual metaphor. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2(34), pp. 115–132 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>
8. Vorkachev S. G. Verbalization of the symbol: Blazoning in the state heraldry of the post-Soviet republics. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2(34), pp. 133–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>
9. Portal “Pravoslaviye.ru” (in Russian). Available at: <https://pravoslavie.ru/> (accessed December 15, 2022).
10. *Zhurnal “Foma”* [“Foma” Magazine] (in Russian). Available at: <https://foma.ru/> (accessed December 17, 2022).
11. Zheltukhina M. R. *Specificity of speech effects of tropes in the language of mass media*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2004. 44 p. (in Russian).
12. Sergeev D. V. Attributes and characteristics of cultural meaning. *Scientific notes of the N. G. Chernyshevsky Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University*, 2012, no. 4 (45), pp. 218–226 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 300–308

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 300–308

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-300-308>, EDN: TYSGNH

Научная статья

УДК 811.161.1'42+811.112.2'42

COVID-19-дискурс как особый вид дискурса в структуре университетского интернет-портала (на материале русского и немецкого языков)

Э. Ю. Новикова

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград,
просп. Университетский, д. 100

Новикова Элина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению COVID-19-дискурса в структуре интернет-портала университета как особого, самостоятельного типа дискурса. Предпринимается попытка выявить дискурсообразующие признаки заявленного дискурса, а также проанализировать исследовательский эмпирический материал в фокусе жанровых и языковых особенностей дискурса. Предлагаемый анализ проводится с помощью общенаучных методов, с использованием интерпретативного метода и контекстуального анализа. Анализируются способы построения, навигации интернет-сайта и/или интернет-страницы COVID-19, интегрированной в университетский интернет-портал, дается обоснование их гипертекстовых характеристик, описывается тематическая специфика рубрик. Предлагается описание конститутивных признаков дискурса COVID-19: участники, хронотоп, цель, стратегии, ценности. В исследовании изучаемый дискурс COVID-19 рассматривается как институциональный гибридный, интердискурсивный феномен, формирующий тематически ограниченное коммуникативное пространство в структуре интернет-портала университета в период пандемии коронавируса. Проводится подробный анализ жанровой специфики заявленного дискурса на материале двух неблизкородственных языков (русский, немецкий), рассматриваются его дискурсообразованные лексические, синтаксические особенности. Предпринятое исследование позволило определить жанровое своеобразие университетского COVID-19-дискурса, обусловленное формированием и существованием дискурса COVID-19 в отличных друг от друга лингвокультурах. Показаны взаимозависимость жанровой структуры и внутрижанровых языковых средств. На данном этапе определены сходства и различия языковых маркеров дискурса – синтаксических и лексических, что позволяет предположить наличие лингвокультурной детерминации COVID-19-дискурса в структуре интернет-портала университета двух неблизкородственных языков. Исследование открывает перспективы для дальнейшего фокусного рассмотрения лингвокультурной обусловленности COVID-19-дискурса и детального анализа его языковых и транслатологических особенностей.

Ключевые слова: жанр, дискурс, лингвокультурные особенности, языковые средства, тематические группы, интернет-сайт, интернет-портал, неблизкородственные языки

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 20-412-420005 p_a).

Для цитирования: Новикова Э. Ю. COVID-19-дискурс как особый вид дискурса в структуре университетского интернет-портала (на материале русского и немецкого языков) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 300–308. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-300-308>, EDN: TYSGNH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

COVID-19 discourse as a specific type of discourse in the structure of the university Internet portal (based on the Russian and German materials)

E. Yu. Novikova

Volgograd State University, 100 Prospekt Universitetskiy, Volgograd 400062, Russia

Elina Yu. Novikova, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Abstract. The article presents the analysis of linguistic and cultural features of COVID-19 discourse. The current research is an attempt to identify the discourse-forming features of the given discourse as well as to analyze the empirical material focusing on its genre and language features. The analysis is based upon general scientific methods, with the use of interpretive methodology and contextual analysis. The author analyzes methods of construction and navigation of COVID-19 Internet pages integrated into the university Internet portal providing the justification of its hypertext characteristics and describing the thematic features of the headings. The article describes constructive features of the COVID-19 discourse including its participants, chronotope, goals, strategies and values. The author considers COVID-19 discourse an institutional hybrid interdiscursive phenomenon which forms a thematically limited communicative space in the structure of the university Internet portal during the coronavirus pandemic.

The article contains the analysis of the genre aspects of the given discourse based on two non-similar languages (Russian, German) focusing on their discourse-conditioned lexical, syntactic peculiarities. The research revealed the specific genre nature of the COVID-19 university discourse which is determined by the formation and existence of the COVID-19 discourse in different linguocultures. The author shows the interdependence of genre structure and intra-genre linguistic means focusing on the similarities and differences in syntactic and lexical markers of discourse. All this allows to suggest the presence of linguocultural determination of COVID-19 discourse in the structure of the university Internet portal of two non-similar languages. The study opens up the prospects for further focus on the linguocultural determination of COVID-19-discourse and a detailed analysis of its linguistic and translational features.

Keywords: genre, discourse, linguistic and cultural features, language means, thematic groups, Internet site, Internet portal, non-similar languages

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-412-420005 r_a).

For citation: Novikova E. Yu. COVID-19 discourse as a specific type of discourse in the structure of the university Internet portal (based on the Russian and German materials). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 300–308 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-300-308>, EDN: TYSGNH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Интернет-пространство университета в современных условиях глобализации, интернационализации, академической мобильности представляет собой сложное поли- и интердискурсивное пространство, синтезирующее на своих гипертекстовых страницах множество взаимопересекающихся дискурсов институционального типа: образовательный, академический, педагогический, научный, спортивный, массмедийный, PR-дискурс и др. Интернет-дискурс в целом и интернет-дискурс вуза в частности не раз становился предметом лингвистических исследований [1–12].

Каждый дискурс, интегрированный в интернет-пространство университета, выполняет особые функции и задачи социокоммуникативной деятельности. М. И. Кудрявцева в своих работах указывает на такие функции Web-пространства университета, как информационная; организационная; рекламная; имиджевая [13, с. 4]. Очевидно, что исследователь в большей степени говорит о междискурсивной связи вуза и медиа. Университет, будучи субъектом коммуникативного интернет-медиапространства, активно осуществляет как внутреннее, так и внешнее взаимодействие с различными социокультурными субъектами

(потребители образовательных услуг, экспертные сообщества, преподавательский корпус, сотрудники вуза, профессиональные группы, выпускники и др.) с помощью новых форм медийных коммуникаций. При этом важно отметить при этом высокую степень адаптивности текстового контента интернет-портала вуза к современным актуальным реалиям: разветвление рубрикации, изменение дизайна, расширение парадигмы ссылок, формирование тематически ограниченных видов дискурса.

Одним из таких новых видов дискурса, сформировавшихся недавно в глобальном коммуникативном пространстве, является COVID-19-дискурс. Зародившийся пару лет назад медицинский дискурс COVID-19 очень быстро проник так или иначе во все сферы жизни общества/человека и тем самым вызвал большой интерес ученых, представляющих различные науки, в том числе и лингвистов. COVID-19-дискурс был рассмотрен на материале медицинского, политического, медийного, песенного, протестного, таможенного, бизнес-дискурса и др. Пристальное внимание лингвистов ориентировано в первую очередь на выявление терминологических и номинативных особенностей данного феномена [14–16]. Подтверждением этому служит так-

же крупное монографическое исследование коллектива авторов «Русский язык коронавирусной эпохи» (2021), в котором COVID-19-дискурс подробно описывается в фокусе семантики, антропологической лингвистики, медиалингвистики, компаративистики, стилистики и идиоматики [17]. Предлагаемое нами исследование университетского COVID-19-дискурса послужит логичным дополнением к наметившейся парадигме исследований.

Реагируя на современные вызовы, университеты пытаются «встроить» новые виды дискурсов, в нашем случае COVID-19-дискурс, в свое гипертекстовое коммуникативное пространство, расширяя и обогащая его структуру и текстовый контент.

В фокусе проводимого исследования находится COVID-19-дискурс в структуре интернет-портала российского и германского университетов, как самостоятельный тип дискурса, обладающий жанровыми и языковыми особенностями. Цель данного исследования – провести сопоставительный анализ COVID-19-дискурса, интегрированного в интернет-портал университета в двух неблизкородственных языках, определить специфику использования жанровообразующих языковых средств, сходства и различия их употребления.

Материал и методы исследования

Методология предпринимаемого исследования основывается на выявлении жанровых и собственно языковых – лексических и синтаксических особенностей публикаций по COVID-19 на страницах Web-портала университета путем анализа текстового контента. Материалом исследования выступают гипертекстовые интернет-порталы университетов и интегрированные в них специальные посвященные пандемии COVID-19 Web-сайты и/или Web-страницы. Для исследования и детального анализа привлекалось десять веб-порталов различных по значимости, популярности, региональной принадлежности университетов России и Германии. В предлагаемой статье в качестве иллюстрации проведенного анализа предлагаются текстовые фрагменты, содержащие информацию по COVID-19, двух университетских интернет-порталов – им. И. Гуттенберга, Майнц, Германия (<https://corona.uni-mainz.de>) и Высшей школы экономики, Москва, Россия (<https://www.hse.ru/covid>). Для достижения поставленной цели в исследовании применялись следующие методы: наблюдение; сравнение; сравнительный, компонентный, дискурсивный, контекстуальный анализ; интерпретативный метод.

В целом рассмотрено 10 университетских интернет-порталов, содержащих веб-сайты, посвященные COVID-19, на русском

и немецком языках. Общий объем текстового эмпирического материала (извлеченные микротекстовые контексты) составил примерно 50 страниц формата А4.

COVID19-дискурс в структуре интернет-портала вуза

Интернет представляет собой важнейшую коммуникационную платформу в современном медиацентричном мире. Это «матрица глобального инфопространства», «новая форма коммуникативной реальности» [18], «гипертекстовое пространство» [19]. Интернет детерминирует лингвистические исследования триады: текст – дискурс – гипертекст, поскольку отличается поликодовостью и мультицентричностью и интегрирует на своих страницах множество дискурсов. Согласимся с Н. А. Ахреновой в том, что в рамках интернет-дискурса происходит «целенаправленное скрещивание текстов разных тематических полей», т. е. формирование отдельных дискурсов по принципу «матрешки» [19]. Интересный феномен гибридизации дискурсов/дискурсивных практик представляет собой интернет-портал вуза (университета). Е. И. Горошко и Е. А. Жигалина относят веб-портал к гипержанрам интернет-дискурса, поскольку он объединяет в себя несколько жанров [3].

Исследовательский интерес для нас представляет новое коммуникативное и социальное явление – пандемия коронавируса [20] и сформировавшийся COVID-19-дискурс, который существует как отдельный дискурс, так и интегрированный в прочие дискурсы, в том числе в интернет-дискурс университета. Рассмотрим основные, выделенные для всех типов дискурса В. И. Карасиком [21], характеристики (цель, ценности, участники, хронотоп, стратегии, жанровый состав, языковое воплощение) COVID-19-дискурса в структуре интернет-портала вуза. Мы рассматриваем данный тип дискурсивной практики как *институциональный гибридный, интердискурсивный феномен, формирующий тематически ограниченное коммуникативное пространство в структуре интернет-портала университета в период пандемии коронавируса*. Данная трактовка эксплицирует хронотоп дискурса – гипертекст – интернет-портал университета, одна из страниц или один из интегрированных в него сайтов сформировались в условиях пандемии и существуют как отдельная тематически ориентированная COVID-страница/сайт, на которой размещены тексты разных жанров, связанные с ситуацией вокруг пандемии коронавируса и ее влиянием на работу вуза. Страница/сайт постоянно обновляется за счет актуальной ленты ново-

стей, также содержит константный текстовый контент.

Цель дискурса – проинформировать участников дискурса (в данном случае сотрудников и студентов вуза) об актуальном регламенте поведения и обучения в условиях пандемии, а также о необходимых средствах защиты. *Участниками* дискурса выступают агенты дискурса (административные и медийные органы вуза) и клиенты дискурса (сотрудники и студенты). Цель и прагматика дискурса предопределяет его *стратегию*. Анализ эмпирического материала дедуктивным способом позволяет нам говорить о таких стратегиях, как:

- информирование клиентов дискурса об актуальном регламенте поведения и обучения в условиях пандемии, а также о необходимых средствах защиты;
- инструктирование о правилах поведения, вакцинации, обучения;
- рекламирование возможностей вакцинации, приобретения средств защиты;
- убеждение клиентов дискурса в необходимости соблюдать меры предосторожности в условиях сложной эпидемиологической ситуации;
- оказание информационной помощи для успешного обучения.

Ценности COVID-19-дискурса формируются под влиянием его интердискурсивного характера. С одной стороны, речь идет об образовательном дискурсе, в который COVID-19-дискурс вплетен как отдельная коммуникативная платформа; с другой – COVID-19-дискурс обнаруживает черты медиадискурса, поскольку реализуется в новостных информационных жанрах. Кроме того, гибридная текстовая палитра позволяет выявить черты медицинского дискурса, получившего актуальность и информационное распространение в современных условиях пандемии. Все это обусловило сосуществование таких ценностей, как актуальность, открытость, социализация, формирование компетенций, поддержание здоровья. Рассмотрим более подробно жанровые особенности и специфику используемых языковых средств.

Жанровые и языковые особенности немецкоязычного и русскоязычного университетского COVID-19-дискурса

Web-сайт **Corona.uni-mainz** <https://corona.uni-mainz.de> представляет собой интегрированный в интернет-портал университета сайт для информирования сотрудников и студентов университета вокруг ситуации с COVID-19 и ознакомления с регламентом поведения и мероприятий. Сайт имеет три рубрики,

каждая из которых представляет собой отдельную страницу сайта: 1. STATUS | CORONA@UNI-MAINZ (с информацией о правилах, особых условиях обучения и поведения в условиях пандемии); 2. NEWSLETTER | NEUES UND ARCHIV(подборка актуальных и архивных информационных бюллетеней по COVID-19, которая поступает сотрудникам и студентам университета в формате почтовой рассылки); 3. IMPFANGEBOT (информация о возможности вакцинации). Ресурс предлагает ряд документов по COVID-19 для скачивания, а также множество видеороликов (лекции, обращения). Имеет англоязычную версию сайта.

Web-страница **Коронавирус Live** <https://www.hse.ru/COVID> интегрирована в сайт университета для информирования об эпидемиологической ситуации и о режиме работы университета во время пандемии. Данный ресурс содержит текст-обращение:

Дорогие друзья! На этой странице мы собрали для вас всю актуальную информацию об эпидемиологической ситуации, а также о том, как работает Вышка во время пандемии. Информация на странице постоянно обновляется. Берегите себя!

Страница не имеет четкой структуры, наряду с обособленными рубриками-навигаторами веб-страницы – ГДЕ СДЕЛАТЬ ПРИВИВКУ (информация о вакцинации, ревакцинации на территории вуза и Москвы, возможность загрузить сертификат вакцинации, вакцинация иностранцев); ВРАЧ О ВАКЦИНАЦИИ; ИНСТРУКЦИИ (две рубрики, содержащие одну и ту же информацию по защите от коронавируса и по регламенту и правилам нахождения в вузе); ТЕХПОДДЕРЖКА(информация в помощь студентам в период онлайн-обучения), также есть лента новостей по COVID-19 в вузе, кроме того, есть отдельный блок САМОЕ АКТУАЛЬНОЕ ПРО УЧЕБУ В ВЫШКЕ В 2021/22 УЧЕБНОМ ГОДУ внутри веб-страницы. Имеет англоязычную версию сайта. Ресурс предлагает ряд министерских постановлений по COVID-19 для скачивания.

Анализ контента исследуемых интернет-ресурсов двух лингвокультур показал схожесть рубрикации и содержания рубрик. При этом текстовое наполнение русскоязычного сайта значительно шире, поскольку представлена дополнительная информация по специфике дистанционного обучения. Обращает внимание также тот факт, что русскоязычный сайт имеет множество ссылок и переводит пользователя на новые страницы, на которых представлена более подробная информация по вакцинации.

Перейдем к рассмотрению языковых средств и жанровых особенностей COVID-19-дискурса.

Эмпирический материал немецкоязычного сайта позволяет говорить о двух типах текстов: информирующий и инструктирующий, которые реализуют две взаимодополняющие функции: информирования и инструктирования. Тексты характеризуются официальным стилем изложения без оценочной модальности. Они представляют собой не гомогенное композиционное единство, а набор текстовых фрагментов с информацией и указаниями. Рубрика STATUS | CORONA@UNI–MAINZ имеет дополнительную рубрику в виде открывающихся окон: “Eingeschränkter Regelbetrieb”, “Details zur 3G-Regel”, “Arbeitsplätze und Ausleihe in Bibliotheken”, “Zusätzliche studentische Arbeitsplätze”, “Prüfungen im WiSe 2021/22: Aktueller Stand”. Тексты выполнены в основном в жанре описания, некоторые в жанре «инструкция» и «нормативный документ».

Рубрика NEWSLETTER | NEUESUNDARCHIV представляет собой реестр информационных бюллетеней, выполненных в жанре «объявления». Информационный бюллетень о регламенте работы вуза в условиях эпидемиологических ограничений в конкретный период наполняют небольшие по объему тексты. Анализ языковых средств обеих рубрик позволил задокументировать следующие наблюдения.

На уровне синтаксиса и морфологии доминируют **эллиптические предложения-перечисления**:

- *Gebäude sind in der Regel geöffnet.*
- *Die Zufahrt zum Campus ist nur mit Erlaubnis möglich.*

Наблюдается широкое использование **клише, устойчивых словосочетаний**:

In vielen Gebäuden stehen zusätzliche Arbeitsplätze in Hörsälen zur Verfügung.

In Studium und Lehre sowie Veranstaltungen ist die Kontakterfassung über die JGU-App erforderlich.

Darüber hinaus besteht weiterhin die Möglichkeit für Take-Home-Klausuren.

Активно употребляются **пассивные конструкции**:

Online kann die aktuelle Auslastung der Arbeitsplätze eingesehen werden.

Встречается **инфинитивный оборот с модальностью необходимости**:

Bei Anwesenheit auf dem Campus ist auf die Einhaltung der allgemeinen Schutzmaßnahmen zu achten.

Модальность необходимости часто выражена глаголом müssen и können, который в контексте выражает необходимую возможность:

Nur geimpfte, genesene oder negativ getestete Personen können an Lehrveranstaltungen teilnehmen oder studentische Arbeitsplätze und die Bibliotheken nutzen. Studierende und Lehrende müssen in Lehrveranstaltungen einen entsprechenden Nachweis bei sich führen.

Распространены предложения с **глаголом gelten**:

An allen Arbeitsplätzen gilt die 3G-Regel.

In Anlehnung an die geltenden Regelungen für Präsenzlehreveranstaltungen sowie auf Basis der aktuellen Rechtslage (s. 29. CoBeLVO) gelten für Prüfungen und Klausuren im WiSe 2021/22.

Лексический уровень характеризуется наличием нейтральной, стилистически немаркированной тематически-ориентированной и терминологической лексики. Анализ позволил выделить следующие тематические группы:

Правила защиты, поведения: Schutzmaßnahmen, Pflicht zum Tragen einer medizinischen Maske, Kontakterfassung, kontaktreduzierte Formate, geimpfte, genesene oder negativ getestete Personen, 3G-Status 3G-Regel Individueller QR-Code, FFP2-Maske, Verpflegung auf dem Campus, kontaktreduzierte Formate, Absage von Veranstaltungen, Einbuchen in die JGU-App zur Kontakterfassung, Maßnahmen zur Kontaktreduktion, Notbetrieb.

Вакцинация: digitales Impfzertifikat, Impfbescheinigung auf Papier, vollständiger Impfschutz, Impfbus, Auffrischungsimpfung, Impfpass, Angebote zur Erst-, Zweit- oder Drittimpfung, Gripeschutzimpfung, vollständige Impfung, Impfangebote, PCR-Test, Testung, negativer PoC-Antigen-Test, offizielle Testzentren, Selbsttest, Testmöglichkeiten, Corona-Testmöglichkeiten, PoC-Antigen-Schnelltests, Teststation.

Формат обучения (дистанционный/очный): Take-Home-Klausuren, E-Klausur-Räume, digitaler Ersatz, Kontaktreduktion durch Homeoffice, Präsenzlehre, Distanz-Formate.

Официальные распоряжения/положения: Corona-Satzung der JGU Corona-Bekämpfungsverordnung.

Вирус COVID-19: Ausbreitung der Omikron-Variante, Eindämmung der Pandemie.

Проекты: Corona Chroniken: Videoprojekt der Universitätsmedizin.

Несмотря на присутствие двух жанров в рамках анализируемого немецкоязычного дискурса COVID-19 в структуре гипертекста университетского интернет-портала, исследование позволяет говорить о равной степени употребления в них представленных выше языковых средств. Объясняется это диффузностью жанров и функций, обусловленных прагматикой дискурса.

Русскоязычный COVID-19-дискурс в структуре гипертекста университетского интернет-

портала обнаружил наличие следующих жанров: «обращение», «новость», «инструкция», «реклама», «описание».

Ввиду отсутствия четкой структуры сайта и присутствия разных жанров с различной смысловой и функциональной нагрузкой не удалось выявить общие доминирующие языковые средства. Так, в жанре обращения наблюдается простой нераспространенный синтаксис, наличие маркеров обращения на уровне предложений-обращений, использования местоимения «вы» в косвенном падеже: *Дорогие друзья! На этой странице мы собрали для вас всю актуальную информацию об эпидемиологической ситуации...*

Жанр рекламы реализован в большей степени контекстом, а не типичными для данного жанра языковыми средствами: *Купить многоцветную маску с логотипом НИУ ВШЭ в университетском магазине Буквышка.*

Русскоязычный дискурс COVID-19 в структуре гипертекста интернет-портала вуза активно представлен в жанре «новость», основная функция которого – сообщить новости вуза относительно регламента работы в условиях пандемии коронавируса. На уровне синтаксиса представлены простые нераспространенные предложения: *В зданиях университета сохраняется обязательный масочный режим.*

При этом зачастую новостной текст содержит прямую обращенность к клиентам образовательных услуг: *Узнать о новых принятых решениях вы можете на портале «Вышка для своих» и в одноименном телеграмм-канале.*

Тексты в жанре «инструкция» представляют собой тематические памятки о правилах поведения, вакцинации, обращения в медицинские инстанции. Следует отметить, что некоторые памятки можно охарактеризовать как поликодовый текст ввиду наличия фото, цветной графики, картинок, в то время, как другие памятки выполнены в формате отдельного документа с расширением doc., не содержащего невербальных элементов.

Синтаксический рисунок текстового материала дискурса разнообразен и включает следующие явления.

Повелительные конструкции: *Всегда мойте руки перед едой.*

Вопросно-ответные конструкции: *Можно ли вылечить новый коронавирус? Да, разумеется.*

Инфинитивы в сочетании с маркерами модальности необходимости: *Необходимо вызвать скорую помощь. Больному следует отправиться домой для вызова врача из поликлиники по месту прикрепления.*

Условные придаточные предложения: *Куда обратиться, если вы почувствовали себя*

плохо в университете. Что делать, если во время занятия в аудитории находится студент без маски.

Описательные тексты содержат информацию о возможностях дистанционного обучения в университете. В них достаточно часто наблюдается использование модальных глаголов возможности: *В курсах можно размещать видеофайлы, тесты, задания, вспомогательные файлы, презентации и т. д. Преподаватель может выставлять оценки и давать комментарии. На платформе доступна стандартная регистрация и авторизация через единый личный кабинет НИУ ВШЭ.*

Так же, как и в немецкоязычном дискурсе, в русскоязычном материале на лексическом уровне наличествует нейтральная, стилистически немаркированная тематически-ориентированная и терминологическая лексика. В результате исследования были выявлены следующие тематические группы.

Вакцинация: *сделать прививку, коронавирусная инфекция, ревакцинироваться, сертификат, массовая бесплатная вакцинация, выездная вакцинация, эффективная защита от COVID-19, прививка, выездные прививочные бригады, инъекции, отрицательный ПЦР-тест, справка из медицинской организации, сертификат о вакцинации, QR-код, антипрививочники, двухкомпонентная вакцина.*

Правила защиты, поведения: *сохранять социальную дистанцию, обязательный масочный режим, в соответствии с эпидемиологической ситуацией, многоцветные маски, изоляция, контакт с заболевшими, карантин, переболевшие, формат COVID-free, при соблюдении мер безопасности, соблюдать санитарные нормы.*

Формат обучения (дистанционный/очный): *третий модуль в офлайне, онлайн-занятия, дистанционно, лекции с большими потоками, онлайн-курсы, дистант.*

Вирус COVID-19: *коронавирусы, протекать в лёгкой форме, ближневосточный респираторный синдром (Mers), тяжёлый острый респираторный синдром (Sars), заразиться вирусом, осложнения, вирусная пневмония, признаки инфекционных заболеваний.*

Официальные органы/ документы: *постановление Роспотребнадзора, Оперштаб НИУ ВШЭ, протокол оперативного штаба, социальный комитет студсовета ВШЭ, главный государственный санитарный врач.*

Выводы

Прокомментируем результаты проведенного исследования. На первый взгляд оба дискурса, принадлежащие двум неблизкород-

ственным языкам, обнаруживают дискурсивную схожесть, тем не менее очевидны также значительные расхождения.

1. Русскоязычный COVID-19-дискурс в структуре интернет-портала университета реализуется в пяти жанрах, в то время как немецкоязычный – в двух. Это свидетельствует о том, что немецкоязычный дискурс тематически более узконаправленный и подчинен одной цели – информировать об актуальном регламенте работы вуза в условиях пандемии. Русскоязычный COVID-19-дискурс имеет интертекстуальный и междискурсивный характер, поскольку на странице сайта присутствует расширенная информация о самом вирусе, правилах поведения в университете в условиях пандемии, особенностях и возможностях онлайн и офлайн-обучения, а также о способах соблюдения мер безопасности в городе.

2. Ввиду различий грамматических систем двух языков, а также несовпадения жанров наблюдаются расхождения синтаксического рисунка в используемых грамматических конструкциях:

Немецкоязычный COVID-19-дискурс

- 1) эллиптические предложения-перечисления,
- 2) клише, устойчивые словосочетания, аг
- 3) пассивные конструкции,
- 4) инфинитивный оборот с модальностью необходимости,
- 5) модальность необходимости,
- 6) конструкции с глаголом *gelten*

Русскоязычный COVID-19-дискурс

- 1) предложения-обращения,
- 2) простые нераспространенные предложения,
- 3) повелительные конструкции,
- 4) вопросно-ответные конструкции,
- 5) инфинитивы в сочетании с маркерами модальности необходимости,
- 6) условные придаточные предложения,
- 7) модальные глаголы возможности

3. Анализ лексического уровня, напротив, показал практически максимальное сходство в употреблении тематически ориентированной лексики и терминологии. В обоих дискурсах были выявлены следующие тематические группы (таблица).

Высокая частотность лексических единиц наблюдается в обоих дискурсах в тематических группах «правила защиты, поведения» и «вакцинация». Это можно объяснить тематической направленностью дискурса COVID-19 и его основной целью. В русскоязычном дискурсе также с высокой частотностью встречается лексика, посвященная формату обучения в вузе в период пандемии. Следует отметить, что анализ русскоязычного дискурса позволил выявить больше лексических единиц по теме «коронавирус» по сравнению с немецкоязычным дискурсом. В равной степени низкой частотностью употребления характеризуется лексика в блоке «официальные документы». В немецкоязычном дискурсе была обнаружена тематическая группа «проекты», посвященная научно-практическим проектам по COVID-19.

Таким образом, предпринятое исследование позволило определить жанровое своеобразие университетского COVID-19-дискурса. Показана взаимозависимость жанровой структуры и внутрижанровых языковых средств. На данном этапе определены сходства и различия языковых маркеров дискурса – синтаксических и лексических, что позволяет предположить лингвокультурную обусловленность COVID-19-дискурса в структуре интернет-портала университета двух неблизкородственных языков. Однако данное предположение нуждается в дальнейшей расширенной верификации. Перспективы исследования также видим в определении транслатологических особенностей COVID-19-дискурса, учитывая транскультурный характер данного явления.

Тематические группы немецкоязычного и русскоязычного университетского COVID-19-дискурса

Table. Thematic groups of German-speaking and Russian-speaking university COVID-19 discourse

Тематические группы	COVID-19-дискурс	
	Немецкоязычный	Русскоязычный
Правила защиты, поведения	+++	+++
Вакцинация	+++	+++
Формат обучения (дистанционный/очный)	++	+++
Официальные распоряжения/положения	+	+
Вирус COVID-19	+	++
Проекты	+	–

ИСТОЧНИКИ

1. КоронавирусLive. URL: <https://www.hse.ru/COVID>
2. Corona.uni-mainz. URL: <https://corona.uni-mainz.de/news/>
3. Университет им. Людвига Максимилиана. Мюнхен. URL: <https://www.lmu.de/de/die-lmu/informationen-zum-corona-virus/index.html>
4. Кельнский университет. URL: <https://portal.uni-koeln.de/coronavirus>
5. Технический университет. Берлин. URL: <https://www.tu.berlin/themen/coronavirus/>
6. Гейдельбергский университет. URL: <https://www.uni-heidelberg.de/de/newsroom/informationen-zum-coronavirus>
7. Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://spbu.ru/vakcinaciya-ot-covid-19>
8. Воронежский государственный университет. URL: <https://www.vsu.ru/ru/anti-virus/>
9. Волгоградский государственный университет. URL: <https://volsu.ru/covid-19/>
10. САФУ имени М. В. Ломоносова. URL: https://narfu.ru/life/social/med_center/sovety/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дедова О. В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста: на материале русскоязычного Интернета: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 253 с.
2. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 35 с.
3. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устойчивое и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
4. Шчипицина Л. Ю. Модификация понятия текста в компьютерно-опосредованной коммуникации // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография. Орел : Горизонт, 2010. С. 186–195.
5. Шчипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 459 с.
6. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2012. 373 с.
7. Галичкина Е. Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7 (160). С. 94–101.
8. Скрипкина А. В. Internet-ресурс в формировании имиджа вузов на современном этапе // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 316–319.
9. Митягина В. А. Атрактивный образ вуза как коммуникативно-прагматическая цель // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2013. № 1 (17). С. 64–70.
10. Демина А. В. Сайт как инструмент имиджа вуза // Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. С. 204–206.
11. Чузунова Н. Ю., Острякова К. С. Официальный веб-сайт как инструмент формирования и продвижения имиджа вуза (На примере ФГБОУ ВПО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхе-

ма», Г. Биробиджан) // Путь науки. 2015. Т. 6 (16). С. 56–61.

12. Ахатова Б. А., Норузова Г. Б. Создание университетского сайта: Коммуникативный потенциал // Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография / отв. ред. М. Р. Желтухина. М. ; Волгоград : ООО «ПринТерра-Дизайн», 2020. 384 с.

13. Кудрявцева М. И. Университет как субъект коммуникативного пространства массмедиа: дискурсивные практики // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020 № 4 (11). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/51FLSK420.pdf>

14. Новикова О. Н., Калугина Ю. В. COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25, № 2. С. 376–381.

15. Карачина О. Е. Язык пандемии: лингвокультурологические аспекты // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 2 (22). С. 45–48. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.22.2.17>

16. Нефедова Л. А. О дискурсивной маркированности лексики пандемии коронавируса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 3 (845). С. 185–196.

17. Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 610 с.

18. Митягина В. А., Сидорова И. Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 105–115. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115>

19. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как гипертекст // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 3. С. 1–12.

20. Зайцева И. П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 801–813. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).801-813](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813)

21. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Языки славянской культуры, 2004. 477 с.

REFERENCES

1. Dedova O. V. *Linguo-semiotic analysis of electronic hypertext: On the material of the Russian-speaking Internet*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2006, 253 p. (in Russian).
2. Ahrenova N. A. *Internet Discourse as a Global Inter-cultural Phenomenon and its Linguistic Formation*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2009. 35 p. (in Russian).
3. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual Genre Studies: Established and controversial. *Journal of Psycholinguistics*, 2010, no. 12, pp. 105–123 (in Russian).
4. Shchipsina L. Yu. Modification of the concept of text in computer-mediated communication. *Mediatekst: strategii – funkcii – stil’ : kolektivnaya monografiya* [Media text: strategies – functions – style: collective monograph]. Orel, Gorizont, 2010, pp. 186–195 (in Russian).
5. Shchipsina L. Yu. *Comprehensive linguistic characteristics of computer-mediated communication*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Voronezh, 2011. 459 p. (in Russian).

6. Galichkina E. N. *Computer communication: Linguistic status, sign media, genre space*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Astrahan', 2012. 373 p. (in Russian).
7. Galichkina E. N. Internet discourse: The basic research areas and the tendencies of development. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2021, no. 7 (160), pp. 94–101 (in Russian).
8. Skripkina A. V. Internet resource in image-making of present-day universities. *Society and Law*, 2012, no. 5 (42), pp. 316–319 (in Russian).
9. Mitjagina V. A. The attractive image of the university as a communicative and pragmatic goal. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2013, no. 1 (17), pp. 64–70 (in Russian).
10. Demina A. V. The website as a tool of the university image. In: *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii: sb. nauch. tr.* [Science. Technology. Innovation: coll. sci. arts]. Novosibirsk, Izd-vo NGTU, 2015, pp. 204–206 (in Russian).
11. Chugunova N. Yu., Ostryakova K. S. The official website as an instrument of formation and promoting public image of the higher educational institution (on the example of Amur State university named after Sholom Aleichem, Birobidzhan). *The Way of Science*, 2015, vol. 6 (16), pp. 56–61 (in Russian).
12. Akhatova B. A., Noruzova G. B. University website creation: communicative Potentia. In: *Chelovek i ego diskurs – 6: digitalizatsiya kommunikativnykh praktik: kollektivnaya monografiya* [Zheltukhina M. R., ed. Digitalisation of Communicative Practices: Collective monograph]. Moscow, Volgograd, PrinTerra-Design, 2020. 384 p. (in Russian).
13. Kudryavtseva M. I. University as a subject of the mass media communicative space: Discursive practices. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2020, no. 4 (11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/51FLSK420.pdf> (in Russian).
14. Novikova O. N., Kalugina Yu. V. COVID-19 within the context of the current research on pandemic discourse. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 376–381 (in Russian).
15. Karachina O. E. Language of pandemic: Linguistic and cultural aspects. *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, vol. 2 (22), pp. 45–48 (in Russian). <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.22.2.17>
16. Nefedova L. A. On discourse markedness of the coronavirus pandemic vocabulary (in the german language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, iss. 3 (845), pp. 185–196 (in Russian).
17. *Russkij mir koronavirusnoj jepohi: kollektivnaja monografiya* [The Russian Language of the Coronavirus Era: coll. monograph]. Saint Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Science Publ., 2021. 610 p. (in Russian).
18. Mityagina V. A., Sidorova I. G. The genres of the personal internet discourse: communicative explications of a person. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 105–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115>
19. Akhrenova N. A. Internet-discourse as a hypertext. *Bulletin of Moscow State Region University' (electronic journal)*, 2016, vol. 3, pp. 1–12 (in Russian).
20. Zaitseva I. P. “Corona psychosis”, “corona skeptics”, “covidism”, “covidophobia” and other sociolinguistic markers of 2020. *Communication Studies*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 801–813 (in Russian). [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).801-813](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813)
21. Karasik V. I. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 477 p. (in Russian).

SOURCES

1. *Coronavirus Live*. Available at: <https://www.hse.ru/COVID>
2. *Corona.uni-mainz*. Available at: <https://corona.uni-mainz.de/news/>
3. *Ludwig Maximilian University. Ludwig Maximilian University. Munich*. Available at: <https://www.lmu.de/de/die-lmu/informationen-zum-corona-virus/index.html>
4. *University of Cologne*. Available at: <https://portal.uni-koeln.de/coronavirus>
5. *TechnicalUniversity. Berlin*. Available at: <https://www.tu.berlin/themen/coronavirus/>
6. *Heidelberg University*. Available at: <https://www.uni-heidelberg.de/de/newsroom/informationen-zum-coronavirus>
7. *St. Petersburg State University*. Available at: <https://spbu.ru/vakcinaciya-ot-covid-19>
8. *Voronezh State University*. Available at: <https://www.vsu.ru/ru/anti-virus/>
9. *Volgograd State University*. Available at: <https://volsu.ru/covid-19/>
10. *SAFU*. Available at: https://narfu.ru/life/social/med_center/sovet/

Поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 16.05.2022
The article was submitted 15.03.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 16.05.2022

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 22.08.2023. Подписано в свет 31.08.2023.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 12.3 (13.0). Тираж 100. Заказ 101-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.